

...В вендийском городке Рамбхе Конан встретил бритунийца Фридугиса. Фридугис прибыл в Вендию, чтобы найти заброшенный храм Кали и вернуть богине украденный оттуда около ста лет назад родственником Фридугиса алмаз, являвшийся глазом статуи Кали. После похищения камня проклятие богини лежало на семье похитителя. Конан решил сопровождать Фридугиса...

Дуглас Брайан. Глаз Кали

Глава первая Городок, где царит высокомерие

Название города — Рамбха — Конан выяснил только на третий день своего пребывания в нем. Вендия не слишком нравилась киммерийцу. И дело было не в жаре: несмотря на то, что Конан родился среди ледяных гор Киммерии, и холод навсегда запечатлелся в его ярко-синих, словно бы источающих лед, глазах, он без особенного труда переносил жаркий климат. Черные Королевства, Куш, Кешан хорошо помнили пирата Амру, черноволосого варвара с чертами белого человека под бронзовым загаром, окруженного ордой чернокожих пиратов.

Но в Вендии все обстояло иначе.

Жара усугублялась влагой, постоянно висящей в воздухе. Смуглые гибкие вендийцы с большими, томными глазами вовсе не были дикарями, какими считались обитатели джунглей Черных Королевств. И Конан, соответственно, не являлся для них «высшим существом», человеком с белой кожей, который умел все то же, что умели они, и еще обладал иными умениями, свыше обычного.

Нет, для утонченных вендийцев, возвращенных в лоне древней, изысканной цивилизации, Конан был самым обычным варваром-северянином, человеком, не имеющим ни надлежащих познаний, ни соответствующего воспитания. Что с того, что он — непревзойденный воин? Здесь такие имеются! Что с того, что он обошел пешком и на коне весь Хайборийский мир, все изведal, везде побывал? Путешественниками Вендию, страну купцов, не удивишь!

Сказать, что Конан «страдал» от высокомерия вендийцев, было бы неверно. Менее всего суровый киммериец расположен был «страдать» по какому-либо поводу — кроме, разве что, собственных промашек, которые подчас вызывали у него бешеную досаду.

Нет, находясь в Вендии, Конан испытывал постоянный щекочущий зуд: ему хотелось взять какого-нибудь высокомерного, задрапированного в цветастые шелка смуглого красавца и как следует отмутузить его. Просто ради того, чтобы испытать удовлетворение при виде того, как он утратит все свое высокомерие, забудет и о культуре, и о хороших манерах, и начнет скулить, умолять, пускать юшку из носа и обильные слезы из глаз.

Увы, эти варварские порывы ему приходилось сдерживать и с притворным спокойствием сносить косые, насмешливые взгляды вендийцев, пожимание плечами и неуловимые жесты, которыми те выражали свое недоумение: дескать, что это тут сидит и делает вид, будто имеет на это право?

В больших городах дело обстояло получше: там все-таки привыкли к пришельцам из далеких, не похожих на Вендию стран. Но в этой забытой богами Рамбхе чужаков видели крайне редко, поэтому северянин мгновенно превратился там в диковину.

Дела у Конана шли из рук вон плохо. Караван, в который он нанимался охранником, дошел до Аграпура, и там выяснилось, что у караванщика закончились деньги.

Он даже не расплатился толком со своими охранниками. Если говорить точнее, то попросту в одно прекрасное утро он скрылся с наиболее ценным и наименее громоздким из своего товара. Вскочил на коня и удрал — только его и видели.

Прочие, проклиная хитреца, поделили оставшееся. Конан не стал обременять себя товарами. Даже в кошмарном сне, под воздействием ядовитых паров черного лотоса, Конан не мог бы представить себя продающим на рынке все эти шаровары, женские украшения, покрывала и серебряные колокольчики для верблюдов, несущих на своей спине богатых и знатных господ.

Поэтому варвар взял горсть медяков, излил душу в долгом проклятии, адресованном коварному караванщику, и отправился в путь пешком. Он немного сбился с пути; пару раз пытался заработать — и в результате злой рок занес его в Рамбху.

Это место выглядело как конец любого пути, как воплощенное крушение всякой надежды. Конан не переставал удивляться тому, что здесь живут какие-то люди. Живут долго, поколение за поколением, и даже как будто довольны своим существованием.

Рамбха представляла собой небольшой городок, выросший в окружении влажных джунглей. Здесь даже имелся дворец правителя. Но — какой дворец и какого правителя! Все дело в деталях, как, бывало, говорил Конану один его приятель, кхитаец-философ. Возведенный из белого камня, привезенного издалека специально для этой цели, дворец был весьма высок — его центральная витая башня изначально вздымалась на двадцать человеческих ростов, никак не меньше. Башен, было две, центральная и левая, чуть пониже. Правой не возвели вовсе — видимо, не хватило камня.

Стены дворца были украшены богатой резьбой. Вдоль всего фасада тянулся широкий барельеф, изображающий полногрудых полубогинь, убегающих от демонов. Демоны с клыкастыми мордами и вытянутыми вперед руками с когтистыми пальцами, мчались по воздуху следом за пленительными женщинами. Те, с неправдоподобно тонкими талиями, с большими округлыми грудями и пышными бедрами, стремительно улетали от преследователей. Их тела соблазнительно изгибались, а на губах застыла сладострастная улыбка: казалось, полубогини готовы попасть в руки своих дьявольских поклонников и отдаться им — только прежде, чем позволить себя поймать, этим лицемерным красоткам требовалось соблюсти некоторые приличия.

Вокруг дворца был разбит сад с гранатовыми деревьями; для украшения и оживления пейзажа туда поселили несколько павлиньих и фазаньих семейств. В глубине сада имелась беседка с витыми колоннами, деревянными, но расписанными под золото и лазурь весьма искусно; там, как говорили, обитала священная белая кобра, которую кормили молоком из хрустального блюда.

Все это выглядело великолепно... много столетий назад.

Теперь и дворец, и сад, и обитатели этого сада пришли в полное запустение и вернулись, кто как мог, к изначальной дикости. Павлины расплодились и с важным видом ходили повсюду по дорожкам, как будто осознавали, что весь этот дворец принадлежит исключительно им. Из-за ограды то и дело доносились пронзительные птичьи крики. Белая кобра не то сдохла, не то пряталась где-то; давным-давно уже перестали приносить ей молоко, хотя хрустальное блюдо все еще существовало. Правда, трудно было разглядеть хрусталь в этой круглой плошке, облепленной глиной после многочисленных дождей.

Правители Рамбхи, впрочем, существовали и обитали они именно в этом полуразвалившемся дворце. Обе его башни были надломлены и раскрошились. Чудесный округлый барельеф с изображением полубогинь и демонов осыпался, и фигуры местами приобрели отталкивающий вид. Тем не менее, последние потомки древнего рода повелителей Рамбхи даже и не думали покидать свое обиталище.

С какой стати? Их вовсе не смущало то обстоятельство, что повелевают они не великим и богатым городом, который основали их предки. Они как будто не замечали того несомненного обстоятельства, что караванные пути сместились к югу, и Рамбху начали покидать жители. К тому времени, как неудачи и дурное стечение обстоятельств занесли туда Конана, в городке осталось всего пять улиц, застроенных глинобитными домами. Скорее деревенька, нежели город. Если не считать амбиций, разумеется.

Дворец-то здесь сохранился, династия правителей насчитывала несколько десятков поколений знатных предков, поэтому высокомерие жителей Рамбхи не ведало границ. Еще бы! Они ведь хранили древнейшую традицию и считали себя избранными!

Запущенный сад с его одичавшими обитателями привлекал Конана. Киммерийцу уже на второй день пребывания в Рамбхе начало казаться, что здесь, несомненно, припрятаны несметные богатства. «С этих вендийцев станется, — угрюмо размышлял он, даже не пытаясь пересчитать убогое содержимое своего тощего кошелька, — они ведь будут спать на золотом ложе и мочиться в горшок, вырезанный из цельного изумруда, потому что все это досталось им от предков. Нет, чтобы продать всю эту рухлядь и возродить город. Понастроить здесь кабаков, домов с веселыми девицами, учинить — ну хотя бы ежегодную конскую ярмарку или там рынок рабов на худой конец... До таких низменных идей здешний люд не опускается. Они предпочитают чахнуть среди обветшавшей роскоши и даже не получают удовольствия от предметов, которыми владеют. Надо бы помочь им и хотя бы отчасти рассеять их заблуждения».

Пробраться в сад и пошарить по дворцу, который давно уже никто не охранял, не составляло большого труда. Конан предпринял эту вылазку на вторую ночь, проведенную им в Рамбхе.

Увы, его ожидало сильное разочарование! Большинство залов дворца стояли пустые, здесь не осталось даже крыш. Лианы свободно обвивали колонны и опутывали большие статуи. Конан на всякий случай отодрал пару листьев, рассчитывая увидеть блеск золота. Однако и здесь его надежды не оправдались. Статуи эти, искусной работы древних мастеров, были сделаны из камня или бронзы. Никакого золота не оказалось и в помине.

Полы, некогда украшенные великолепными мозаиками, были густо загажены птицами. Никто не спорит, у павлина роскошный хвост, особенно когда самец этой птицы намерен произвести впечатление на даму своего маленького, быстро колотящегося сердечка... Однако пачкают полы и мебель эти красавцы не хуже, чем любая ворона.

«Таково свойство всего живого, — думал Конан, ухмыляясь. — Увы! Как бы чудно это живое ни выглядело, оно бывает на диво неприглядно. С другой стороны, оно все-таки живое. Что-то есть во всех этих застывших статуях такое, что заставляет меня содрогаться. Магия? Вероятно, магия... Древняя, спящая под листьями... — Он поежился. Конан ненавидел магию во всех ее проявлениях. От нее бесстрашного киммерийца бросало в дрожь. — Нет уж, пусть себе спит. Не буду я тревожить эти статуи...»

Только один раз он встретил во дворце человека. Это был какой-то вендиец в длинном парчовом халате, рваном, но все же сияющем под лучами луны. Путаясь в полах длинного одеяния, человек шел по обваливающимся ступеням. Он поднимался в одну из башен дворца. Вероятно, оттуда намеревался наблюдать за звездами или творить какие-нибудь чары. Конана он не заметил. Ничего удивительного. Все эти люди столетиями привыкли жить среди призраков.

Призраков своего прошлого, призраков былых воспоминаний — собственных и чужих. Еще одна тень, встреченная в переходах дворца-руины, ничего не меняла.

Оставшись ни с чем, варвар не мог даже найти себе в Рамбхе подходящего ночлега, не говоря уж о нормальной пище. Не считать же «трактиром» то место, куда обитатели Рамбхи являлись каждый вечер, чтобы поболтать и промочить горло! Это был навес из пальмовых листьев, сооруженный над большим костром — очаг, выложенный закопченными камнями, помещался прямо в земле. Хозяйское место отгораживала «стойка» — небольшое ограждение, сделанное из бамбука. Хозяин, очень смуглый, почти черный человечек с выпирающим над набедренной повязкой животом, выпуклыми черными глазами и очень кудрявыми волосами, целый вечер суетился и колдовал над своим костром.

Он подавал посетителям напитки, обжигающе-горячие и к тому же сдобренные перцем. Конан так и не понял, имелся ли в составе этого пойла алкоголь: после первого же глотка горло чувствовало себя так, словно злобные палачи содрали с него последнюю кожу. Глаза вылезали на лоб после второго глотка, а третий заставлял даже такого нечувствительного к выпивке человека, как киммериец, ощущать себя близким родственником огнедышащего дракона.

И, тем не менее, утонченные жители Рамбхи, выродившиеся потомки знатных вендийских родов, последние в череде славных предков, глотали эти напитки кувшин за кувшином, и только чуть смуглее делалась их кожа, чуть более блестящими становились зрачки томных, подернутых влагой глаз, да зубы начинали посверкивать в слишком широких улыбках. И — все! Удивительно...

Еды там почти не подавали. Когда Конан попросил за свои последние три медяка приготовить ему лепешку, хозяин заведения уставился на чужака как на отвратительного варвара, человека, не получившего никакого воспитания, убогую личность, которая не ведает, что такое хороший тон, манеры и вообще приличия. «Как?! — было написано на обезьяньей мордочке хозяина. — Вы, кажется, намерены жевать прилюдно?! Где вас воспитывали, хотелось бы знать? Впрочем, нет, не оскверняйте моего слуха наименованием этого ужасного места, откуда выходят

такие кошмарные типы... О! До чего мы дожили, если нам приходится созерцать жующего человека? Воистину, боги отвернулись от Рамбхи!»

Тем не менее, внушительная мускулатура варвара, зверская физиономия, которую он скорчил, демонстрируя свое нетерпение, жуткая пантомима, посредством которой изображался «Голод» (палец, энергично тыкающий в разверстую пасть, при вытаращенных глазах), и прочие средства убеждения сделали свое дело. Конану, морщась от отвращения, подали еду. Затем все посетители заведения отвернулись, дабы их не стошнило при виде столь неутонченного зрелища, как киммериец, поглощающий лепешку и наваленную поверх нее снесь — овощи и немного мяса.

Разумеется, на следующий день киммерийца встретили там как весьма нежелательного гостя. Хозяин долго делал вид, будто не замечает этого клиента. Наконец Конан изловчился, поймал его за ухо и подтащил к себе.

— Я голоден, — сообщил киммериец. Он выложил на ладонь последние медяки и поднес их к самому носу хозяина.

Тот отчаянно скосил глаза и жалобно скривился, но вялые жители Рамбхи никак не отреагировали на этот тихий призыв о помощи. И таким образом Конан вытребовав для себя вторую порцию лепешек с мясом и овощами.

Он уже прикидывал, в какую сторону из Рамбхи ему податься, поскольку вести здесь сколько-нибудь приличную жизнь было попросту невозможно, как третий день преподнес Конану настоящий сюрприз.

Конан встретил человека одной с ним расы. Здесь, в вендийской глуши, вдали от больших торговых дорог! Поистине, это было так удивительно, что Конан в первую минуту не поверил собственным глазам.

Глава вторая

Путешественник из Бритунии

В отличие от варвара, незнакомец, пришедший откуда-то с запада, выглядел совершенно невозмутимо и держался весьма спокойно. При первом же взгляде делалось понятно: вот мужчина, который целиком и полностью отдает себе отчет в каждом своем действии и совершенно явно знает, чего он хочет.

Он пришел утром. С ним была смиренная, довольно толстая лошадь, желания которой отличались той же определенностью, что и побуждения ее хозяина.

Она никуда не спешила. Добравшись до места, где можно было отдохнуть, она неторопливо попила и принялась щипать траву. Ей не было дела ни до назойливой мошкары, ни до местных жителей. От насекомых она отмахивалась хвостом, на крики обитателей Рамбхи: «Уберите скотину — это священный луг — здесь нельзя пасти лошадей!» — лошадка только двигала ушами, но никак не реагировала.

Владелец лошади отличался довольно высоким ростом, но, в отличие от мускулистого киммерийца, был довольно плотного и рыхлого сложения. Мускулов у него не имелось, кажется, вовсе. Внушительный слой жира покрывал его тело. Он носил невозможную в вендийском климате одежду: длинные штаны, длинную тунику, сапоги из буйволового кожи, а на плечах, поверх туники, — плащ. Золотая пряжка скрепляла плащ на плече. Голову венчал туранский убор — шелковый плащ, обмотанный несколько раз вокруг лба. Видимо, последним элементом своего причудливого туалета путешественник обзавелся по дороге в Вендию. Это была

единственная разумная деталь его костюма, поскольку она предохраняла его от солнечного удара.

Пот катился градом по красному лицу путника. Светлые жесткие его волосы слиплись и приклеились ко лбу. Губастый рот постоянно был приоткрыт; дышал путник тяжело и явно радовался каждому удачному глотку воздуха.

Маленькие глазки, светлые, почти белые на багровом, сожженным солнцем лице, внимательно глядели по сторонам, как будто намереваясь уловить и запомнить каждую мелочь.

Разумеется, он был голоден — и, разумеется, голод пригнал его под тот же пальмовый навес, куда в полной безнадежности притащился и Конан.

Чужак развалился на лучшем месте, в тени. Когда явились те, кто претендовал на это место (вероятно, самые почтенные из жителей Рамбхи), они были неприятно удивлены появлением чужестранца и его непревзойденной наглостью. Даже черноволосый дикарь с гигантскими ручищами и гневным взглядом, этот надоедливый и дурно воспитанный киммериец, не позволял себе подобных выходов.

Конан с любопытством наблюдал за чужаком и местными. Интересно, во что выльется новый конфликт? Прогонят ли здешние чужого — или будут вынуждены принять его правила? В любом случае Конан приготовился поддержать чужого. В конце концов, он был один против всех, а это вызывало у киммерийца самое искренне уважение.

Чужак некоторое время ждал, пока на него обратят внимание и подадут ему еду и питье. Он демонстративно снял с пояса кошелек и положил его перед собой, время от времени позвякивая содержащимися внутри монетами.

Никакого результата. В сторону чужака даже не покосились. Наконец он решил подать голос:

— Эй, вы! Я проделал довольно долгий путь, прежде чем добрался до вашего проклятого богами и людьми городишки! У меня есть деньги, слышите? Или вы уже забыли, что такое деньги и что можно купить на звонкую монету? В таком случае мне вас жаль, жалкие черномазые дикари!

Конан едва не расхохотался, услышав это. Он уже понял, что человек, ведущий себя столь уверенно и развязно в совершенно незнакомом месте, — бритунец. Это явствовало и из внешности чужака, и из его манер, а когда он заговорил — то из его речи.

Назвать вендийцев «жалкими черномазыми дикарями» мог только уроженец Бритунии. Ничего более глупого чужак и придумать не мог. Эти люди страшно кичатся древностью своего происхождения и утонченностью своей культуры. Все прочие достижения цивилизации, кроме своих собственных, они считают за ничто.

Конан едва не вмешался в разговор и удержал себя от слишком активных действий лишь большим усилием воли.

Бритунец между тем продолжал:

— Слышите, вы! У меня есть деньги. Я бы заплатил за миску хорошей похлебки, если вы тут, конечно, варите что-нибудь в таком роде... Ням-ням, ясно вам? Боги, ну и болваны! Я ведь предлагаю вам настоящую звонкую монету в обмен на ваше варево...

Конан фыркнул, не удержавшись: бритунец со своими потугами отыскать путь к сердцу вендийцев выглядел довольно потешно.

Пришелец тотчас обратил внимание на варвара.

— Эй, послушайте, вы!.. Да, вы! Вы ведь человек цивилизованный, хоть и вырядились в варварские одежды!

Конан, который долгое время считал слово «цивилизованный» ругательным, едва сдержал смех.

Бритунец приветливо кивал ему:

— Я понимаю, что заставило вас принять подобный облик. В конце концов, путешествие среди дикарей накладывает свой отпечаток даже на благородную внешность. Однако Фридугис из Бритунии всегда узнает собрата, как бы он ни вырядился. Могу я, в свою очередь, узнать ваше имя, уважаемый господин?

— Меня зовут Конан из Киммерии, — буркнул варвар. — Я вовсе не господин и уж всяко вами не уважаемый. Вы вот назвали меня варваром — так ведь я варвар и есть, а коли у вас в том возникли сомнения, мой друг Фридугис, то я могу привести вам массу ученых доказательств тому, и притом — не сходя с места.

— О! — сказал Фридугис. — И какие это доказательства?

Конан продемонстрировал ему свой гигантский кулак.

Фридугис оживился.

— Любите борьбу?

— Просто могу расквасить вам нос, если попросите, — сообщил варвар.

Фридугис приветливо кивнул ему.

— Что ж, это почтенно. Если угодно, могу именовать вас варваром...

— Лучше просто Конан, — сказал Конан. — Это избавит вас от множества неприятностей в дальнейшем.

— Идет! — сказал Фридугис. — Итак, любезный Конан, не подскажите ли вы мне способ заставить этих олухов обратить, наконец внимание на голодных посетителей?

— Можно, — подумав, ответил Конан. — Например, если помочиться в их костер. Наверняка они подскочат и начнут вопить.

— Превосходная мысль, мой друг! — развеселился Фридугис. И он начал копаться в своей одежде с явным намерением осуществить предложение Конана.

Конан удержал его в самый последний миг.

— Боюсь, дружище Фридугис, что это будет последней шуткой в твоей жизни.

— Да? — Фридугис с презрением осмотрел жителей Рамбхи, глядевших на него, в свою очередь, с нескрываемым подозрением. — Но как же заставить эту глупую обезьяну все-таки принести мне поесть?

Конан встал.

— Я попробую уладить дело.

Он приблизился к хозяину и двумя пальцами зажал его шею в тиски.

— Слушай, ты, — дружелюбно обратился к нему варвар, — подай-ка мне и вон тому господину по куску хорошего жареного мяса. Ты понял? Он платит. Не притворяйся, будто ты ничего не понимаешь.

Хозяин вырвался и потер шею. Он выкрикнул несколько отрывистых фраз, явно бранных, но Конан невзначай коснулся рукояти меча, торчавшей у него из-за плеча (в незнакомом месте, да еще таком недружелюбном, как Рамбха, Конан не решался расстаться с оружием ни на минуту). Хозяин сердито буркнул что-то и ушел — видимо, отправился за мясом в ледник.

И действительно, спустя некоторое время оба чужестранца получили по здоровенному куску плохо прожаренного мяса. Конан невозмутимо грыз свою порцию, впиваясь в жесткое мясо крепкими белыми зубами. Бритунец пользовался острым ножом, не желая чересчур обременять свои челюсти.

Наконец оба гостя, к великому облегчению завсегдатаев, удалились. Бритунец ковырял в зубах ножом и вообще был страшно весел.

— О, я демонстрирую отвратительные манеры! — заявил он Конану.

Рыгнув, варвар ухмыльнулся во всю пасть.

— Могу я полюбопытствовать теперь, дружище Фридугис, какая нелегкая занесла тебя в эту дыру? Здесь даже пожить нечем. Ни один порядочный вор не задержится здесь дольше, чем на час.

— Отсюда вывод: либо я непорядочный вор, либо я вообще не вор, — заметил Фридугис. — Что ж, логика железная. Не обучался ли ты философии, мой друг?

— Немного, — скромно ответил Конан. — В Кхитае. Я даже возглавлял одну философскую школу. Правда, недолго.

Подробности своего пребывания в качестве главы философской школы в Кхитае Конан предпочел опустить. Достаточно сказать, что учение варвара сводилось к исключительно простому постулату: всякий враг да будет уничтожен любым доступным способом; а следствием распространения этого нехитрого постулата сделались рост агрессивности и повсеместная порча доселе смиренных кхитайских учеников...

Фридугис испытывал явное удовольствие, видя, что его новый знакомец впал в замешательство. При всей своей проницательности и житейском опыте Конан не мог угадать, кто такой Фридугис и что ему понадобилось в Рамбхе.

Член ученой экспедиции? Конан слышал о исконно бритунской придури: отправляться в чужие страны не ради наживы, но ради новых знаний и впечатлений. Некоторые из таких путешественников даже считают своим долгом сочинять книги обо всем увиденном и пережитом. Другие находят какие-нибудь замечательные растения, собирают их клубни или, семена, а потом остаток жизни посвящают тому, чтобы вырастить нечто подобное на бритунской почве. Третьи пытаются ловить чужеземных животных и в клетках везут их на родину, дабы знатные и богатые люди получили возможность любоваться на сии диковины. Впрочем, последнее мероприятие, по крайней мере, сулило хоть какую-то выгоду.

Но путешествия за знаниями? Этого Конан решительно не мог понять. Все в его практической натуре противилось подобному времяпрепровождению.

Бритунец сказал:

— Я покинул родину исключительно ради того, чтобы испытать свои способности. Я вышел в путь один и до сих пор избегал всяких спутников. О, иногда мне случалось примкнуть к каравану или к какой-нибудь группе воинов или путешественников. Это было захватывающе! Один раз, когда я находился близ моря Вилайет, я даже побывал членом бандитского отряда. Мы совершали набеги!

Точнее, это они совершали набеги на мирные караваны, а я только наблюдал и записывал. У меня осталось несколько портретов...

— И где эти портреты? — спросил Конан без особенного интереса. Чего-чего, а разбойников близ моря Вилайет он повидал больше, чем хотел бы. И все они, по мнению Конана, были довольно скучны. Ну, может быть, кроме двух-трех отдельных личностей... Иногда такие банды возглавляет женщина. Тоже забавно. Но, в общем и целом — тоска. И дерутся плохо, берут числом, а не умением.

— Вообразите себе, дружище, — сказал Фридугис с широченной улыбкой, — мне удалось хорошо заработать на этих портретах, когда я оказался на другой стороне озера Вилайет. Их охотно купили представители закона. Дали немалые деньги! Смешной народ, право...

Конан хмыкнул, как бы разделяя веселье своего собеседника. Впрочем, хмыканье получилось малоубедительным.

— Станный способ зарабатывать на жизнь, — сказал Конан. — Рисовать физиономии грабителей! Твое счастье, приятель, что они не узнали, чем ты промышляешь.

— Но я промышляю отнюдь не этим, — сказал Фридугис, несколько удивленный прямолинейностью варвара. — Отнюдь! Это был побочный эффект от моего путешествия. Далее я шел один довольно долгое время. Миновал Карпашские горы. Совершенно один! О, это было увлекательно! В горах водятся оборотни. Принимают вид красивой женщины, заманивают путников — а затем, после упоительной ночи любви, наступает зловещая развязка. Впрочем, в моем случае до развязки не дошло.

— Вероятно, не дошло и до завязки, — заметил Конан как бы между прочим.

Фридугис сделал вид, что оскорблен.

— Я никогда бы не решился отказать даме, — объявил он. — Даже если у этой дамы изо рта растут клыки. Просто времени не хватило. Поздоровались и разошлись, каждый в свою сторону.

— А, — сказал Конан, — вероятно, это тебя и спасло.

— Вероятно, — подтвердил Фридугис и поджал губы. Следует отдать бритунцу должное: сердился он недолго и скоро продолжил повествование. — Спустя некоторое время я решил объявить себя гадалщиком и в таком качестве сделался спутником одной богатой старухи. Она нуждалась в предсказаниях на каждый день, а мой предшественник, старик-прорицатель, еще более древний, чем она, взял да и помер посреди дороги! То ли не выдержал тягот пути, то ли попросту... — Тут Фридугис понизил голос, как будто опасался, что его могут услышать посторонние. — У меня после двухдневного общения с этой старухой возникло такое ощущение, что она попросту свернула своему гадалщику шею. Видимо, он напроорочил ей какую-нибудь гадость. Однако это не имело никакого отношения к моему делу. Я видел, что заказчику необходим прорицатель. И кстати, я неплохо справлялся! Я говорил ей, какая ожидается погода, и никогда не ошибался.

— Ну, еще бы, — вставил Конан, — ведь вы шли, как я понял, через пустыню.

Бритунец ухмыльнулся.

— Вот именно! А ей было важно, чтобы кто-нибудь, кому она доверяет, кто-нибудь посторонний, и притом чрезвычайно напыщенный, — тут Фридугис надул грудь и расправил плечи, — предсказывал жаркую и сухую погоду в разгар лета

посреди пустыни. Чем я и промышлял — по преимуществу. Еще я предсказывал появление кочевников, если замечал вдали пыль, поднятую их лошадьми. Бывало, удачно предрекал у хозяйки приступ меланхолии, — особенно если у нас заканчивалась вода, а до ближайшего колодца оставалось еще полдня пути. В общем и целом, мне было с ней хорошо. Она заплатила не слишком щедро, но этого было довольно, чтобы найти для себя место в караване. Последние несколько недель я передвигался один. Радегунда немного скучала без общества себе подобных, но я был доволен. Надоели люди с их глупой болтовней.

— Кто такая Радегунда? — осведомился Конан с недовольным видом. «Не хватало еще выяснить, что с этим бритунцем путешествует какая-нибудь девица, — подумалось киммерийцу. — Возлюбленная, решившая сбежать с горе-путешественником? Сестра? Или, да спасут меня боги, — незамужняя дочь? Нет ничего ужаснее незамужней дочери, особенно если над нею тяготеет какое-нибудь проклятие...»

Конан подозрительно глянул на бритунца, словно пытаюсь выяснить: нет ли при том какой-нибудь нежелательной и проклятой дочери. И, попутно недурно бы узнать: не лелеет ли означенный бритунец надежду на то, что Конан-киммериец поможет ему эту самую проклятую дочь избавить от тяготеющего над нею рока?

Фридугис выдержал паузу ровно настолько, чтобы Конан ощутил беспокойство в полной мере, а затем объяснил:

— Радегунда — это моя лошадь. Ты, должно быть, видел ее. Она мирно паслась на лугу.

— Да, — сказал Конан кисло. — Это их священный луг или что-то в том же роде.

— А, — бритунец с беспечным видом махнул рукой, — не имеет значения. В Вендии полным-полно священного. Тут все священное. Просто плюнуть некуда. Везде — след от какого-нибудь божества, древняя лежанка какого-нибудь ветхого мудреца, который когда-то и что-то изрек, либо стойбище для их духов, либо место, где витают духи их предков... Нельзя безнаказанно жить на одном месте столько тысячелетий подряд. Накапливаются духи, предки, умершие, боги, полубоги, демоны, проклятые люди...

При последнем слове Конана передернуло: он усмотрел в нем намек на свое изначальное предположение. Но Фридугис выглядел совершенно невинно.

«Нет, — решил, в конце концов Конан, — он все же действительно путешествует один. Он ведь бритунец. Это уроженец Султанапура мог бы сказать — я еду один, — хотя на самом деле он едет не один, а с целым гаремом. Для такового женщина не является спутником и вообще кем-то, кого следует учитывать. Человек Заката непременно сразу сказал бы, что путешествует вдвоем...»

— Если ты не возражаешь, — сказал Конан вслух, когда все посетившие его мысли пришли в упорядоченное состояние, — я бы присоединился к тебе на некоторое время. Видишь ли, мы с тобой оба по горло завязли в этой Вендии, и выбраться отсюда будет делом весьма нелегким. Мое путешествие не было таким же поучительным, как твое, хотя не могу похвастать тем, что оно было более удобным или полезным.

— В каком смысле? — заинтересовался Фридугис.

Конан поморщился.

— В том смысле, что мне не заплатили за последнюю работу, а здешние жители, каналы, ни за что не захотят расстаться ни с единой монетой, не говоря уж о таких великих ценностях, как хлеб и питье, коль скоро речь заходит о чужестранцах. Словом, ненавижу Вендию! Мечтаю вырваться из ее душных объятий.

Фридугис немного поразмыслил над услышанным и наконец кивнул:

— Ты прав, Конан. Вендия — не лучшее место для тех, кто родился в нормальном месте. Ума не приложу, как мы расстанемся с нею.

— Просто пойдем отсюда вместе, — сказал Конан. — Я что-нибудь придумаю. Но мне хотелось бы иметь рядом с собой верного товарища, по крайней мере, на первое время.

— Согласен! — подхватил Фридугис. — Где ты остановился на ночлег?

Конан показал ему небольшую рощицу за пределами Рамбхи. Деревья росли там достаточно густо, чтобы давать тень днем и защищать от дождя, если таковой пойдет ночью. Ни слова не сказав в осуждение подобной «гостиницы», Фридугис привел в рощу свою флегматичную лошадь Радегунду и показал ей пару симпатичных полянок, где росла сочная трава. Радегунда с энтузиазмом взялась за дело. Она единственная из всех троих выглядела довольной.

Фридугис завалился спать, когда солнце еще не село. Конан бодрствовал некоторое время. Киммериец рассматривал своего нового спутника и раздумывал над всем, что услышал от него. Снова и снова перебирал он в мыслях повествование Фридугиса.

Нет, бритунец не лгал. Он действительно пустился в путь из родной страны и не взял с собой никого, даже слугу. Не подлежит сомнению и то, что большую часть дороги Фридугис проделал в одиночестве. Разные приключения, которых он коснулся в беседе с Конаном, также имели место быть. Любопытно, что Фридугис даже не хвастал своими удачами и ловкостью, хотя кое в чем он превзошел даже бывалого бродягу киммерийца. Бритунец не то не подозревал о том, как ему повезло и как ловко он выкрутился из трудной ситуации, не то попросту не считал свою находчивость чем-то из ряда вон выходящим.

Как будто так и надо: странствовать в одиночку, обводить вокруг пальца матерых разбойников с озера Вилайет, наниматься гадалщиком к старухам-сумасбродкам... М-да, презабавный тип.

Но что же ему, в таком случае, потребовалось в Вендии? Ведь что бы там ни наплел о себе Фридугис, у него вид человека, который в точности знает, чего добивается. Он не просто бродит по свету в поисках знаний или новых впечатлений. Не развеяться, не сразиться со скукой выехал он. Нет, у него имеется некая совершенно конкретная цель. Слишком уж уверенно держится бритунец, слишком мало заботится о неудачах, трудностях и опасностях пути. Такое возможно лишь в одном случае: когда человек твердо убежден в правоте того, что делает.

Так вот, об этой-то своей истинной цели Фридугис и умолчал, хотя производил он впечатление человека весьма общительного, непринужденного и даже болтливового.

Конан мрачно хмурился, рассматривая беспечную физиономию спящего Фридугиса. «Какой же секрет ты утаил от меня? — думал киммериец. — Какая же тайна оказалась достаточно важной, чтобы ты предпринял столь долгое и опасное путешествие? И почему ты не решился открыть ее мне, единственному человеку на

множество полетов стрелы кругом, способному помочь тебе? Глупый бритунец! Когда ты погибнешь от собственной предусмотрительности, не вздумай обвинять в этом меня, ибо уж я-то точно мог бы тебе помочь!»

Словно услышав эти мысли киммерийца, Фридугис вдруг всхрипнул и произнес вслух два слова.

Услышав эти слова, Конан напрягся, как старый боевой конь, до которого наконец-то донесся долгожданный зов боевой трубы.

Спящий бритунец сказал:

— Глаз Кали.

Глава третья Похищенный алмаз

Нелюбовь — нелюбовью, а о Вендии Конан кое-что знал. Иначе ему бы просто было не выжить в этой стране. И в частности многие познания Конана касательно Вендии касались двух вещей. Первая — дурманные вещества, которые дарили иллюзорную усладу и иногда выполняли роль отравы в заговорах и дворцовых переворотах. Этот опасный товар Конану доводилось и перевозить, и отыскивать в багаже контрабандистов, и даже определять его наличие в том яде, который убил какого-нибудь влиятельного вельможу или знаменитую куртизанку. Вторая же вещь касательно Вендии, которую Конан худо-бедно знал, представляла собой наиболее распространенные легенды о местных божествах.

Здесь, в Вендии, невозможно было и шагу ступить, чтобы не споткнуться о какую-нибудь статую или памятную стелу. В глухих джунглях, где, казалось бы, никогда не ступала нога человека, внезапно обнаруживался кусок обрушившейся древней стены, а на нем — недурно сохранившиеся остатки барельефа или надпись, сделанная на забытом языке.

Что до крохотных святилищ — иногда это был просто камень, на который время от времени возлагали цветы, — то им в Вендии не было числа.

Кали была великой богиней. Кое-что в ее культе вызывало у Конана даже нечто вроде почтения. В глубине души он считал ее вендийским — то есть несколько разжиженным — аналогом киммерийского бога Крома. Кали была весьма свирепа, она не ведала снисхождения. Люди поклонялись ей не из любви, а из страха.

В этом, кстати, заключалось отличие Кали от Крома: Кром вообще не требовал поклонения, ибо, дав новорожденному мальчику душу воина, Кром переставал интересоваться дальнейшей его судьбой. По мнению Крома, он сделал для юноши больше, чем достаточно. И уж как будущий воин распорядится своей жизнью, своим мечом и своей душой — его личное дело. По смерти воин встретит Крома лицом к лицу — тогда и состоится их главный разговор. И никакие ритуалы, жертвы, заклинания, молитвы и воздеяния рук тут не помогут.

Кали же поступала более жестоко. Она требовала жертв, причем жертв кровавых. А если она была не удовлетворена людским поклонением, то насылала на род человеческий всякого рода несчастья: мор, чуму, детскую смертность, безумие...

Ее святилища находились в глухих джунглях. Обезьяны и змеи устраивали себе там жилища. Кали это не беспокоило. Люди приходили туда раз в году с подношениями. На талии у Кали висит ожерелье из младенческих черепов, драгоценные камни она попирает ногами, в руках у нее окровавленные ножи.

У нее три глаза: двумя она следит за миром людей, а один смотрит в преисподнюю. При создании статуй эти глаза обычно имитируются драгоценными камнями. Не простыми, каких Конан перевидал множество, но какими-нибудь особенными: исключительной чистоты, красоты и величины.

«Глаз Кали»! Бритунец выдал себя. Стало быть, вот какова цель его путешествия! Вот зачем его понесло в такую даль! Но что он знает о глазе Кали? И какая из многочисленных здешних Кали имеется в виду?

Конан размышлял над этим довольно долго. Со стороны могло показаться, что варвар впал в каталепсию. Он уселся на землю, скрестив ноги, как часто делают люди, привыкшие жить без мебели, в шатрах, а то и под открытым небом, и, выпрямив спину, замер. Бронзовое от загара лицо киммерийца было совершенно неподвижным. Глаза застыли и казались сделанными из стекла, губы не шевелились, только ноздри чуть трепетали, втягивая душный воздух.

Глаз Кали! Теперь дело за малым. Нужно лишь идти вслед за бритунцем. И когда он отыщет то, что искал, забрать у него камень. Или, если этот Фридугис покажет себя добрым товарищем и сговорчивым малым, разделить добычу пополам. Конан вовсе не был таким уж кровожадным чудовищем и предпочел бы не убивать вновь обретенного приятеля. В конце концов, половина такой грандиозной драгоценности, которой, несомненно, является глаз Кали, — это большое состояние. Конану хватит на полгода безбедного существования, а бритунцу, воплощению умеренности и аккуратности, — лет на двадцать счастливой и полноценной жизни.

Фридугис опять повернулся. Кошель, висевший у него на поясе, вдруг выпал и лежал рядом со своим владельцем, крепясь к поясу лишь одним-единственным ремешком.

Все воровские инстинкты разом вскипели в Конане. В ярко-синих глазах киммерийца вспыхнул поистине дьявольский свет. Разве так можно — выставять напоказ все свои деньги? Конан колебался недолго. В конце концов, он не собирался обворовывать своего возможного спутника. Но проверить — что там у него в кошеле — Конан был просто обязан. Хотя бы в целях безопасности. Вдруг это — никакой не безобидный путешественник-чудак, а, к примеру, глава бритунских стражников? Конан сейчас не мог бы сходу назвать преступление, за которое его могли бы преследовать аж из самой Бритунии. Но, если как следует покопаться в бурной биографии варвара, наверняка что-нибудь да сыщется.

Лучше не рисковать, не так ли?

И Конан осторожно запустил пальцы в кошель.

И замер...

Он нащупал нечто, от чего мороз пробежал по его жилам, а кровь застыла, и душный жаркий воздух вендийского вечера вдруг наполнился живительной прохладой.

Ибо Конан в кошельке спящего бритунца нащупал огромный драгоценный камень. Конан почти не сомневался в том, что представляет собой его добыча. Подцепив его двумя пальцами, Конан извлек камень наружу.

Последние лучи заходящего солнца мазнули по камню, лежащему посреди большой заглубившей ладони киммерийца, и тысячи граней алмаза заиграли всеми цветами радуги. Отблеск плясал на лице Конана, радужки разбегались по траве,

рука киммерийца вся была залита разноцветным сиянием. Такого Конан действительно не видел никогда в жизни. Этому алмазу не было цены.

— Глаз Кали, — прошептал Конан еле слышно.

И камень, словно бы услышав, как благоговейно к нему обращается человек, вспыхнул с новой силой. Еще ярче сделались отблески драгоценных граней, еще быстрее запрыгали искры в глазах Конана. Он зажмурился, спасаясь от нестерпимого сияния, а когда вновь поднял веки, камень уже погас.

Солнце зашло за горизонт, в роще стало очень темно. Ночь наступала в Вендии без всякого перехода. Никаких сумерек, никакого балансирования на грани света и тьмы. Только что весь мир был залит призрачным розоватым сиянием — и вот уже настала непроглядная темень. Нужно подождать, чтобы звезды пришли в себя — равно как и люди, которые, сколько ни жили в Вендии, так и не научились мгновенно переходить от света к темноте. И лишь спустя несколько минут после внезапного, точно обрубленного мечом, окончания заката на черном бархатном небе проступают ночные светила.

Чуть позже появится луна, яркий серебряный спутник всех, кто крадется в ночи, — людей и диких зверей.

Конан сомкнул пальцы над алмазом. Некоторое время он рассматривал спящего. Стоит ли разбудить бритунца и предложить ему поделить добычу? Или просто стащить камень и дать деру? И то и другое было бы в порядке вещей.

В конце концов, алчность взяла верх. Разве Конан не был вором? В этом занятии он не видел ничего для себя постыдного. Он легко приобретал богатства и легко с ними расставался. Если его просили помочь — редко отказывал. Если его самого обворовывали — аплодировал удачливому воришке. Он играл по правилам и никогда не совершал подлостей, а в этом, как считал киммериец, и заключался залог его честности.

И, если уж на то пошло, разве сам бритунец не украл этот камень?

Он же сам проболтался во сне: «Глаз Кали». Этот камень принадлежал богине Кали, ее святилищу и жрецам, которые за этим святилищем ухаживали. Следовательно...

Конан решительно оборвал свои рассуждения, сочтя их слишком долгими. Если уж действовать, то без промедления.

И, сунув камень в собственный кошель, Конан скользнул в ночную тьму.

Бритунец так и не проснулся.

* * *

Конан быстро шагал по джунглям. В темноте варвар видел почти так же хорошо, как и днем. К тому же вскоре после наступления ночи на небе появилась луна в последней четверти перед полнолунием. Она заливала джунгли ярким серебряным светом, и в ее таинственных лучах Конану отлично виден был каждый лист, каждая ветка, каждая лиана.

Ориентируясь по звездам, он избрал направление на закат. Теперь, когда алмаз был у Конана, он не видел дальнейшего смысла своего пребывания в Вендии. Пора было перебираться поближе к цивилизованному миру. Алмаз легко продать в том же Шадизаре. И хоть за него никто не даст истинной цены, того, что можно выручить за подобный камень в Шадизаре, будет довольно, чтобы забыть о неудачном посещении Вендии.

Постепенно свет изменялся; появились первые предвестники скорого рассвета. Неожиданно — как будто некто подал им сигнал — разом запели птицы. Конан усмехнулся. Человек все-таки существо дневное. Даже вор.

Он прошел еще несколько шагов и вдруг провалился в глубокую яму.

Это произошло так внезапно, что Конан не успел даже прогневаться на собственную неосмотрительность. Гнев пришел потом, когда он огляделся и обнаружил, что действительно угодил в ловушку, из которой не просто выбраться.

Яма имела явно рукотворное происхождение. Какие-то неведомые охотники выкопали ее в лесу и чуть присыпали листьями поверх тонкой сетки из лиан, чтобы крупный зверь не заметил подвоха и ступил прямо в ловушку.

«Крупный зверь» скрипнул зубами. Отвесные стены высотой в два человеческих роста делали очень затруднительным, если невозможным, любое восхождение наверх. К счастью, на дне ямы не было кольев. Должно быть, зверя хотели захватить живьем.

Прирожденный скалолаз, выросший среди отвесных скал Киммерии, Конан несколько раз пробовал вскарабкаться по гладкой стене, но постоянно срывался и падал. Он не обращал внимания на боль, получаемую при этих падениях; его бесили собственная глупость и бессилие.

Наконец киммериец принял здоровое решение. «Если эти охотники действительно желают заполучить свою добычу, то они наверняка придут проверить свою ловушку, если не сегодня, так завтра — точно, — подумал Конан. — Стало быть, и беспокоиться мне не о чем. Нужно поспать, набраться сил. А завтра потолкую с этими звероловами. Для их же блага будет лучше, если они не окажутся людоедами, потому что... — Он скромно посмотрел на свои могучие руки. — Полагаю, я сумею постоять за себя».

И с этим варвар преспокойно растянулся на дне ямы и погрузился в безмятежный сон.

Этот сон был бесцеремонно нарушен. Ближе к полудню, когда солнце пробралось на дно ямы-ловушки, в голову Конана неожиданно полетели листья, комки грязи и скорлупа от орехов. Обстрел был настолько интенсивным, что киммериец даже подскочил. Он задрал голову, чтобы посмотреть на происходящее, и увидел, что сделался объектом пристального внимания огромной обезьяньей стаи.

Целая компания молодых обезьян радовалась неожиданно подвернувшейся потехе. Громко вереща и показывая голые красные зады, эти искаженные подобия человека скакали по деревьям вокруг ямы, размахивали длинными лохматыми руками и, с невероятной ловкостью цепляясь за ветки и лианы ногами и хвостом, с исключительной ловкостью метали свои снаряды в голову Конана.

Он едва успевал закрываться или уворачиваться; но, сидя на дне ямы, он не имел достаточного пространства для маневра. Киммериец скрежетал зубами от ярости. Этого еще не хватало! Он, один из величайших воинов Хайборийского мира (если не самый великий!), сидит в дурацкой яме посреди вендийских джунглей и служит игрушкой для развлечения обезьяньей стаи!

Рассвирепев, Конан зарычал не хуже тигра, и начал хватать комки грязи и скорлупу и метать их обратно в своих мучителей.

Восторгу обезьянок не было предела. Они приняли новую игру с еще большим энтузиазмом, чем первую. Правда, когда Конану удавалось попасть в какую-нибудь

из них, раздавался громкий обиженный вопль, похожий на детский плач. Обезьянка как будто верещала: «Мы так не договаривались! Ты сделал мне больно!» — и удирала, задрав хвост и стремительно перебирая руками.

Но прочие продолжали скакать вокруг и верещать. Наконец одна из обезьян сделала неловкое движение и упала в яму. Конан тотчас схватил ее за горло и поднял над головой.

— Видали? — заорал он с торжеством, так, словно другие обезьянки могли его понять. — Если вы не оставите меня в покое, я убью вашего приятеля и съем его в сыром виде!

Пойманная обезьяна пыталась вырваться, а потом вдруг смирилась со своей участью и только жалобно скулила. Конан ослабил хватку. Он вовсе не намеревался убивать животное. К зверям он относился порой гораздо лучше, чем к людям.

«В конце концов, — сказал себе Конан, — еще неизвестно, как бы я повел себя, будь я обезьяной».

Зверьки, едва только их товарищ очутился на свободе, с визгом разбежались. Наполовину придушенная Конаном обезьяна еще некоторое время сидела на краю ямы, но затем, придя, наконец, в себя, ушла и она.

Конан остался в одиночестве.

Время тянулось медленно. Солнце, проникая сквозь густую листву деревьев, падало на дно ямы, и жаркие его лучи кусали кожу человека. Скрыться было некуда, оставалось только ждать. Конана начала мучить жажда.

Он еще раз обошел свое нежеланное пристанище. Наконец он обнаружил то, что искал все это время. Пока обезьяны забрасывали его разным мусором, они накидали к нему много всяких ценных вещей. И в том числе — обрывки лианы, из которых можно было сделать веревку.

Конан принялся за дело. Он еще не слишком хорошо понимал, как выберется, но веревка для любого узника — начало спасения.

Не обращая внимания на голод и жажду, на палящее солнце и удушливую жару, киммериец трудился над своей веревкой. Ближе к вечеру она была готова. Он начал выбрасывать ее из ямы, метя в заранее облюбованный пенек.

Собственно, это было небольшое деревце, сломанное ближе к корню. Если изловчиться и сделать петлю пошире, то, возможно, удастся накинуть веревку на эту слабую опору.

Конан упражнялся в метании петли довольно долгое время, прежде чем ему повезло. Он осторожно натянул веревку и полез из ямы наружу.

Наконец-то! Конан перевалился через край, и некоторое время лежал на земле, глядя в небо. Крохотный клочок залитых закатным светом небес проглядывал между листьями. Конан дышал полной грудью.

Затем он поднялся на ноги и вновь зашагал по джунглям.

Наступала ночь — вторая ночь, считая с той, что Конан обокрал спящего Фридугиса. Следовало торопиться. Киммерийца и без того слишком задержала эта глупая история с ловушкой.

Ночные джунгли кишели хищниками, выбравшимися на охоту. Конана окружали таинственные шорохи. Несколько раз он видел, как сверкают в темноте желтые глаза: леопард крался на мягких лапах, высматривая себе добычу на эту

ночь. До чуткого слуха варвара доносилось еле слышное мяуканье: должно быть, где-то неподалеку прячутся детеныши леопарда. Опасно, подумал варвар. Если на охоту вышла мать, которой требуется во что бы то ни стало накормить своих детей, она не остановится ни перед чем. Даже перед человеком. Леопард, несомненно, знает, как опасно бывает нападать на человека, и прибегает к этому средству лишь в крайнем случае. Но — кто знает? — быть может, самка леопарда как раз и полагает, что настал этот самый крайний случай.

Конан любил хищных зверей. Его восхищали огромные кошки со сверкающими пятнистыми шкурами. И уж тем более ему не хотелось бы убивать самку леопарда — ведь тогда погибнут и детеныши.

Но превращаться в корм для них Конан не намеревался. Как бы хорошо он ни относился к зверям, собой киммериец дорожил несравненно больше. Поэтому он вытащил из ножен меч и приготовился отражать возможную атаку.

Однако зверь, который напал на него, не был самкой леопарда. Это было огромное животное, похожее на гиену, но размером с тигра. В отличие от прочих гиен, оно охотилось в одиночку, а не стайей. У него были огромные челюсти и гигантские, как плошки, горящие глаза.

Конан почувствовал, как волоски на его загривке поднимаются дыбом. Все его варварские инстинкты вопили о приближающейся опасности.

Он прислушался: в лесу вдруг стало тихо. Мяуканье котят перестало доноситься из логова леопарда. Самка леопарда скрылась; ее бесшумной поступи больше не было слышно — а прежде Конан не то улавливал едва заметное шевеление травы и затаенное дыхание дикого голодного зверя. Даже ночные цикады — и те умолкли.

Приближался некто грозный, кого боялись все.

Этот не боялся издавать звуки. Он ломил через джунгли как хозяин. Ветки трещали под его поступью. Приглушенное рычание вырывалось из его глотки. Конан чувствовал запах, от него исходящий, — запах падали.

Гиена, только очень большая и охотящаяся в одиночку, без стаи.

Конан поднял меч и приготовился защищаться.

Таких животных он прежде никогда не видел. Монстр, вылетевший на него из чащи, был поистине огромен — больше крупного тигра. Челюсти его были распахнуты, лунный свет играл на шкуре: гладкая, ярко-желтого цвета, с длинным лохматым гребнем вдоль всего хребта. Хвост чудовища, голый и вытянутый, как палка, дергался в экстазе: монстр предвкушал добычу.

Зверь прыгнул. Конан едва успел отскочить в сторону, таким стремительным оказался это бросок. Даже удивительно — киммериец не ожидал от ночного противника подобной прыти особенно если учитывать гигантские размеры его тела.

Озлобленно рыча, зверь повернулся к шустрому сопернику. Теперь хвост сильно бил по земле, поднимая какую-то удивительно едкую пыль.

Должно быть, в опавших листьях веками копились споры какого-то болезнетворного грибка. Конан внезапно начал чихать. Глаза его залило обильными слезами, он едва мог различать чудовище перед собой.

Превозмогая неожиданную коварную болезнь, варвар все же нашел в себе силы обороняться. Зверь припал к земле и испустил долгое глухое рычание. Его

огромные когтистые лапы взрывали листву, оставляя глубокие борозды во влажной мягкой почве.

Прижавшись к земле грудью, зверь рассматривал Конана холодными злыми глазами. Он искал слабое место своей будущей добычи. И совершил новый прыжок.

Конану удалось отклониться в сторону, но на сей раз зверь был осмотрительнее: еще в воздухе он растопырил лапы, так что, падая на землю, он все же успел задеть быстрого человека и повалить его вместе с собой. Конан ощутил резкую боль в плече: коготь вспорол кожу. Зловонная пасть надвинулась на киммерийца. В ярком лунном свете Конану хорошо виден был каждый зуб в чудовищной челюсти.

Но страшнее всего были, пожалуй, не зубы и не когти монстра, а его глаза. В них светился холодный, почти человеческий разум. Вполне осознанная ненависть горела в его взоре, когда он смотрел на человека, которого готовился убить.

Должно быть, множество людей погибло этим жутким образом, в челюстях монстра. И все они перед смертью встречались с его осмысленным взглядом и пугались еще больше. Страх был тем чувством, с которым они уходили из жизни.

Конан ощутил, как в нем вскипает ненависть. Киммериец — вовсе не то, что изнеженный вендиец с древней, многократно разбавленной кровью в жилах. Нет, кровь Конана — это молодое вино, легко ударяющее в голову! Конан был таким же диким и свирепым, как этот огромный зверь, обитающий в глуши вендийских джунглей.

В горле варвара зародилось рычание. Он чуть повернулся, не противясь тяжелой лапе, что придавила его к земле, и направил острие меча так, чтобы оно смотрело прямо зверю в грудь, затем резко дернулся в сторону.

Зверь рванулся за добычей и лязгнул зубам в воздухе... И в этот миг сам напоролся на острие меча. Испустив громкий торжествующий вопль, Конан выдернул меч из раны зверя и вскочил на ноги. Сталь победно засверкала киммерийца над головой.

Монстр припал к земле, рыча и готовясь совершить новый прыжок. Казалось, рана в груди совершенно его не беспокоит, но кровь вытекала оттуда широкой темной струей и пятнала листья. Сквозь непрерывное чихание и слезы Конан видел, что противник его серьезно ранен, и это наполняло сердце варвара ликованием.

Наконец-то он нашел достойного врага! Конан вдруг понял, что стосковался по настоящей битве — по такой битве, в которой ему грозила бы серьезная опасность. Это ощущение будоражило его, заставляло чувствовать себя живым. Многочисленные схватки с трусоватыми разбойниками или слабосильными уличными грабителями не шли ни в какое сравнение с этим поединком.

Схлестнулись два мощных дикаря в глухой чаще вендийских джунглей, посреди ночи, полной шорохов и таинственных звуков.

Конан был почти благодарен монстру за то, что тот вылез из своей берлоги и отправился на охоту, избрав своей добычей на сей раз человека.

Второй прыжок зверя стоил ему жизни. Казалось, чудище понимает это, но не может не атаковать. Возможно, у этого животного существует собственное представление о чести. Конан встретил своего врага мощным ударом меча, перерубившим одну из когтистых лап.

Раздался оглушительный вой, от которого содрогнулись джунгли, и Конан подхватил этот клич собственным воплем. Зверь катался по земле. Из обрубка лапы хлестала во все стороны кровь. Конан подскочил к нему и третьим ударом перерубил ему горло. Голова чудища откатилась в сторону, раз лязгнула челюстями и затихла. Желтый свет в глазах погас навсегда.

И тут Конан почувствовал, что вся его кожа горит, точно в огне. Он огляделся: весь он пошел пузырями, как будто и впрямь обварился кипятком или обжегся, упав в середину костра.

Он посмотрел на убитого им зверя. Язык, высунутый между зубами, почернел. Там, где на траву и опавшие листья попали капли звериной крови, уже дымились крохотные огоньки. Как будто из каждой кровавой капли зародился собственный небольшой костер.

Скоро удушливым дымом затянуло всю поляну, где происходила схватка. Огонь разрастался и начал потрескивать.

Этого только не хватало! В джунглях пожар! Если огонь разгорится, спасения не будет никому. Не хватало еще сгинуть здесь бесследно только потому, что какому-то глупому монстру вздумалось перекусить киммерийцем.

Конан бросился к огонькам и принялся яростно их затапывать. Но чем больше он бил по ним ногами, тем ярче они разгорались.

Конан плевал в них, забрасывал землей, даже пробовал молотить по ним тушей убитого зверя. Все было бесполезно. И кожа киммерийца горела все сильнее.

Наконец он сдался.

Следовало отыскать какой-нибудь ручей или озеро, причем как можно быстрее. Если забраться с головой в воду, то остается вероятность пережить натиск пламени.

Конан побежал сквозь джунгли. Он больше не думал о самке леопарда, которая наверняка охотится неподалеку. Почему-то Конан не сомневался в том, что она не станет есть убитого им монстра и уж тем более не потащит его мясо детенышам. Ей потребуется другая добыча.

Но киммериец ею не станет.

Кожа у него горела все сильнее.

Он отбежал на сотню шагов и остановился, чтобы посмотреть, что происходит на поляне, где он оставил труп.

Киммериец обернулся, ожидая, что увидит разгорающееся пламя. Зловещий багровый свет, ползающий между стволами деревьев и лижущий их корни... Начало гигантского пожара, который пожрет большую часть джунглей...

Но ничего подобного он не увидел. Там, откуда он бежал, не было вообще ничего. Ни света, ни дыма. Как будто ничто там не горело.

Конан вспомнил, как пламя ни за что не хотело гаснуть, хотя его затапывали и забрасывали землей. И киммериец, наконец понял: иллюзия. Последнее оружие чудовищного зверя — иллюзорный огонь. Если бы киммериец задержался на поляне подольше в своих тщетных попытках потушить несуществующий пожар, пламя выжгло бы его изнутри, и он бы попросту умер рядом с трупом убитого им чудовища.

Однако волдыри на теле Конана иллюзорными не были. Он действительно обжегся. И неизвестно еще, не вспыхнет ли колдовской огонь у него внутри, когда

пройдет достаточное количество времени. Следовало избавиться от наваждения как можно скорее. Конан вновь побежал сквозь джунгли. В любом случае ему необходимо найти воду. Он умирал от жажды. После битвы со зверем горло у него пересохло, и Конан едва держался на ногах.

Глава четвертая

Монстр в джунглях

Когда впереди блеснула полоска воды, Конан понял, что наступил рассвет: вода была залита ярко-розовым светом. И опять оглушительно запели птицы, все разом. Конан с размаху бросился в воду и долго с наслаждением плескался там, разбрызгивая золотисто-розовые капли. Он то погружался с головой и пил восхитительную прохладную воду, то выныривал на поверхность и любовался розовыми небесами. Рассвет плескался в воздухе — казалось, его можно было поймать рукой и сжать в пальцах.

Прохладная вода принесла облегчение обожженной коже варвара. Когда он выбрался на берег и устроился там, чтобы передохнуть, он еще раз внимательно осмотрел себя. Волдыри никуда не исчезли. Пятна ожогов — тоже. Боль, отпустившая было, пока Конан сидел в воде, начала донимать его с новой силой.

Киммериец решил не обращать на нее внимания. Рано или поздно ожоги заживут, и боль пройдет сама собой. Разумеется, если сыщется какое-нибудь средство против случившейся с Конаном неприятности, он не станет пренебрегать этим; но пока средство не найдено — нечего и думать о том, что у него, к примеру, здоровенный ожог на ляжке или что болит вздувшийся пузырь на спине.

Конан вытащил из кошель алмаз и поднял его перед глазами, держа двумя пальцами. Волшебный свет восходящего солнца заиграл на чудесных гранях, отбрасывая мириады искр. «Вот что извиняет все мои дурацкие похождения, — думал киммериец, любуясь камнем. — Вот мое главное утешение! Ради этой побрякушки я готов перенести и не такие испытания. Она принесет мне богатство и удачу, а какой-нибудь бездельник в Шадизаре, у которого денег несчитано, заполучит в свои цепкие лапы счастье любоваться этой штукой в любой момент. Повесит ее на смуглую красавицу или вденет в собственную корону...»

Или преподнесет какому-нибудь божеству.

Впрочем, Конану мало дела было до того, как поступит с драгоценностью шадизарский богатей. Пока длится путешествие, Конан имеет возможность наслаждаться игрой прекрасного камня; после его ждет иное наслаждение — счастье обладания деньгами. Очень большими деньгами.

Предаваясь мечтам, киммериец заснул. Вероятно, он проспал несколько часов, потому что когда он открыл глаза, был уже полдень.

Праздник рассвета закончился, начались будни обычного дня в джунглях. Лес жил полной жизнью, самые разнообразные существа — его обитатели — охотились, искали на деревьях плоды, ссорились, совокуплялись, заботились о детенышах, враждовали из-за охотничьей территории.

Конан с трудом встал на ноги и побрел дальше. За время его сна ожоги как будто разрослись и стали донимать его еще сильнее. Ему трудно было переставлять ноги. Хотелось упасть на четвереньки. Почему-то казалось, что таким способом передвигаться будет легче.

Вот еще не хватало! Конан был достаточно горд для того, чтобы не прибегать к подобному образу хождения. Пока он еще в силах, он будет идти, гордо выпрямив спину.

Но какая-то злая сила продолжала упорно гнуть его к земле. Каждый новый шаг давался Конану все с большим трудом. Тем не менее, киммериец продержался еще больше часа.

Неожиданно впереди между стволами деревьев показался просвет. Конан остановился, не веря собственным глазам. Он вышел к человеческому жилью! Здесь имелаась какая-то деревня.

Конан явственно различал хижины, круглые, сплетенные из травы и накрытые соломенными крышами. Ноздри его раздувались, улавливая запах огня и готовящейся на огне пищи. До его слуха начали доноситься и голоса. Звонкие голоса детей, более приглушенные и тихие — голоса женщин. Мужчин в селении не было. Должно быть, ушли на охоту или рыбалку.

«Добыча», — подумал Конан и облизнулся.

И тотчас одернул сам себя. Что с ним происходит? Почему он подумал о людях, живущих в этой деревне, как о добыче? Не превратился же он в людоеда? Хотя в этих ядовитых вендийских джунглях с человеком может произойти все что угодно. Самые невероятные мысли являются без спроса и поселяются в голове.

Конан заметил мальчика, бегущего в его сторону. Это был худенький смуглый ребенок в набедренной повязке. Клочок ткани прикрывал его голову от солнечных лучей. Больше на нем ничего не было. Очень темная кожа блестела от пота, огромные глаза с голубоватыми белками были широко раскрыты, зубы блестели — ребенок смеялся. Он бежал за тряпичным мячиком, который улетел в сторону леса.

Конан видел и игрушку. Но он не мог отвести глаз от мальчика. В мыслях почему-то варвар представлял себе сладкий хруст, который издадут эти тонкие кости на его зубах...

Странно. В самом деле, странно.

Конан опустился на четвереньки и услышал приглушенное рычание, в котором звучало торжество и предвкушение трапезы.

Ребенок остановился. Улыбка застыла на его губах. Он повел глазами из стороны в сторону и вдруг, оглушительно завизжав, бросился бежать обратно к домам.

А Конан, не вставая на ноги, как был на четвереньках, устремился в другую сторону.

Теперь он очень хорошо видел. Гораздо лучше, чем прежде, хотя и раньше он не мог пожаловаться на зрение. И очень хорошо чуял все происходящее. Не так, как чуял в былые времена. Запахи рассказывали ему гораздо больше, нежели когда-то. Он чувствовал чужой страх — кисловатый запах пота, проступающий на человеческом теле, говорил ему об этом. Он чувствовал все — вплоть до того, чья плоть будет вкуснее. К примеру, одна из женщин в деревне недавно ела чеснок, а Конану очень не хотелось бы мяса, пахнущего чесноком. Зато другая обожала перец. Чудесный душистый сладкий перец. У нее изумительная плоть. Конан облизнулся, предвкушая, как вонзит в нее зубы.

Он остановился, сел и поднес к глазам руку. Что-то с ним происходило неправильное. Впрочем, рука была замечательная. Огромная, лохматая, покрытая

чудесной желтой шерстью. С надлежащими когтями. Конан почесался задней лапой за ухом, стукнул хвостом по земле. Зуд в коже прошел. Ему было хорошо. Он встал на лапы и побежал дальше. Джунгли лежали перед ним и манили его тысячами запахов.

Странно выглядел этот зверь в обрывках человеческой одежды на шкуре, туго перепоясанный кожаным поясом, на котором болтался кошель с бриллиантом, и в ножнах, где еще сохранялся большой прямой меч.

* * *

К ночи Конан успел убить и съесть косулю. Он был сыт и страшно доволен — доволен всем: собой, своей жизнью, развитием событий. Еще бы! Весь мир лежал перед ним, все джунгли, и он мог охотиться, где пожелает. Даже тигр уступит ему свою охотничью территорию, если он явится туда и потребует своего. Даже тигр! Что же говорить о других хищниках, менее крупных и куда менее опасных...

Впрочем, самку леопарда Конан не обидит. В глубине своей памяти он хранил воспоминание о том, как трогательно мяукали в ночи маленькие котята. Пусть растут. Пусть вырастут во вкрадчивых хищников, движущихся сквозь ночь на мягких лапах. Пусть в джунглях появится новая ласковая смерть с чудесной пятнистой шкурой и вспыхивающими во тьме глазами.

Конан ласково зарычал, думая о них.

Ему хотелось самку. Но он знал, что нигде поблизости нет самки его вида. Может быть, и во всем мире не сыщется таковой. Он не знал. Может быть, он один на всем свете.

Что ж, тогда ему остается только одно: сеять смерть. Убивая, он получал удовольствие. Возможно, несопоставимое с наслаждением, которое дарит самцу соитие с самкой и продолжение рода, но все же лучше уж такое, чем никакого. Он жрал, чтобы жить, и убивал, чтобы испытывать радость.

Насытившийся, довольный, Конан растянулся на листьях и заснул. Во сне он видел человека, которого встречал прежде. И даже, кажется, хотел зарезать. Да, он хотел уничтожить этого человека, но что-то остановило Конана. Вероятно, ему подвернулась добыча получше. Он вспомнил об этом во сне и даже засмеялся. Камень. Вот о чем он думал тогда. Драгоценный камень. Бесполезная безделушка, которая до сих болтается у него в кошельке.

Странно устроены люди. Для чего им вещь, которую нельзя съесть? Вещь, не нужная при устройстве логова? Впрочем, подумалось Конану в том же сне, этот предмет имеет какое-то значение для самки и, следовательно, может представлять ценность для самца, который желает обзавестись подругой. Но кому нужна самка, если у нее столь нелепые желания? И Конан расхохотался.

Он проснулся от собственного хохота — точнее, от громового рева. Лес содрогался, слыша этот жуткий звук, исторгаемый могучей глоткой монстра.

Конан встал, потянулся... и вдруг зарычал от: злобы и обиды. Кто-то подкрался к нему, пока он спал, и выпустил в него стрелу. «Проклятье! — думал Конан, катаясь по земле и вслепую молотя лапами воздух. — Кто же это сделал? Как ему удалось? Проклятье, проклятье! Если я сумею встать на ноги, я разорву его на клочки! О, пусть только покажется, презренный трус, который прячется в кустах с луком, — и он увидит, на кого посмел поднять свою жалкую, мерзкую, голую руку!»

Вслед за первой стрелой вылетела вторая, за нею — третья, и все они угодили в цель. Они пронзили руки и ноги Конана, причем нога — точнее, задняя лапа — оказалась пригвождена к земле. Конан утробно и страшно рычал. От этого звука, казалось, гнулись деревья. Но человек, прятаясь за кустами с луком, оставался невозмутим и никак не выдавал себя.

Наконец от боли и гнева Конан обессилел. Он упал на бок и, тяжело дыша, стал смотреть перед собой. Верхняя губа его поднималась, обнажая огромные желтоватые клыки, на которых вскипала пена, и глухой рев время от времени вырывался из горла. Но теперь это клочкотание звучало негромко и напоминало звук уходящей грозы — буря иссякла, исчерпала себя и теперь бессильно злобилась издалека.

И только тогда из укрытия выбрался человек.

Конан узнал его. В его желтых широко раскрытых глазах мелькнул последний отблеск сознания, а затем они подернулись тусклой пленкой, и Конан погрузился в сон.

* * *

Он пришел в себя и увидел над головой навес из пальмовых листьев. Это киммерийцу не слишком понравилось. Последнее, что он помнил отчетливо, было его стояние над спящим бритунцем: тот, кажется, говорил про «глаз Кали»... Затем киммериец наклонился над Фридугисом и снял кошель с его пояса. Нашел там камень. Алмаз дивной красоты и невероятного размера. После этого Конан ушел, оставив Фридугиса на милость неприветливых жителей Рамбхи.

Что же он делает здесь, под навесом? Почему у него так болят руки? Отчего он не в состоянии пошевелиться? И, главное, кто этот человек, который сидит рядом и тянет из фляги какое-то пойло?

Конан попробовал заговорить. Голос его звучал хрипло, но все же вполне внятно.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я? — Человек живо обернулся к нему. — А ты меня разве не помнишь?

— Не помню, если спрашиваю, — огрызнулся Конан.

Тот заткнул флягу пробкой, сунул ее за пояс и приблизился к варвару. Навис над ним, широко улыбаясь.

— Мое имя Фридугис. Я бритунец. Мы встретились с тобой в Рамбхе. Ты помнишь свое имя?

— Конан, — буркнул Конан. — Из Киммерии. Ты, никак, за дурака меня держишь, Фридугис из Бритунии? Гляди, я ведь не всегда буду в плену. Когда освобожусь, порву тебя в клочья.

— Это уж как тебе захочется, — неопределенно ответил Фридугис.

— Ты, наверное, хочешь пить.

— Хочу.

Фридугис поднес флягу к его губам. Конан сделал несколько жадных глотков. Дурное местное пальмовое вино, сильно разбавленное к тому же. Но для человека, умирающего от жажды, — в самый раз.

— Ну, что со мной случилось? — осведомился Конан. — И где я нахожусь? Ты ведь, кажется, осведомлен о моих делах лучше моего.

— Наконец-то разумные речи... Начну с конца. Ты находишься в Рамбхе, Конан, в моей хижине.

— Рамбха... — Конан громко застонал, как будто его мучила страшная головная боль.

— Вот именно, — подтвердил бритунец невозмутимо. — Я обосновался в этом городе. Поскольку найти съемное жилье здесь оказалось невозможно — больно уж неприветливы жители, знаешь ли, — я построил собственное. Оно, правда, находится за городской чертой, так что я, как считается, не посягнул на здешнюю земельную собственность... Они ведь ужасно пекутся о соблюдении законности, знаешь? — Бритунец хохотнул. — У каждого свои причуды. Если бы я жил посреди диких джунглей, как эти вендийцы, я бы возвел себе огромный дом с гигантским участком, окружил бы все это высоченным забором... и процветал бы там, за забором, как мне вздумается. Но им почему-то охота лепиться друг к другу. Вероятно, чтобы удобнее было сплетничать. У тебя нашлось время заметить, что сплетни — это самое главное их занятие? В всяком случае у мужчин, особенно у наиболее почтенных...

Конан прошептал:

— А у тебя, видимо, любимое занятие болтать.

— Я ведь путешественник и собираю впечатления, — возразил бритунец. — Это то, чему я всегда отдавал предпочтение. Новые лица, новые обычаи, новые странные города — и, разумеется, необычные для меня способы проводить время.

— Ага, — сказал Конан. — И странные методы зарабатывать на жизнь.

— Ты имеешь в виду кражи? — Бритунец смешливо сморщил нос. — Во-первых, этим меня не удивишь. Видел, и не раз. Во-вторых, не вижу в данном методе ничего странного. Обманчиво простой — и к тому же не требует интеллектуальных затрат. В-третьих, в том, что касается кражи моего алмаза... Ты не первый, кому это удалось. И не первый, кому это принесло сплошные неудобства.

Конан поперхнулся.

— Какой алмаз? О чем ты говоришь?

Он приподнялся на локте и вперил в бритунца гневный взор.

— Ты обыскал меня, пока я был без сознания?

— Ну, ты ведь поступил так, куда спал, — отозвался бритунец, улыбаясь. Судя его виду, он совершенно не был рассержен случившимся. — Впрочем, мне и обыскивать тебя не нужно было. Я заметил пропажу алмаза и сразу пошел за тобой следом.

— Ну да, конечно, — Конан скривился. — Можно подумать, у тебя был шанс против меня. Да если бы я захотел, от тебя бы даже мокрого места не осталось!

— Хочешь сказать, что ты попросту пожалел меня и не стал убивать? — Фридугис фыркнул. — Впрочем, не буду спорить. Вероятно, ты испытывал ко мне нечто вроде жалости... Однако дело совершенно в другом. Я пошел за тобой следом потому, что ты понравился мне, киммериец. Да-да, я счел тебя человеком весьма достойным, несмотря на твой способ зарабатывать на жизнь и проводить свое время. Мне было бы жаль, если бы ты погиб глупо и бессмысленно. Еще при первой нашей встрече я счел тебя достойным лучшей жизни, нежели та, которую ты вынужден вести.

— Ты хочешь сказать, что отправился выслеживать меня из жалости ко мне? — медленно проговорил Конан.

Бритунец кивнул.

— Ты попал точно в цель, любезный варвар. Именно так. Из жалости к тебе. Не к тому тебе, каким ты являешься сейчас, — добавил он туманно, — но к тому, кем ты станешь — быть может — впоследствии. Неважно. В общем, я пошел за тобой. Я видел яму-ловушку, в которую ты попался. О, жители одной соседней деревушки были страшно разгневаны! Они собрались на краю ямы, они вопили, размахивали своими черными костлявыми руками и жутко ругались на десятках языков, из коих я два кое-как понимал. Они посылали тебе самые жгучие проклятия. Впрочем, они полагали, что ты — большая обезьяна.

— Что? — завопил Конан. Раны сразу отозвались болью в его теле, но киммериец не обратил на это внимания.

— Что-о?! Эти чертовые мартышки сочли меня большой обезьяной?

— У них забавное отношение к обезьянам: них они едят, других считают за своих родственников и не трогают.

— Это ты тоже выяснил, путешествуя?

— Нет, — признался бритунец, — об этом я прочитал в манускрипте моего соотечественника, Бридуна Странника. Он много рассказывал любопытного, в том числе о джунглях Вендии.

— К демонам Бридуна Странника! — энергично высказался Конан. — Что было дальше?

— Словом, эти добрые охотники бранили на все лады крупную обезьяну, которая испортила им ловушку. Но я сразу смекнул, что в яме бывал человек. И притом — белый человек, то есть — ты.

— Ага, — сказал Конан. — Конечно.

— Видишь ли, в этой округе белых людей всего двое, ты да я, и поскольку я стоял на краю ямы живой, здоровый и невредимый, то, следовательно, в самой яме побывал второй белый...

— Довольно, — оборвал Конан. — Ты чудовище.

— Не больше, чем ты. Лежи смирно, процесс трансформации еще не закончился, — предупредил бритунец, поскольку Конан в ярости дернулся на своем ложе и обнаружил, что привязан.

— Как ты понял, что я попался? — смирившись на время со своей участью, спросил Конан.

— Местные знают, где у них ловушки. Кроме того, на мягкой глине остались отпечатки твоих сапог.

— Ага, — сказал Конан.

— Дальше началось самое трудное, — признал бритунец. — Я набрел на труп чудовища. Выглядел этот зверюга, скажу тебе прямо, неважно. Ты отрубил ему лапу, рассек его шкуру, вонзил меч ему в небо, словом, поработал над ним, как мясник.

— Весьма сожалею, — буркнул Конан. — Вероятно, гуманнее было бы позволить ему убить меня и слопать. Бедная зверюшка!

— Зверюшка? — Фридугис выглядел изумленным. — Ты называешь эту тварь зверюшкой? Да это же кенокефал, песьеголовый людоед! Лишь один человек,

встречавшийся с ним, остался в живых и сумел воспроизвести его облик в рукописи *«Все путешествия в колдовские страны, собранные Атезисом Бритунским»*. Весьма поучительно, кстати. Я нарисовал труп убитого тобой монстра, чтобы вложить его в тот манускрипт о путешествии, которую намерен написать после возвращения.

— Ну, это если ты вообще вернешься домой, — заметил Конан мрачно.

— Пока что обстоятельства складывались удачно, — указал ему бритунец.

Конан фыркнул.

— Удачнее некуда! Однако говори дальше.

— Я знал об одном свойстве кенокефала. Дело, в том, что убитый зверь разбрасывает вместе со своей кровью особые споры, так что убийца или тот, кто случайно оказался поблизости от раненого кенокефала, заражается ими и постепенно, также превращается в подобного же зверя. Некоторое время в превращенном еще теплятся воспоминания о прошлой жизни, но если надлежащие меры не будут приняты в течение полутора — двух дней, то последствия приобретают необратимый характер. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — буркнул Конан. — Не надо считать меня глупцом только потому, что у меня развитая грудная клетка и сильные руки и я могу порвать тебя на куски, не прилагая особенных усилий. Если ты не забыл, некогда я возглавлял философическую школу в Кхитае.

Бритунец выразительно поднял одну бровь и промолчал.

Он молчал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы Конан осознал: его собеседник... как бы это выразиться?... немного сомневается в правдивости утверждения касательно этой самой школы.

Привязанный к топчану, сделанному из куска гигантского ствола, Конан бессильно сказал:

— Я бы убил тебя, да ведь это не поможет.

— Не поможет, — согласился бритунец охотно. — Правда доказывается совершенно иными способами. Впрочем, мы говорили о странности твоих методов...

— Вот видишь! — торжествуя заявил Конан.

— Вернемся к делу, хорошо? Я хотел бы завершить мой рассказ о том, как я, благодаря моим знаниям и навыкам, отчасти почерпнутым из книг, отчасти приобретенным во время моего долгого путешествия, сумел спасти тебя и вернуть в человеческое обличье.

— О! — сказал Конан с неподражаемой интонацией.

Фридугис хмыкнул.

— Недурно, недурно. Ты очень неплохо держишься, если учесть, через какие испытания ты прошел. Итак, я разжился луком и стрелами. Их подарил мне дружественный туземец.

— Боги! Где ты отыскал в этих джунглях дружественного туземца?

— Ну, я поднес к его горлу кинжал, и он сразу сделался исключительно дружественным. Маленький, сморщенный мужчина в набедренной повязке. Охотился на белок.

— На белок?

— Этот зверек похож на белку. Точнее, очертаниями он немного напоминает белку, — добавил бритунец. — Размером он, правда, с кабана. На него-то и охотился маленький сморщенный мужчина в набедренной повязке. Он весьма охотно одолжил мне лук.

Фридугис поднял с пола короткий, сильно изогнутый лук, сделанный из гибкой ветки и укрепленный рогами оленя, и показал киммерийцу.

— Видишь? Стрелы я сделал сам. Просто остругал палочки. Главное — мне понадобился состав из листьев хура. К счастью, у меня есть свиток, где нарисованы эти листья, так что я отыскал их почти безошибочно.

— Почти? — оскалился Конан. Фридугис признал:

— Был небольшой риск ошибиться. Я все-таки не знаток растений. Но кое-что я знаю. Если бы я ошибся, ты бы всего-навсего остался бы кенокефалом навечно. Ничего особенного. К тому же, как я подозреваю, тебе нравилось быть крупным, хищным и кровожадным.

— Я и без того весьма кровожаден, — сказал Конан.

— Недостаточно, — отмахнулся Фридугис. — Кенокефал гораздо кровожаднее. Дальнейшее тебе известно, Конан. Я подстрелил тебя, сидя в кустах. Я подобрался к тебе, пока ты спал. Храпел ты на всю округу, нисколько не заботясь о том, что тебя могут услышать. Сразу видно — царь зверей. Но человек все-таки хитрее любого зверя, даже царственного. Вот довод в пользу того, чтобы оставаться человеком, Конан.

— Ты выпустил в меня отравленные стрелы?

— Лекарственные, — поправил Фридугис. — Да. Теперь ты видишь, как я о тебе забочусь?

— Обо мне? — Конан скривил губы. — Полагаю, ты заботишься о своей побрякушке.

— Увы, — Фридугис развел руками, — эта побрякушка великолепнейшим образом заботится о себе сама. Без всякого, заметь, моего участия.

— Отвяжи меня, — попросил Конан. — Клянусь, я оставлю тебя в живых.

— Не могу, — сказал Фридугис.

— Почему? — оскалился киммериец. — Мало того, что ты меня ранил и притащил сюда волоком, так ты еще и держишь меня в плену! Учти, киммерийцы — народ злопамятный. Я запомню каждое унижение, которому ты меня подверг. Я проживу столько лет, сколько потребуется, чтобы отомстить тебе за все, чему ты меня подверг.

— Кстати, об унижениях, — понизив голос, сказал Фридугис. — Я не хотел бы, чтобы ты счел мои слова за издевательства, но... Ах, Конан, я даже не знаю, как подступиться к этому!

Он всплеснул руками, и киммериец не без удивления увидел, что отчаяние Фридугиса вполне искренне.

— В чем дело? — осведомился Конан грубовато.

— В том, дружище, что... Не сочти меня за негодяя... Прости. У тебя до сих пор не отвалился хвост.

— Что?!! — заорал Конан. Он рванулся так сильно, что лицо его залило темно-багровой краской, а веревки глубоко впились в тело. — Что ты сказал?

— Увы, это правда. Ты с хвостом. Я предлагаю...

— Под лед все твои предложения! — вопил Конан. — Сгни ты со своими предложениями! Пусть демоны Нергала порвут тебя, пусть дикари сожрут твои обнаженные кишки!

— Конан, — попробовал было взывать к рассудку белого человека Фридугис, — послушай меня. Я твой друг, я желаю тебе добра.

— Чтоб ты сдох! — надрывался киммериец. — Ты лжешь!

Он стукнул чем-то о лежанку. Какой-то лишней конечностью. И, сильно скосив глаза, Конан увидел длинный голый, недовольно шевелящийся хвост.

— Руби!!! — гаркнул Конан.

— Ты согласен? — обрадовался Фридугис.

— Да! — крикнул киммериец. — Руби его! И никому ни слова, понял? Можешь рассказывать о том, что Конан из Киммерии по несчастливой случайности превратился в монстра. В очень большого, очень хищного и жутко кровожадного монстра. Можешь написать и о том, как ты перехитрил монстра — в конце концов, ты ведь человек, а я был заколдованным зверем... Хотя и внушающим ужас заколдованным зверем! — добавил Конан быстро. — Но если ты когда-нибудь проболтаешься про хвост, я... я... Я убью твоих детей! — выпалил он.

— Помилуй, Конан! — возмутился бритунец. — Я дам тебе честное слово, и этого будет довольно.

— Руби, — сквозь зубы произнес варвар и не проронил больше ни звука.

Глава пятая

Младшие сыновья в поисках счастья

Сто зим тому назад началась эта история. В те годы brave Хейрик, молодой бритунский дворянин, отправился на поиски приключений в Вендию. С ним было еще трое таких же, как он, молодых людей, полных надежды на лучшее будущее.

Что ожидало их в Бритунии? Мало хорошего, сказать по правде. Все они происходили из древних, но обедневших родов, все четверо — младшие сыновья. Так что если и оставались какие-то богатства у их родителей, то денег этих и земель едва-едва хватало на то, чтобы обеспечить старших.

Впрочем, четверо друзей не роптали. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что семейное имя должны обеспечивать старшие. А на их долю выпало нечто совершенно иное: путешествия в поисках богатства. Они начнут собственную жизнь и положат начало новым фамилиям — и знатным, поскольку ведут свое происхождение из древних семейств, и в то же время весьма и весьма состоятельным, поскольку в Вендии будут обретены несметные сокровища.

Идея принадлежала Туронису, самому младшему из четверых. Он же считался самым умным из друзей. Если Туронис и не умел читать (в те годы чтение было привилегией лишь жрецов), то, во всяком случае, он обладал редким даром находить для себя знающих собеседников.

Одним из таких собеседников стал Гафа, сын вендийской наложницы. Гафа жил в доме отца Турониса, трудился на конюшне и по большей части помалкивал. Отец Турониса не был доволен ни вендийской наложницей, ни ее потомством. Поэтому от вендийки он избавился давно, продав ее какому-то другому бритунскому землевладельцу; что до сына ее, то он был оставлен и вырос в доме — но и этот

полувендиец не понравился хозяину. Он был некрасив, с грязновато-серой кожей, угрюм и к тому же проявлял нерадивость в любом деле, за которое брался.

Младший хозяйский сын от законной жены, тем не менее, выбрал Гафу себе в приятели и наперсники. Оно и неудивительно: к своему меньшому отпрыску отец относился с таким же равнодушием, если не сказать — с отвращением, как и к ребенку от наложницы.

Подростки подружились, и Туронис начал много времени проводить на конюшне в обществе Гафы.

Только со своим приятелем Гафа делался разговорчив. От него-то Туронис и узнал о чудесах Вендии. Гафа мог часами рассказывать о том, сколько в Вендии сокровищ, какая там изумительно красивая природа, какой красотой отличаются тамошние женщины и как они ласковы и податливы.

«Сокровища там рассыпаны на каждом шагу, — уверял Гафа. — Мне рассказывала мать, а уж она-то не ошибается. Она ведь была оттуда родом!»

Что ж, источник сведений, по мнению мальчиков, был вполне надежным. Вскоре уже все друзья Турониса знали о богатой Вендии, где все обездоленные — если у них достанет сил, нахальства, смелости и решимости, — обретут свое счастье.

К путешествию они готовились долго. Обсуждали детали, копили деньги, чтобы добыть верховых лошадей. Придумывали, где и как будут доставать припасы.

Время шло. Решено было дожидаться, пока Туронису исполнится шестнадцать — отправляться в путь раньше признали опасным. Вряд ли родители станут слишком уж усердно разыскивать своих отпрысков. Напротив, вероятнее всего, что они будут рады избавиться от обузы в лице младших сыновей. Да и старшие братья вздохнут с облегчением. Но безопасность — прежде всего. Беззащитные мальчишки в пути подвергают себя риску: дороги, как рассказывал многознающий Гафа, кишат грабителями и работоторговцами.

И вот настал день, которого они так ждали. Точнее, настала ночь — решено было выступать ровно в полночь.

Сказано — сделано. Пятеро путников вышли на дорогу. Их долгое странствие началось.

Они благополучно миновали Вилайет и вступили в незнакомые пределы. Та карта, которой обзавелись предусмотрительные подростки, как раз обрывалась на середине моря Вилайет.

Расспрашивая встречных, они нашли дорогу в Вендию. И, едва очутившись в пределах этой страны, которая была родиной его матери, заболел Гафа.

Его подкосила лихорадка. У него поднялся жар, он бредил, выкрикивал разные устрашающие слова.

Поначалу молодые господа принимали эти бессвязные речи за нечто существенное. Едва Гафа принимался бредить, как они обрывали всякие разговоры и начинали прислушиваться. Но стоило ли, право, напрягать слух и рассудок, чтобы, в конце концов узнать, что «нерасчесанная грива лохмата», «потные ноги воняют», «конь больно бьет копытом» или еще какую-нибудь «премудрость» в том же роде!

Наконец один из приятелей предложил оставить Гафу в каком-нибудь храме, препоручив его милости здешних богов.

Они всерьез стали обсуждать эту идею.

— С одной стороны, велика вероятность, что он и без того помрет, — сказал один. — С другой стороны, возможно, здешние боги проявят к нему больше милосердия, нежели мы. В конце концов, он ведь здешнее порождение. Даже странно, что он заболел, очутившись на родине своей матери! Мы-то остались здоровы. Это весьма странно.

В таком роде они рассуждали еще довольно долго и в конце концов согласились с идеей оставить Гафу в джунглях.

Они пронесли его на самодельных носилках весьма значительное расстояние, но все имеет предел: Гафа со своими глупостями, со своим тяжелым телом и жуткой прожорливостью (несмотря на болезнь, ел он крайне много), чрезвычайно всех утомил.

Поэтому молодые люди очень обрадовались, когда в густых тропических зарослях они увидели большой вендийский храм.

Это был один из тех грандиозных заброшенных храмов, каких много разбросано по всей Вендии. В этой стране, где растительность поглощает любую постройку в считанные луны, стоит только перестать вырубать деревья и кусты каждый день, трудно было понять: является ли храм и в самом деле заброшенным, или же здесь иногда бывают процессии? Возможно, ради ритуалов перед священными башнями расчищают; какое-то пространство, но затем, когда жертвоприношения заканчиваются, здание опять остается наедине с бесконечно разрастающимися джунглями.

Впрочем, друзья рассуждали недолго. Храм показался им надежным местом. Статуя божества, огромного толстого существа с гигантскими жировыми складками на животе и бедрах, с добродушно усмехающимся лицом и сложной конусовидной прической, выглядела ухоженной. Во всяком случае, у нее было отбито лишь одно ухо; второе, с неестественно длинной мочкой, красовалось на месте. И из непомерно длинных и толстых пальцев на всех шести руках, застывших в странных положениях, лишь два пострадали от времени.

Статуя была обвита лианами, и, судя по следам, не оставалось никаких сомнений в том, что ее облюбовали для своих игрish местные мартышки. И все же здесь было как-то... уютно, что ли.

Туронис выразил общую мысль:

— Думаю, если мы препоручим Гафу этому добродушному каменному господину, то наша совесть будет совершенно спокойна. В конце концов, Гафа — дома, на родине своей матери. Он мечтал оказаться здесь все то время, что я его знаю, — то есть, практически всю жизнь. Бог выглядит вполне мирным и добродушным. Помолимся ему, как сможем, поднесем ему в дар тот хлеб, что у нас еще остался, и уйдем.

Так они и поступили. Гафа плохо понимал происходящее, он продолжал болтать ерунду, а глаза его подернулись странной пленкой.

Друзья-бритунцы торжественно простились с ним и ушли. Джунгли поглотили их.

И никто из них не видел, как каменный бог медленно повернул голову, и улыбка сошла с толстого каменного лица...

Спустя день или два они вышли к Рамбхе. В те годы дворец правителей Рамбхи еще сверкал белизной. Десятки слуг мыли белые стены дворца и отчищали

барельеф, а также следили за сохранностью каждого украшения на стенах, дабы здание продолжало блистать своей невероятной красотой.

Жители Рамбхи и сто лет назад отличались высокомерием. Пожалуй, оно было даже большим, ибо им в те годы еще было чем гордиться. Чужестранцы не нашли там ни приюта, ни угощения. Как ни просили они, как ни сулили щедрое вознаграждение — все оставалось втуне. Вендийцы попросту не обращали на них внимания. Как будто еще одна стая обезьянок спустилась с ветвей и с воплями бежит через улицы города, — любопытно, но стоит ли пускаться в долгие содержательные беседы с обезьянками?

— Можно подумать, они нас попросту не видят, — высказался Хейрик, самый старший из четверых.

— Станный народ эти вендийцы! — воскликнул Битуриг, рослый юноша, выглядевший старше своих семнадцати. — Честно говоря, наш Гафа, хоть мы все и знали его с детства, всегда внушал мне нечто вроде ужаса.

— Скажи честно: смесь недоверия и отвращения, — добавил четвертый из путников, Агобард. — Теперь, когда он у себя дома и препоручен милостям своего же божества, я могу признаться в этом открыто. Вендийцы вызывают у меня странные ощущения. Мне все время кажется, что их не существует.

— Как это? — удивился Хейрик. С воображением у него обстояло хуже, чем у приятеля.

Агобард пожал плечами,

— Я и сам почти не понимаю... Когда я смотрю на вендийца, он представляется мне каким-то ускользающим... Как будто еще немного — и он попросту растворится в этом смуглом, дрожащем воздухе. Станет частью здешней влаги, здешней листвы или пыли... Как будто некая субстанция, из которой состоит вендийская почва, время от времени сгущается и порождает такие вот плотные видения. Прошу простить меня, — окончательно смутился Агобард, — если я изъясняюсь путано.

— Да нет, твоя мысль вполне ясна, — задумчиво проговорил Хейрик. — Я и сам думал нечто в том же роде...

Они покинули негостеприимную Рамбху и углубились в джунгли. Ни один из четверых не сомневался в том, что скоро они увидят сокровища. Недаром ведь мать Гафы сулила сыну богатство! Здесь, в глубине Вендии, стоит лишь хорошенько поискать, и бесценные россыпи окажутся прямо под ногами!

Лишь бы только они не превратились в глину, очутившись в человеческой ладони. На подобные штуки Вендия также была горазда — ведь она родина всяческих иллюзий. Недаром говорят, что чужестранцы страдают в Вендии помутнением рассудка!

— Только не мы, — уверенно произнес Хейрик, когда Битуриг высказал при нем свое подозрение. — Мы настолько здравомыслящие люди, все четверо, что сразу сумеем распознать, где иллюзия, а где реальность. И, кроме того, никакое помутнение рассудка нам не грозит, ведь все мы весьма неплохо переносим здешний климат.

Их путешествие по Вендии длилось уже почти луну. Джунгли обступали их со всех сторон. Они облепляли их, как мокрая туника. Первые признаки разочарованности начал выказывать Туронис. Он даже подумывал о том, что их

решение оставить Гафу было ошибочным. Казалось, Туронис считал, что только Гафа обладал способностью вывести их к сокровищам.

Впрочем, пока что Туронис помалкивал. Хейрик читал мысли приятеля — что было нетрудно, особенно если учесть, что мысли Турониса, как правило, ясно отображались на его лбу, в складочке между бровями. Но до тех пор, пока слова не были сказаны, и, ни одна из мыслей Хейрика не прозвучала вслух, можно было делать вид, что все остается по-прежнему.

И, в конце концов приятелям повезло. В густых зарослях они наткнулись на груды огромных камней. Это были поистине гигантские камни, желтые, наполовину рассыпавшиеся в песок и все же внушительные и поневоле вызывающие почтение. Чтобы увидеть их целиком, человеку приходится отойти на десяток шагов, да еще и задрать голову.

Хейрик первым разглядел на этих камнях остатки резьбы. Некогда неведомые художники работали в джунглях, украшая эти камни барельефами.

Сейчас трудно было понять, какие именно сцены и картины изображались здесь. Но все еще оставались: в одном месте — часть уха и щеки округлого лица, в другом — фрагмент руки с изящно выгнутой мизинцем, в третьем — какая-то деталь украшения с узором в форме листьев...

— Некогда здесь был храм или дворец, — высказался Хейрик.

Остальные молча согласились с ним. Молодые бритунцы переглянулись. Глаза их сверкнули алчным блеском. Наконец-то они нашли то, ради чего предприняли столь долгое и отчаянное путешествие!

Как истинные сыновья Бритунии, они не бросились сразу искать спрятанные здесь сокровища. Нет, они для начала сделали привал и разбили лагерь. Затем перекусили. В последнее время им везло, и они сумели подстрелить несколько птиц, которых и поджарили сейчас на углях костра, празднуя удачу.

И лишь хорошенько передохнув, друзья принялись за поиски.

Они обошли развалины, рассматривая каждый клочок земли под ногами, поднимая и оглядывая со всех сторон каждый камушек. Ничего похожего на драгоценности им до сих пор не попадалось.

Первый день закончился впустую. Однако это обстоятельство не смогло ввергнуть друзей в отчаяние. Они даже не слишком были обескуражены. В конце концов, никто не ожидал, что сокровища посыплются на них с неба или начнут вываливаться из мягкой вендийской почвы, едва только они ее копнут. Разумеется, нет! Необходимо лишь приложить некоторые усилия, и вот тогда...

Второй день оказался таким же бесплодным, как и первый. Но на третий им повезло. В сотый раз, обходя территорию древнего храма, Хейрик неожиданно споткнулся. Он выругался, но тотчас прикусил язык: наклонившись, молодой человек обнаружил, что в густой траве находится ступенька, которую он прежде не заметил. Об нее-то он и запнулся, когда бродил по храму.

Хейрик сел на корточки и руками разгреб траву и землю, очищая ступеньку. Несомненно, этот плоский камень не являлся обычным природным образованием: его отесывали человеческие руки. Хейрик снял слой дерна, навсегда при этом разрушив жизнь мириадом насекомых, которые выстроили под толстым надежным покровом свои таинственные крохотные дворцы и намеревались вывести там потомство. Увы! Жирные личинки, многообещающие куколки, подземные ходы и

прочие чудеса архитектуры и фортификации — все погибло при появлении Хейрика. И, что самое ужасное, — великан-сокрушитель даже не подозревал о том, какое злодеяние он совершил.

Ибо Хейрик увидел вторую ступеньку, за ней — третью... Они уводили под землю. Позвав товарищей, молодой бритунец принялся освобождать подземный ход от наносов земли и травы. Работа заняла у друзей целый день, зато к вечеру они уже твердо знали, что отыскиали вход в святилище, сокрытое от глаз непосвященных.

Они плохо спали эту ночь. Туронису привиделся Гафа. Гафа обладал шестью руками, он сильно растолстел и изъяснялся теперь важно и многозначительно. Гафа сказал Туронису:

— Моя гибель мне во благо, твоя же гибель — тебе на гибель.

С тем Туронис и пробудился, весь в холодном поту. Он сел, оглядываясь по сторонам. Товарищи его метались в беспокойном сне. Ярко и равнодушно горели в чужом небе чужие звезды. Развалины храма окружали маленький лагерь бритунцев, где давно уже погас их костер. Джунгли были полны звуков: дикие звери вышли на охоту и оповещали лес о своем приближении.

Туронис обтер лицо ладонью. «Странно, какой яркий сон, — подумал он. — И странно, что прежде мне никогда не снился Гафа. Я вообще кажется, и думать о нем забыл...»

«А он о тебе помнит», — пришла мысль как будто со стороны.

Туронис содрогнулся. Он не слишком-то верил в магию, да и богам поклонялся не от чистого сердца: за всю свою жизнь Туронис никогда не встречал ни одного чудесного явления и привык считать поклонение богам просто данью традициям.

Но сейчас, после странного сновидения, посреди таинственных джунглей, в затерянном храме, Туронису сделалось крепко не по себе. Тысячи мыслей о богах, о демонах, о призраках проносились у него в голове. Если Гафа действительно умер, и сейчас где-то поблизости бродит его призрак, то каким этот призрак может быть? Неужто враждебным? Да и встречаются ли дружественные призраки? Никогда не следует забывать о том, что призраки — еще большие эгоисты, нежели живые люди, и если призрак о чем-то и заботится, так это лишь о собственном деле. О мести, к примеру. Или о том, чтобы охранять порученные ему сокровища.

Туронис снова улегся возле костра. Он ворочался с боку на бок, но так и не смог сомкнуть глаз до самого рассвета.

Едва только солнце встало над горизонтом, как Хейрик резко сел и объявил:

— Ужасная ночь! Я почти не спал.

Туронис возразил:

— Ты храпел во все горло. Я это знаю точно, потому что на самом деле не спал — я.

Агобард возмущенно фыркнул, не поднимая головы с земли.

— Это вы все не давали мне спать. Особенно Туронис. Все бубнил про каких-то призраков и рассуждал: могут ли призраки быть благосклонны к человеку.

Битуриг сказал:

— Давайте продолжим раскапывать ход. Ночь прошла, слава богине Виккане, так забудем же о ней. У нас полным-полно работы.

Прочие согласились с ним и дружно принялись за дело.

К полудню вход в подземелье был уже открыт, и Хейрик первым начал осторожно спускаться по ступенькам. За ним следовали остальные. В руке у Хейрика горел факел, поэтому им всем хорошо было видно, что происходит под землей.

Помещение сохранилось хорошо — гораздо лучше, чем наземное. Глубоко под землей находился просторный зал. Стены его были выложены камнем. Повсюду, куда ни бросишь взор, была видна искусная резьба. По стилю она напомнила друзьям ту, что украшала стены дворца правителей в Рамбхе. Возможно, и там, и здесь работал один и тот же мастер. Впрочем, так ли это существенно?

Однако бросалось в глаза одно чрезвычайно важное отличие. Если на стенах дворца демоны преследовали прекрасных полубогинь, а те улетали от слишком настойчивых ухажеров, то здесь, в подземном святилище, демоны настигли своих жертв и яростно рвали их когтями. Сцены, представленные на барельефах подземного святилища, были поистине ужасны. Совокупляясь с полубогинями, демоны грызли их клыками, раздирали их на части когтистыми лапами, ломали им хребты, впивались им в горло. Полубогини умирали в страшных мучениях. Умирали — и, видимо, в силу своей полубожественной природы, никак не могли умереть. Смерть избавила бы их от страданий, но она никак не приходила.

И все мольбы жертв были обращены к ней. К смерти.

Ее воплощение находилось в самом центре зала. Это была огромная, в три человеческих роста, медная статуя божества. Божество имело ярко выраженную женскую природу: узкая талия, огромные груди, гигантские бедра весьма откровенно свидетельствовали об этом. Богиня стояла в странной позе. Она танцевала на телах поверженных демонами полубогинь, которые, как и на барельефе, совокуплялись и одновременно с тем причиняли друг другу страдание. Одна нога богини упиралась в тела жертв кончиками пальцев и вместе с тем сильно была согнута в колене. Вторая нога, отставленная, опиралась на пятку.

В отличие от многих вендийских божеств, у этой было две руки, зато обе они были вооружены мечами. Глаза божества были сделаны из драгоценных камней: два глаза глядели свирепо, третий, во лбу, вырезанный из алмаза, не имел зрачка и вообще не являлся глазом в полном смысле слова: это был лишь намек на то, что богиня обладала особым зрением, позволяющим ей проникать в самую глубину человеческого естества.

Вокруг статуи на земле валялось множество самоцветов. Они были насыпаны там так, словно не представляли большой ценности. Не более, чем цветы или фрукты, которых в Вендии имелось изобилие круглый год.

Четверо друзей испустили радостный вопль и бросились к статуе богини.

Но едва Агобард первым подбежал к ней и наклонился, чтобы взять камень, как произошла странная вещь. Статуя покачнулась на своем нетвердом постаменте и упала, причем таким образом, что один из ее мечей перерубил шею Агобарда.

Все произошло очень быстро, почти мгновенно. Хейрик не успел даже понять, что случилось, а Агобард уже лежал на полу подземного святилища. Голова его валялась в нескольких шагах от туловища. Кровь двумя широкими толчками выплеснулась из тела и иссякла, быстро впитываясь в жирную вендийскую почву.

Статуя лежала на боку, растопырив руки и ноги. Глаза ее злобно рассматривали подбежавшего Хейрика.

— Боги! — вскричал Битуриг. — Никогда не думал, что такое возможно! Ведь он... Он мертв?

— Боюсь, что так, — подтвердил Туронис. Он старался держаться невозмутимо. В конце концов, он обязан был помнить древность своего рода, высоту своего происхождения!.. Но Туронис страшно побледнел и наконец не выдержал: он отбежал в угол, подальше от остальных, и там его вырвало.

Друзья великодушно не обратили на это никакого внимания. Да и до приличий ли им было сейчас, когда их старый приятель лежал с отрубленной головой!

— Проклятая ведьма! — сказал Хейрик, адресуясь к богине. — Я уверен, что это не было случайностью. Она нарочно навредила ему.

— Что будем делать? — спросил Битуриг.

— Отомстим! — сквозь зубы выговорил Туронис, подходя ближе.

— Согласен! — воскликнул Хейрик. Он встал на колени перед статуей и, орудуя острием кинжала, вытащил алмаз из ее лба.

Кровавые капли выступили там, где находился алмаз. Казалось, разверстая рана на лбу богини кровоточит.

Впрочем, Хейрик быстро убедил себя в том, что видит лишь продукты окисления меди. Одним демонам известно, как долго простояла здесь статуя, без доступа свежего воздуха, без всякого движения и света! С металлами и самоцветами происходят в подобных условиях самые неожиданные вещи. Они даже начинают как будто бы жить собственной жизнью.

По всему подземелью пронесся долгий глухой стон. От этого звука приятели содрогнулись всем своим естеством. Стон все не кончался. Он длился и длился, как если бы тот, кто испускал его, обладал поистине безграничными легкими.

— Уйдем отсюда, — шепнул Битуриг. — Мне что-то не по себе.

— Мы должны забрать тело Агобарда и предать земле, — возразил Туронис. — Иначе мы потеряем честь.

— Если мы задержимся здесь дольше, то от нашей чести ничего не останется, даже костей, — сказал Хейрик. — Я согласен с Битуригом. Бежим! От этого стона у меня мурашки по коже.

— От этого стона вся толща подземного хода пришла в содрогание, — добавил Битуриг. — Боюсь, скоро он обрушится.

Они развернулись и бросились бежать по направлению к лестнице.

И в самом деле, теперь они явственно видели, как ступеньки подпрыгивают, и по каменной кладке ползут все новые и новые трещины. Туронис успел еще сунуть в кошель пригоршню самоцветов.

Он задержался всего на несколько секунд. Но этого оказалось достаточно. С оглушительным грохотом рухнули каменные балки, скрытые в земле. Одна из них ударила Турониса по голове, и он остался в храме, погребенный под толщей земли рядом с трупом своего погибшего товарища. Беспольные самоцветы так и остались лежать у него в кошельке.

Битуриг и Хейрик с алмазом выбрались на поверхность. Они смотрели, как проседает подземный храм, как наружу проступают сломанные балки и каменные перекрытия, точно ребра погибшего чудовища. Некоторые каменные плиты, выброшенные из-под земли мощным толчком, выскочили на поверхность и упали

среди густой травы. Другие, сломанные и разбитые, наполовину выступили наружу, а частично остались под землей.

Подземный ход провалился и рухнул. Статуя и двое бритунцев остались лежать там, в скрытом храме.

По лицам обоих уцелевших катились слезы.

— Чресла Зандры! — воскликнул Битуриг. — Никогда не думал, что увижу вот такое! Мне почему-то казалось, что со мной подобных вещей просто не может случиться...

— Они случились не с тобой, — вздохнул Хейрик, — а с нашими друзьями. Мы-то еще целы.

Битуриг зябко передернул плечами. Несмотря на то, что кругом стояла жара, Битурига сотрясала дрожь, и холодный пот выступил на его лбу.

— Мне кажется, — прошептал он, — что это ненадолго. Богиня будет мстить нам за надругательство над ее статуей. Она доберется до каждого из нас.

Предсказание Битурига сбылось через луну после того, как друзья добыли камень и спаслись из подземного храма.

Они проплутали по Вендии еще две седмицы. Охота больше им не удавалась. Если и случалось подстрелить птицу, то ее мясо оказывалось горьким и жестким. Они питались моллюсками, от которых у них раздувало животы, фруктами, после которых их мучило расстройство желудка, или кореньями, каждый раз рискуя наткнуться на ядовитый.

Не все вендийцы были так недружелюбны и высокомерны, как жители Рамбхи. В конце концов, двое оборванных, исхудавших бритунцев выбрались к большим городам. Там их принимали за безумцев и относились с любовью и даже почтением. Они получали горстку крупы — тут, немного сладостей — там, и таким образом перебивались.

А затем погиб Битуриг.

Это случилось на базаре, где оба приятеля ночевали, прижавшись к стене какого-то здания. Вечером их угостили лепешкой, почти целой, если не считать того, что с одного боку она была надкусана и побывала в пыли: какой-то богатый ребенок выронил ее, а кормилица, не желая, чтобы дитя, вверенное ее заботам, кушало грязное, отдала испорченный хлеб нищим. Она поступила весьма милосердно, и оба бритунца, уже изучившие вендийские обычаи, усердно поблагодарили ее.

Хейрик считал, что они обязаны придерживаться некоторых здешних церемоний, ибо в одних случаях прилично везде насаждать собственные обычаи, а в других — соблюдать чужие. Все зависит от того, водятся ли в кармане монеты местного производства.

Можно сказать, что друзья прожили в Вендии так долго и почти благополучно именно благодаря мудрым взглядам Хейрика.

И вот, когда ужин был завершен, а торговля на площади уже закончилась, и лавки зарылись, там появился безумец.

То был настоящий безумец, не такой, как два голодных чужестранца. Он был одет в набедренную повязку из листьев. Длинные волосы его были растрепаны и свисали почти до колен. В руке он держал длинную кривую саблю.

Безумец пробежал по площади на своих длинных тощих ногах.

Освещенный лунным светом, он был похож на паука. Длинная тень, которую он отбрасывал почти через всю площадь, усугубляла это сходство.

К ужасу наблюдателей, он начал танцевать. Он вскидывал саблю над головой и самозабвенно кружил, а затем вдруг принимался рубить саблей луну и испускать воинственные кличи. Его тень металась вслед за ним так отчаянно, словно боялась не успеть и потеряться.

На площади слышны были лишь звуки сумасшедшего пения, да шлепанье босых ступней а каменные плитки, которыми был вымощен рынок.

Оба приятеля заворуженно наблюдали за зрелищем. То, что они видели, притягивало взор, и они следили за безумцем, не в силах оторвать глаз. Он был одновременно и прекрасен, и отвратителен; его пляска выглядела безобразно и вместе с тем обладала исключительной красотой. Так прекрасен водяной ящер, в своей дикой грации.

Внезапно одним прыжком безумец оказался возле друзей. Испустив громкий вопль, он застыл на месте. Сабля, задранная к луне, казалась продолжением тощих, сплетенных между собою рук безумца. Все его тело сотрясала мелкая дрожь. На мгновение он умолк, а затем, возобновив вопль, обрушил оружие прямо на голову Битурига.

Хейрик увидел, как тело его товарища развалилось ровно пополам. Одна половина — полголовы, полтуловища, одна рука и одна нога — упала прямо на Хейрика, вторая — в противоположную сторону. Сердце один раз стукнуло об открытую взору грудную клетку, и это тоже было видно. Трепетание нежных внутренностей тонуло в потоках крови.

Безумец же, грациозно перепрыгнув через лужу крови и труп, вернулся на середину площади и продолжил танец. Он сделал еще несколько причудливых движений — и исчез.

Хейрик остался один с трупом друга.

Лязгая зубами, содрогаясь и тщетно сражаясь с тошнотой, Хейрик отполз подальше. Ноги не слушались его. Ему стоило больших усилий подняться и отойти в сторону. Затем он перестал сражаться со своей природой, пал на четвереньки и уполз куда-то в темный переулок, где и упал.

Он очнулся в чьем-то доме. О том, что этот дом, Хейрик догадался по запаху: там пахло жильем. Слезы выступили у юного бритунца на глазах. Он уже и забыл, как пахнет человеческое жилье, столько времени пришлось ему провести под открытым воздухом, не имея ни крыши над головой, ни домашнего очага!

Он огляделся. Жилье было небогатое. Вход занавешен циновкой, на земляном полу — вытертый коврик. Очаг, сооруженный в центре помещения, был выложен камнями. Несколько лепешек лежали на плоском глиняном блюде, в медном кувшине с длинным горлом имелась, по всей видимости, питьевая вода.

Старик в белых одеждах сидел на корточках возле Хейрика и задумчиво рассматривал его. Затем старик заговорил. К удивлению Хейрика он говорил на понятном языке.

— Я много странствовал по свету, — сказал старик. — Я не нашел богатства, зато обрел мудрость. Люди допускают, чтобы мудрецы жили в бедности. Бедность — сестра мудрости и вернее помощница; если бы было иначе, все мудрецы давным-давно обрели бы золотые дворцы. Но люди знают: стоит мудрецу

разбогатеть, и он делается очень-очень глупым. Поэтому все мои сокровища у меня давно украли, и я не разыскиваю их...

— Умно, но не вполне понятно, — прошептал Хейрик.

— Ты из Бритунии, не так ли? — продолжал старик и усмехнулся удивлению, которое столь явственно проступило на лице молодого человека. — Не стоит поражаться моим познаниям! Я ведь говорил тебе, что немало странствовал по свету. Только бритунец мог дойти сюда пешком, и только бритунец может продолжать считать себя достаточно умным, чтобы сохранять надежду выбраться...

— Я потерял все, — сказал Хейрик. — И ничего не обрел. Даже мудрости.

— Ты говоришь неправду! — рассердился старик. — Поешь и подумай над своими словами. После этого я позволю тебе еще раз раскрыть рот для разговора.

Хейрик так и поступил. Он сжевал лепешку и запил ее водой. Станным казалось ему, что он, утратив всех своих товарищей, до сих пор жив. И даже может есть и пить.

Наконец старик проницательно глянул на него и заговорил:

— Итак, я жду от тебя правдивого ответа. Что ты потерял?

— Всех моих друзей.

— Что ты нашел?

— Я нашел... — Хейрик порылся в кошеле который висел у него на поясе под лохмотьями, и извлек оттуда алмаз. — Вот это!

Убогое жилище старика наполнилось волшебным светом. Разноцветные искорки побежали по стенам, торопясь друг за другом и резвясь воле.

Старик ахнул.

— Это ведь Око Кали! — воскликнул он. — Легендарная драгоценность! Где ты взял ее?

— В подземном святилище.

И Хейрик искренне рассказал своему почтенному собеседнику обо всех приключениях, которые он пережил, и несчастьях, которые его постигли.

— Должно быть, Кали мстит нам, — заключил он. — Она прогневалась за то, что мы отобрали ее глаз. Странно только, что она убивает моих спутников, но не трогает меня.

— Нет ничего странного, — возразил старик. — Ты должен оставаться в живых, чтобы вернуть ей алмаз. Если она убьет тебя, ты потеряешь камень... Камень может достаться кому-то, кто даже не подозревает о его истинном значении. Камень может даже погибнуть. Поэтому Кали никогда не убьет тебя. Она будет хранить твою жизнь, дабы ты имел возможность отыскать обратную дорогу к статуе.

— Но я не смогу сейчас вернуться, — сказал Хейрик и зарыдал. — Я устал, болен, у меня нет спутников... Никого, кому бы я доверял. Я хочу назад, в Бритунию. Когда я отдохну и наберусь сил, я предприму новое путешествие в Вендию, и Кали получит назад свой алмаз. Клянусь колесницей Митры!

Старик на это не произнес ни слова.

С великими трудами Хейрик добрался до Бритунии. Там его ждали невеселые вести. За время его отсутствия умерли все его близкие — пока он странствовал, Бритунию посетил Черный Мор. Так Хейрик сделался хозяином всех отцовских владений. Ему поневоле пришлось отложить свое путешествие.

Камень остался в Бритунии.

Кали действительно хранила жизнь Хейрика. Как и предсказывал старец, ничто не могло повредить владельцу алмаза. Но несчастья продолжали преследовать его. То и дело он ломал себе руку или ногу, он облысел, он стал плохо видеть, его жена умерла, едва успев подарить ему сына, а ребенок рос больным и капризным.

Земли Хейрика оскудели. Ему приходилось жить очень сдержанно, хотя он и владел большими угодьями. Он даже продавал семейные реликвии, чтобы покупать зерно для своих рабов, иначе они грозили ему бунтом.

В трудах и тяготах прошла его долгая жизнь. Оглядываясь назад, на прожитое, Хейрик не мог найти ни одного дня, когда он бы дышал полной грудью. Никогда в жизни он не испытывал счастья так, чтобы ничто не омрачало его. Даже в День свадьбы он ухитрился заболеть, и в первую брачную ночь ему не удалось лишиться невесту девственности, поскольку жениха разбила горячка, и он метался в бреду, пачкая потом и кровавыми плевками кашля шелковые покрывала, купленные специально ради бракосочетания.

Кали отомстила своему «избраннику».

Хейрик решил передать зловещий талисман сыну. Если уж сам Хейрик страдал все эти долгие годы, то сын его обязан избавить род проклятия.

Но юноша, вечно покрытый болячками и к тому же большой любитель вина и веселых женщин, не внял призывам своего умирающего отца. Он выслушал историю о камне, но не принял ее близко к сердцу.

Когда Хейрик закрыл глаза, молодой наследник подбросил алмаз на ладони и легкомысленно обратился к нему со словами:

— Ты, родовое проклятие, конечно весьма могущественная штукавина, но я попросту продам тебя. Вот что я сделаю! Будешь чьим-нибудь чужим проклятием, а мне принесешь богатство — и я проживу свой век так, как мне хочется.

И он продал камень.

Некоторое время дела его шли весьма недурно. Он исцелился от большей части своих болячек, используя какую-то чудодейственную мазь, которую преподнесла ему в подарок очередная любовница. Он купил большой дом и начал вести жизнь на широкую ногу. Жениться он не хотел, но в подругах недостатка у него не было.

Казалось, везению не будет конца. Когда средства, вырученные за алмаз, уже начали иссякать, он получил наследство от какого-то дальнего родственника. О роковом камне он и думать забыл, а отца искренне считал суеверным глупцом.

И тут случилось нечто ужасное. Чудодейственная мазь оказалась ядовитой. На какое-то время она действительно сняла все внешние признаки болезни. Но, постепенно накапливая свое действие, она проникла в кровь и начала там свою потаенную деятельность. И в один ужасный день легкомысленный бражник увидел в зеркале жуткую образину. За ночь его лицо, руки, шея и грудь оказались покрыты многочисленными пузырями. В панике он проткнул один, и наружу вытекла зловонная жидкость, а на месте проткнутого пузыря образовалась язвочка.

Скоро полопались и прочие пузыри. Язвочки разрастались и гноились. Несчастный гнил заживо.

Умирая, он не видел вокруг себя ни одного человека, который пришел бы его утешить. Тогда-то он и решился записать историю, которую поведал ему отец. «Я

умираю в страшных муках и в полном одиночестве, — выводил он каракулями, — и все из-за того, что не отнесся с должным вниманием к рассказу о глазе Кали. Умоляю того, кто увидит этот алмаз, вернуть его в Вендию, в подземное святилище...»

Он не закончил писать. Рука его остановилась, глаза закрылись навеки.

Наследником был объявлен двоюродный брат покойного. Этот скоро скончался от лихорадки непонятного происхождения, и все имущество перешло к племяннику.

Тот был озабочен только тем, как бы приумножить богатство. Однако через десять зим, почти совершенно разоренный, он умер. Его сын по имени Фридугис решил более вдумчиво изучить все, что унаследовал, и среди вещей обнаружил алмаз дивной красоты. Долгое время он не знал как поступить с камнем. Фридугис был достаточно умен, чтобы понимать: подобные драгоценности не могут просто так валяться среди истлевших нарядов и потрескавшейся посуды.

Он решил искать дальше, и наконец, среди семейных свитков отыскал один весьма занятный клочок. Кто-то торопился поведать ужасные вещи об этом камне. Фридугис был человеком здравомыслящим. Он привык доверять фактам. А факты подтверждали каждое слово невероятной истории, изложенной умирающим родственником. Следовательно, способ избавиться от этого камня, убивающего всех своих владельцев, только один. Его следует вернуть богине Кали.

Поэтому Фридугис, недолго рассуждая, решил выполнить свое предназначение. Камень вернется к своей истинной владелице — богине Кали. Он знал, что богиня будет надежно оберегать его ото всех невзгод. Ведь он, Фридугис — единственный человек в Хайбории, который в состоянии возвратить алмаз статуе.

Глава шестая

Возвращение в джунгли

Конан хмуро выслушал рассказ. После кратковременного пребывания монстром все тело у него болело, как будто вчера его избивали палками. Кроме того, киммерийца не отпускало стойкое ощущение, что вчера благодаря Фридугису и его проклятому алмазу он попал в глупейшую ситуацию. К счастью (для самого себя, разумеется), бритунец и не думал смеяться над ним. Напротив, Фридугис смотрел на своего невольного приятеля весьма сочувственно.

— Я не решаюсь просить тебя сопровождать меня, — сказал Фридугис киммерийцу, когда тот окончательно пришел в себя. — С одной стороны, мне было бы легче идти по джунглям, имея такого надежного и сильного спутника. Но с другой — опыт прежних лет показывает: Кали охраняет только одного человека, того, который несет алмаз. Свою злобу на похитителей она срывает на всех прочих, кто оказывается поблизости от драгоценного камня.

— Если ты предполагаешь напугать меня этим, — заметил Конан, — то напрасно стараешься. Я хочу посмотреть, чем закончится эта история. Кроме того, если мне не изменяет память, ты рассказывал о самоцветах, что горстями были насыпаны у ног статуи. Вероятнее всего, эти безделушки все еще на месте.

— Разумеется, — кивнул бритунец. — Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь посещал заброшенный храм с той поры, как там побывал мой отдаленный предок. Кроме того, он еще и под землей.

— Ну и такая мелочь, как обрушенный подземный ход, разумеется, — сказал Конан. — Тем не менее, я не сомневаюсь в успехе. Отыщем храм, набьем карманы самоцветами — и в Бритунию!

— Положим, — возразил Фридугис, — у меня в Бритунии дом, друзья, родня... А у тебя?

— Ну и у меня друзья сыщутся, — невозмутимо ответил Конан. — Поверь мне, Фридугис, во всем Хайборийском мире нет такого уголка, где Конан-киммериец не встретил бы какого-нибудь старого приятеля.

Они недолго собирались. Укрытие, которое соорудил себе Фридугис, было неплохим, но расстались оба спутника с ним без всяких сожалений. Прихватили запасы: лепешки, фрукты, тушку птицы. Фридугис скромно сообщил приятелю, что все эти ценности он попросту украл.

— Ну и правильно, — одобрил Конан. — Народ в Рамбхе ничего лучшего и не заслуживает. Обворовать их — самое милое дело. Но как тебе удалось провернуть кражу столь ловко? Я никогда прежде не предполагал, что знатные бритунцы владеют этим искусством.

— Знатный человек должен уметь делать все, — с достоинством заявил Фридугис.

Конан расхохотался.

* * *

Джунгли встретили их морем света, пробивающегося сквозь зелень, и океаном цветов. Конан не мог поверить собственным глазам. Как же так? Еще несколько дней назад здесь все было зелено, но мрачно и темно; солнце не проникало сквозь плотный полог листьев, а цветов не было и в помине.

— В Вендии все происходит мгновенно, — поведал Фридугис. — Я слышал об этом, но вижу, естественно, впервые. Началось цветение лиан. Оно продлится несколько дней, после чего цветы увянут и опадут. Еще день или два земля под ногами будет напоминать разноцветный ковер, причем изготовленный из самых дорогих и ярких шелковых нитей; а затем все увянет и исчезнет, как не бывало.

В джунгли как будто пришел праздник. Все здесь лучилось приветливым светом. Конан почему-то сердился на бритунца. Он понимал, конечно, что лианы расцвели только потому, что настала их пора, но в глубине души ему казалось, будто все здесь делается наперекор Конану и в угоду этому самоуверенному Фридугису. Знатный человек, видите ли, все должен уметь делать сам!

Впрочем, Конан — следует отдать ему должное — никак не проявлял своего ревнивого недовольства.

Весь первый день они шли через заросли. Фридугис имел весьма смутное представление том, где искать подземный храм Кали, но топал с очень уверенным видом. Устраиваясь на ночлег, он сказал:

— Я просто убежден в том, что мы отыщем его. Невозможно не найти то, что само хочет быть найденным.

В ответ на это глубокомысленное замечание Конан фыркнул. Он вовсе не был уверен в том, что Кали желает именно такого благополучного исхода, однако мысли свои удержал при себе.

Пробуждение приятелей оказалось не вполне обычным. Открыв глаза, Конан сразу понял, что возле костра появился еще один человек. Вероятно, он пришел ночью. Странно только, что ни Фридугис, ни сам Конан не услышали его шагов. Уж киммериец-то спал всегда чутко, и застать его врасплох было мудрено!

Пришелец выглядел довольно странно. То есть, где-нибудь в сельской местности, где много деревень, где в изобилии пасется на лугах скот, а мельницы вовсю трудятся, превращая зерно в муку, таких людей весьма много, но здесь, в глубине джунглей подобный человек представлялся воистину редкостью.

Это был пастух или какой-то другой работник, явно привычный к тяжелому и неблагоприятному труду. Быть может, скотник, для которого привычно чистить навоз в стойле. Или поденщик из тех, кто всегда на подхвате: дотащить мешок, разгрузить повозку, выгрести нечистоты, починить крышу...

В Вендии подобные люди обычно принадлежат к низшим кастам. Это заметно и по внешности. Незнакомец был чрезвычайно смугл, почти черен, одет лишь в убогую набедренную повязку и сандалии, собственноручно сплетенные им из травы. Его большие, черные навывкате глаза глядели туповато, как будто принадлежали домашней скотине, а губы постоянно двигались, словно он что-то пережевывал.

— Эй, — грубо окликнул его Конан, — ты кто такой? Откуда ты взялся?

Человек перевел на киммерийца взгляд своих выпученных глаз с синеватыми белками и ничего не ответил.

Конан повторил свой вопрос еще несколько раз, но пришелец упорно молчал. И наконец когда Конан перестал задавать вопросы, тот неожиданно произнес:

— Я Сканда, я шел сюда пешком.

— И далеко ли ты шел? — спросил Конан.

— Порядочно...

Тем временем проснулся и Фридугис. Он увидел чужака, но до времени не стал показывать своего интереса к происходящему. Лежал себе с полузакрытыми глазами и рассматривал незнакомца. Вероятно, желал составить о нем собственное мнение, наблюдая со стороны за чужаком и Конаном.

Конан сказал:

— И куда ты идешь?

— Я с вами, — подумав, ответил Сканда,

— Почему?

Этот вопрос, противу всех ожиданий, не поставил пастуха в тупик. Он широко улыбнулся, показав квадратные желтые зубы, и ответил:

— Ну, потому что мы идем в одно и то же место.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— О, — сказал Сканда, — не вы. Та вещь, о которой я думаю. Она направляется туда. И я тоже.

— Почему? — опять спросил Конан.

— Мы все идем к моей матери, — объяснил Сканда, на сей раз словоохотливо. Видно было, что тема разговора весьма его занимает. — Она устала ждать. Я знаю.

— А, — сказал Конан. — И что ты знаешь?

— Ну, ту вещь, которая у вас, — сказал Сканда и пустил слюну. — Она хочет назад. Так?

— Предположим, — не стал отпираться Конан.

Сканда вдруг зарыдал. Это произошло так неожиданно, что Конан даже подскочил на месте.

— Что?! — вскрикнул киммериец. — Что такое?!

— Я тоже... — сквозь слезы произнес Сканда. — Я тоже хочу. Назад, к ней.

— К Кали? Ты был ее жрецом?

— Я не понимаю, — сказал Сканда, всхлипывая. — Я просто хочу к ней. Туда. Туда, где она.

В этот самый момент Фридугис решил наконец принять участие в разговоре. Он приподнялся и вмешался:

— Мы будем рады принять тебя в нашу компанию, Сканда. Особенно если ты знаешь, где находится храм богини Кали. Тот, что обрушился под землей сто зим тому назад. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ах! — в отчаянии воскликнул Сканда. — Все обвалилось и погребло ее. Она лежит там, заваленная землей, ей нечем дышать, она страдает и зовет, зовет меня... А я не могу ее спасти. Не могу снять с нее всю эту землю.

— Покажи нам, где это место, и мы поможем тебе, — обещал Фридугис.

Сканда просиял, как дитя, которому посулили сладости.

— Если ты обманул меня, человек с белой кожей, — торжественно произнес Сканда и поднял к небу тощую черную руку, — то моя мать отыщет тебя. Она отыщет тебя, где бы ты от нее ни прятался, она сорвет с тебя твою белую гладкую кожу, она сгрызет твоё красное мокрое мясо, она вытащит твои кишки... Все это она сделает с тобой, и ты будешь жив и сможешь смотреть на происходящее — и ты все будешь чувствовать, ибо Кали убивает своих врагов мучительно и долго.

— У Кали не будет случая рассердиться на нас, — заверил его Фридугис. — Клянусь тебе, мы не враги той, которую ты называешь матерью.

Конан мрачно посмотрел на темнокожего безумца, но промолчал. Про себя он решил, как следует присматривать за незнакомцем. Больно уж необычно тот держался. А Конан при всей своей любви к разного рода приключениям не слишком жаловал то, чего не мог объяснить. И тем более — то, в чем угадывал каким-то потаенным варварским инстинктом демоническую природу.

* * *

Идти вместе со Скандой оказалось и легче, и труднее, чем прежде. Сканда сам вызвался возглавлять шествие. Точнее, он даже ни о чем не спрашивал. Просто резво побежал впереди. Он не шел, а именно бежал, и когда замечал, что его спутники отстают от него, останавливался, нетерпеливо приплясывал на месте.

— Думаешь, он точно знает дорогу? — спросил Конан у Фридугиса.

Тот пожал плечами.

— Судя по тому, как он держится, — вполне возможно, — ответил бритунец. — Кроме того, если Кали действительно призывает к себе своих адептов и может притягивать свой любимый драгоценный камень, то на Сканду вполне можно положиться.

— Он не то, чем представляется, — предупредил Конан.

— Да? — Фридугис выглядел озадаченным, и вместе с тем совершенно было очевидно, что бритунец забавляется. С точки зрения Фридугиса, пастушок вряд ли являлся чем-то сверхъестественным. — Полагаю, в Вендии достаточно безумцев. Здесь их любят. В других странах дело обстоит иначе. Например, мы в Бритунии сумасшедших стесняемся, что ли. Стараемся устроить так, чтобы они не слишком попадались на глаза.

— А в Ванахейме всех детей с помраченным рассудком попросту убивают, — сообщил Конан хмуро. — И я нахожу этот обычай вполне удачным. Во всяком случае, если ванахеймский воин и впадает в безумие, то это безумие вполне разумно: он точно знает, чем оно вызвано, он может прекратить приступ бешенства в любой момент, а кроме того, ванахеймское безумие используется как оружие в битве. И только.

— Ну да, ну да, — подтвердил Фридугис. — И я о том же. А вот в Вендии таковых почитают и позволяют им свободно разгуливать повсюду.

— И в результате один из здешних сумасшедших зарубил бритунца прямо на рыночной площади, — напомнил Конан. — Помнишь? Ты рассказывал, как твой предок возвращался домой с камнем...

— Ну, он не вполне мой предок, — поправил Фридугис. — То есть, не совсем прямой, но все-таки...

Конан махнул рукой.

— У киммерийцев родня, особенно по материнской линии, считается до семи колен.

— Ты хочешь сказать, что семиюродный брат или шестиюродная тетя будут считаться твоей родней? — поразился Фридугис.

— Вот именно, — кивнул Конан. — Поэтому у нас очень сложная система наследования.

— Да уж, — согласился Фридугис.

Тем временем Сканда посылал им отчаянные сигналы. Он подскакивал на месте, изгибался в прыжке всем телом, как лосось, размахивал руками и корчил жуткие рожи.

— Интересно, что там происходит? — задумчиво спросил Фридугис. Он задрал голову к небу и повертел ею как бы в поисках ответа.

— Да, неплохо бы выяснить, — согласился Конан.

Оба приятеля томительно-медленно приближались туда, где жестикулировал их спутник.

Когда они подошли совсем близко, Сканда резко присел на корточки, вскинул вверх руки и запел. Точнее, он закричал тонким пронзительным голосом, и Фридугис только спустя несколько минут догадался о том, что эти ужасающие звуки означают пение. Конан демонстративно сунул себе в уши пучки травы и отвернулся. Киммерийцу не хотелось признаваться в том, что странный человек пугает его.

Естественно, могучий варвар не испытывал страха перед настоящим противником: перед вооруженным человеком, воином или крупным хищным зверем.

Даже монстры не вызывали у него ужаса. В конце концов, любой монстр, даже гигантский паук или змея невероятных размеров с ядовитыми зубами (таких он

видел в Стигии) — все они лишь живые существа и могут быть уничтожены холодной сталью.

Но некоторые необъяснимые вещи вгоняли варвара в тоску, бороться с которой он был не в состоянии. Демоны всех мастей, призраки, сверхъестественные существа, чья природа оставалось для киммерийца загадочной, — все это страшило его, все это взывало к его варварским, первобытным инстинктам дикаря и требовало одного: «Беги! Спасайся! Тебе не одолеть их!»

И Конану приходилось призывать на помощь всю свою волю, весь свой рассудок человека, много повидавшего и победившего, в конце концов, всех своих врагов, чтобы удерживаться на месте и не поддаваться настойчивым призывам своей натуры.

Сканда явно не был агрессивен. Он не собирался нападать на своих спутников. Он даже не угрожал им, собственно говоря. Но он был чем-то необъяснимым, и то, что оставалось в Конане от дикаря, ощущало это.

Фридугис, напротив, испытывал искренний интерес. Сразу видно, что бритунец всерьез намеревался написать трактат о своем путешествии по Вендии. И ведь напишет! Интересно, что он там расскажет о своем спутнике, о Конане? Но если он хоть словом намекнет касательно хвоста, киммериец выполнит свою угрозу: доберется до Фридугиса, где бы тот ни жил и как бы тот ни прятался, и оторвет ему голову. В прямом смысле слова.

Сканда начал прыгать, сидя на корточках. Теперь он напоминал своими повадками птицу. И «пение» его немного изменилось, сделалось прерывистым, в нем появились квохтающие звуки. Забавно!

Конан, наконец заставил себя повернуться в сторону «певца». Некоторое время он наблюдал за ним, затем медленно вынул из ушей пучки травы. Впрочем, к тому моменту Сканда уже замолчал. Он сидел на земле и смотрел на обоих своих спутников вытаращенными глазами.

— Ну? — осведомился Фридугис. — И что все это обозначало?

У бритунца был такой вид, словно ему только что показали нечто интересное, и теперь требовались небольшие пояснения.

Сканда набрал в тощую грудь побольше воздуха и завопил: — Я пел для моей матери!

Затем он вскочил и побежал вперед. Пожав плечами, Фридугис двинулся за ним. Конан замыкал шествие.

В середине дня они сделали остановку для того, чтобы поохотиться. Сканда, правда, пытался остановить их. Он настойчиво совал им какие-то грязные коренья, которые вытаскивал из земли, рвал на голове волосы, беспокойно подпрыгивал и бил себя кулаком в грудь. Но ничто не помогало. Ни киммериец, ни бритунец не соглашались есть коренья. Конан ушел в джунгли, ступая мягко и вкрадчиво, как камышовый кот, и скоро вернулся с птицей, которую убил самодельным дротиком.

При виде добычи Конана Сканда взвыл и убежал в джунгли. Его не было очень долго. Оба приятеля давно уже поджарили и проглотили вкусное птичье мясо, а сумасшедший «пастушок» (если он только действительно был пастушком!) все еще бегал где-то в лесах.

— Интересно он отреагировал на твое намерение поохотиться, — заметил Фридугис, ковыряя в зубах.

Конан блаженно растянулся возле костра.

— Что ж, у каждого свои обычаи и традиции, — ленивым голосом отозвался он. — Одни традиции я согласен перенимать, другие — нет. Мне доводилось жить среди темнокожих в Черных Королевствах. Я даже добился там некоторого успеха. Что ж! Я принимал участие в их войнах, я даже входил в хороводы их танцующих воинов и не оставался в стороне, когда «мое» племя отправлялось на охоту. Но пусть разразит меня гром, и киммерийский Кром не узнает меня после моей смерти, когда я приду к его стальным чертогам с окровавленным мечом в руке, если я хоть раз делал в угоду дикарям нечто противное моей воле!

— О, — согласился Фридугис, — это чрезвычайно интересно. Можно, я использую твои рассуждения для моего трактата? Клянусь Викканой, я упомяну тебя. Личный опыт — это бесценно.

Конан беспечно махнул рукой.

— Валяй. Когда я завоюю свое собственное королевство, я отправлю к тебе людей. Пусть перепишут твой трактат и доставят копию ко мне. Я заставлю всех при моем дворе прочитать ее! Но она должна быть правдивой.

— Клянусь Подателем Жизни, она будет правдивой... кроме одного-единственного момента, — заверил Конана Фридугис и лукаво подмигнул.

Конан отчетливо скрипнул зубами. Бритунец проявил благоразумие и вернулся к прежней теме.

— Итак, что ты говорил о чуждых тебе обычаях?

— А, это... — Конан снова сделался мирным. Ни дать ни взять сытый тигр. Но даже сытого тигра лучше не злить, напомнил себе Фридугис. — Например, некоторые из моих чернокожих друзей были людоедами. Этим делом я никогда не промышлял. И более того, не позволял другим есть человечину в моем присутствии.

— Мудро, — вставил Фридугис.

— Так и здесь, в Вендии, — продолжал Конан. — Кое-что из местных обычаев я согласен уважать. Я не разбиваю статуи их богов, к примеру. Я даже подносил кое-каким статуям цветы, коль скоро этого требовали традиции. Да, да, не удивляйся, — добавил киммериец, видя, как у Фридугиса брови поползли вверх. — Я знаю, о чем говорю. Вы, так называемые цивилизованные люди, полагаете, будто традиции существуют только у вас, в ваших городах, в ваших сытых, хорошо обустроенных королевствах. Ну, так вот, очередное заблуждение! Самые церемонные люди — дикари. Знал я вождей, которые не носили на своем теле ни единой нитки и были черны, как ночь, а в носу у них торчали костяные палочки, выточенные из берцовой кости их родителей, — так вот, эти-то дикари были опутаны ритуалами с головы до ног. Их обычаи настолько сложны, что в нем не разобрался бы и самый искушенный сенешаль какого-нибудь аквилонского или бритунского королевского двора. Да что там — бритунского! В Султанапуре — и то ничего бы не поняли. Уж поверь мне.

— Ты-то как сумел в этом разобраться? — засмеялся Фридугис.

Конан насупился.

— Думаешь, я лгу?

— И в мыслях не было, — заверил Фридугис.

— Я не давал себе большого труда в чем-то там разбираться, — сообщил Конан. — Дело в том, что я на две головы выше ростом, чем этот вождь, и в три раза

шире его голого величества. Поэтому я вел себя так, как считал нужным, а если какие-нибудь его подданные были этим недовольны, я просто поднимал их в воздух, держа поперек живота, — вот так, — киммериец тряхнул в воздухе кулачищем, — и они быстро успокаивались. Это было настоящее племя лилипутов. Забавные люди...

Он вздохнул, как будто сожалел о том, что расстался с ними.

Фридугис покачал головой.

— Удивительные вещи я слышу, мой друг.

Конан покосился на него. Обращение «друг», с точки зрения киммерийца, было несколько преждевременным. Однако Конан вполне мирно произнес:

— Словом, если вендийцы предпочитают есть не мясо, а корни, я не обязан разделять их убеждения...

— Совершенно с тобой согласен, — подхватил Фридугис.

Сканда явился вскоре после этого разговора. Он шел крадучись и оглядываясь по сторонам с явным подозрением. Было очевидно, что он ожидает какого-то подвоха — но какого и с чьей стороны, оставалось неясным.

Увидев, что трапеза его спутников окончена и от птицы не осталось и следа, Сканда просиял.

Очевидно, он боялся заметить очевидные доказательства того, что здесь было убито и съедено живое существо. Но коль скоро нет никаких признаков совершенного преступления — то и преступление можно считать не бывшим.

Логика безумца немало позабавила Фридугиса, когда до бритунца дошел смысл череды гримас, последовательно сменивших одна другую на подвижной мордочке Сканды (называть его физиономию «лицом» было бы затруднительно, так сильно она напоминала мордочку мартышки).

Сканда махнул рукой в одном направлении несколько раз и подпрыгнул на месте. Видимо, он призывал своих спутников скорее следовать за ним. И они вняли призыву.

На то, чтобы свернуть лагерь, много времени не потребовалось. Костер уже погас. Приятели поднялись с земли и были готовы тронуться в путь.

И снова джунгли обступали их со всех сторон, звери кишели над головами, где-то среди переплетенных ветвей, где, скрытые густой листвой и цветами, они вели какую-то собственную, скрытую от посторонних глаз жизнь, весьма активную.

Птицы свистели повсюду. Иногда птичий хор становился поистине оглушительным. Несколько раз Конан замечал пеструю змею, притаившуюся среди листвы в ожидании добычи. Но киммериец держался начеку, и потому ни он, ни его спутники не пострадали.

Глава седьмая

Медный идол

Внезапно Конан ощутил, как волосы у него на загривке поднимаются дыбом. Это звериное свойство не раз спасало ему жизнь: он почуял близость магии. Не глупой и безобидной, вроде той, что окружала Сканду и напрягала варвара лишь слегка, но истинной, древней и мощной, магии

Конан обернулся, но ничего не увидел. И,

странное дело, Сканда тоже ничего не замечал. Шел себе с самым беспечным видом, вертел головой, время от времени принимался верещать на непонятном

языке или «петь». Что касается Фридугиса, то тому вообще не было дела ни до каких предчувствий. Типичный твердолобый бритунец.

Но нечто существовало в джунглях, и оно наблюдало за людьми. Оно не приближалось к ним — пока, предпочитая держаться на расстоянии. И, тем не менее, оно не сводило с них пристального взора.

Конан несколько раз останавливался и самым тщательным образом оглядывался по сторонам. Ничего. Листья если и шевелились, то лишь под порывами ветерка, а все звуки, раздававшиеся вокруг, принадлежали джунглям: пение птиц, верещанье мартышек, протяжный зов проснувшегося льва...

Путешествие продолжалось. Ближе к вечеру чувство, что за ними наблюдают, охватило Конана с новой силой. Ощущение это было таким сильным, что киммериец решил, наконец поделиться с Фридугисом.

— Ты не замечал, что кто-то идет за нами? — спросил его Конан.

Бритунец удивился.

— Кто бы это мог быть? Впрочем, я ничего такого не приметил. С чего ты взял, будто кто-то здесь шпионит за тремя путешественниками? Вот чудеса!

Он пожимал плечами и совершенно очевидно терялся в догадках. Конан сказал:

— Дело, за которое мы взялись, весьма необычно. И этот глупый Сканда, что повстречался нам на пути, тоже не принадлежит к числу обыкновенных людей. Я думаю, нам следует готовиться к тому, что будут еще чудеса и странные явления. Это неизбежно в приключениях подобного рода. Следует быть начеку, вот и все, — добавил киммериец, выразительно касаясь рукояти своего меча.

Фридугис охотно с ним согласился. Некоторое время бритунец выглядел несколько озадаченным, а затем прежняя беспечность вернулась к нему. Возможно, он надеется на помощь богини Кали, думал Конан. Ну конечно! Кали будет охранять человека, несущего алмаз, потому что в противном случае ее истукан не получит желаемого камня обратно. Что до спутников главного героя — то с ними богиня церемониться не намерена.

М-да. Стало быть, спутникам придется позаботиться о себе самостоятельно. Что ж, они постараются не ударить лицом в грязь. В конце концов, убить Конана не удалось еще никому, ни духам, ни демонам, ни людям, ни даже мертвому королю, у которого бесстрашный киммериец позаимствовал некогда свой меч.

Ночь прошла спокойно, хотя Конан почти не спал: все время прислушивался и вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть опасность. За время их отдыха некто, следующий по пятам за путниками, приблизился, но по-прежнему держался весьма осторожно и не показывался на глаза.

Он стал заметен только к полудню. Неожиданно Фридугис заметил между деревьями странное свечение. Такого здесь быть не должно было: ни озера, ни реки поблизости они не встречали. И тем не менее блики отраженного света бегали по стволам, по мясистым лепесткам цветов и широким темно-зеленым листьям.

Затем до их слуха донесся гул. Как будто некто колотил в барабан. Очень большой, широкий, туго натянутый барабан. Эти звуки напоминали те, что издают боевые барабаны кочевников перед началом сражения. Они проникают в плоть и кровь, они просачиваются в самый костный мозг и наполняют души и тела воинов поистине звериной яростью.

Тум. Тум. Тум.

Конан не стал тратить время на то, чтобы пожимать плечами, произносить «Я же предупреждал» или торжествовать при виде растерянного лица Фридугиса. Да, киммериец оказался прав. Но от этого никому не было легче.

Конан с тихим шорохом обнажил меч. Фридугис взялся за кинжал. Только Сканда почему-то оставался невозмутимым. Он видел, что его спутники встревожены, но, казалось, не понимал, в чем причина их беспокойства. Сканда вертелся на месте, озирался по сторонам, быстро и мелко пожимал плечами, бил себя руками по бокам и вообще всем своим видом показывал, что оснований для паники нет решительно никаких, и что надлежит как можно скорее продолжить путь.

Тум. Тум. Тум.

Вот между стволами появился золотой блеск. Теперь это были уже не отраженные блики, а настоящий металл.

Он сверкал, как будто бы весь был облит льющимся с небес светом.

Путешественники застыли на месте, не в силах оторвать глаз от поразительного зрелища.

Огромный медный идол двигался через джунгли. Это был настоящий вендийский бог, с шестью огромными мясистыми ручищами и толстенными ножищами. Крупные жировые складки покрывали бедра и живот, конусовидная прическа венчала голову. Неестественно длинные мочки ушей свисали почти до самых плеч. Точнее, только одного уха: когда божок повернул голову, стало очевидно, что другого уха у него не имеется.

Статуя была живая. Ее ноги медленно переставлялись одна за другой. Гудящие ступни и издавали этот звук, напоминающий гром барабанов. Земля под ними содрогалась, такой тяжелой была поступь медного бога.

Голова с высокой прической задевала ветви деревьев. Тщательно выполненные из эмали глаза медленно вращались в орбитах, медные ноздри раздувались, словно они и впрямь втягивал в себя воздух, хотя, подумал Конан, скорее всего, это была просто обычная для данного существа мимика.

Шесть рук медного божества были всего занятнее. Они непрерывно двигались и как будто жили собственной жизнью. Одна играла маленьким барабанчиком, вертя его между пальцами, другая непрерывно меняла положение пальцев, как будто хотела таким образом что-то рассказать окружающим, — подобным же способом беседуют глухонемые, — третья все время прикасалась к листьям и пробовала их на ощупь, четвертая ковыряла в ухе, в глазах, ощупывала складки на теле, и создавалось впечатление, будто эта четвертая рука проверяет, все ли части медного тела на месте. Верхняя пара рук тянулась навстречу застывшим людям.

— Бежим! — крикнул Фридугис.

И все трое путников пустились наутек.

Они мчались, не разбирая дороги. Идол следовал за ними. Они слышали за спиной его тяжелую поступь. Он не бежал, он даже не прибавил шага. Просто продолжал переставлять свои огромные ножищи.

Тум. Тум. Тум Г

Непрерывно. Неотступно.

Проклятье, это никогда не закончится! Сканда может забраться на дерево — вряд ли чудовище достанет его. Фридугиса защитит Кали. Конан вполне верил в это.

Сражаться с монстром придется киммерийцу.

У Конана еще не сложился отчетливый план предстоящей битвы. Выходить один на один с чудовищем, которое сделано из огромного куска меди, — такого киммерийцу еще не доводилось. Меч здесь бессилён. Нужна какая-нибудь хитрость.

Тем временем медный идол начал уже настигать их. Они не могли бежать достаточно быстро. К тому же густые заросли мешали их продвижению.

Неожиданно впереди разверзлась пропасть.

Джунгли резко обрывались. Дальше была река. Она прогрызла в мягкой вендийской почве глубочайшее ущелье и бежала по ложу, выложенному камнями. Ущелье было в пятнадцать человеческих ростов глубиной и в три полета стрелы шириной. За ущельем начиналось плато, также заросшее лесом.

Путники побежали по краю ущелья, надеясь на чудо. Либо где-нибудь отыщется переправа, либо рано или поздно они найдут способ нырнуть в джунгли и сбить монстра со следа.

И точно. Не успели они пробежать расстояние в несколько полетов стрелы, как Фридугис заметил впереди спасение.

Сплетенный из лиан мост висел над бездной. Он соединял джунгли и плато. Издалека он казался тонкой, ненадежной нитью. Но это была нить к спасению.

Конан мгновенно принял решение.

— Мы переберемся на ту сторону. Идол наверняка пойдет за нами. Мост обрушится, и чудовище упадет на острые камни. Почти наверняка он разобьется. И даже если он не погибнет от этого падения, то будет достаточно искалечен для того, чтобы утратить возможность двигаться. Больше он не сможет преследовать нас, и мы будем спасены!

— Отличный план, — одобрил Фридугис. Сканда посмотрел на Конана со странной ненавистью в глазах, однако промолчал и стремглав побежал к мосту. Двое приятелей последовали за ним.

Для того, чтобы ступить на навесной мост, требовалось немалое мужество. Над пропастью раскачивалась такая хрупкая переправа, что дух захватывало. Первым пошел Сканда. Более тяжелые бритунец и киммериец следили за ним, оставаясь на берегу.

Тум. Тум. Тум.

Чудовище неуклонно приближалось. Следовало торопиться.

Сканда пробежал через мост, точно птица, почти невесомый. Фридугис усмехнулся. Конан видел, что бритунцу по-настоящему страшно. Выражалось это, правда, лишь в том, что Фридугис сильно побледнел, и на лбу его выступили крупные капли пота.

— Надейся на Кали и ее защиту, — подбодрил его Конан. — Авось мост выдержит. Торопись. Мне идти последним, и я не хочу провалиться в пропасть вместе с монстром.

— Ты прав, — просто отозвался Фридугис и ступил на мост.

Он шел медленнее, чем хотелось бы Конану, тщательно выбирая, куда ставить ногу. На середине моста Фридугиса вдруг охватила крупная неудержимая дрожь. Он

вцепился обеими руками в плетеное ограждение и затрясся. Ноги его ходили ходуном, и мост под ним раскачивался все сильнее и сильнее. Конан понимал, что еще немного — и вся конструкция обвалится. Требовалось немедленно вывести Фридугиса из состояния паники.

Киммериец видел, что Фридугис окончательно утратил власть над собой. Его тело больше не повиновалось разуму. И хотя рассудок у Фридугиса был замечательный — тренированный ум, блестящая память, — но сейчас все это не имело ни малейшего значения.

Фридугис превратился в комок дрожащей от смертного ужаса плоти.

Конан подобрал камень, тщательно прицелился и бросил. Удар пришелся Фридугису в плечо. От острой неожиданной боли Фридугис содрогнулся. Дрожь прекратилась, мост начал успокаиваться у него под ногами. Второй пущенный киммерийцем камень угодил бритунцу в поясницу. Фридугис громко вскрикнул. Конан, однако, не собирался останавливаться. Третий камень просвистел мимо уха Фридугиса, четвертый снова попал в плечо, угодив едва ли не туда же, куда и первый.

Фридугис быстро побежал вперед по мосту, спасаясь от каменного града. Его тело забыло о смертном ужасе, о страхе высоты, о ненадежной опоре под ногами. Его тело желало избавиться от острой жалящей боли. Оно торопилось оказаться там, куда камни не долетят.

И, в конце концов, Фридугис благополучно перебрался на каменное плато. Мост был пуст и свободен. Конан, не медля ни мгновения, ступил на переправу.

Тум. Тум.

Идол был уже совсем близко. Киммериец не шел, а бежал по мосту. Он был тяжелее, чем его предшественники, и понимал, что сильно рискует, но выхода другого не оставалось. Несколько раз Конан оступался, палочки, составлявшие настил моста, осыпались в пропасть. Времени оборачиваться у Конана не было. Он слышал шаги медного монстра у себя за спиной, и это гнало варвара вперед быстрее, чем целый рой злобных жалящих пчел.

Идол остановился на краю пропасти и уставился на мост и бегущего по переправе человека. Фридугис, уже почти совершенно оправившийся после пережитого ужаса, созерцал чудище с каким-то болезненным любопытством.

Выразительные эмалевые глаза идола следили за Конаном. Фридугису, как ни странно, не показалось, что идол выглядит злобно или разглядывает киммерийца с плотоядным интересом. Вовсе нет. Скорее, идол выглядел печальным и чуть заинтересовавшимся.

Затем, влекомый мощной силой, которая заставляла его преследовать сквозь джунгли троих людей, идол поставил ногу на мост.

Конан ворвался на плато вихрем. Он тяжело дышал и старался не встречаться глазами с Фридугисом. Варвар и сам перепугался не на шутку, хотя это был не парализующий и не унижительный страх; то было чувство, которое, скорее, можно назвать инстинктом самосохранения. Чувством, которое ни в коем случае не затмевало способность здраво рассуждать и принимать мгновенные и спасительные решения.

Идол прошел по мосту несколько шагов. Мост скрипел, напрягаясь под тяжестью громадного медного тела.

Фридугис не без стыда понял, что веревки, сплетенные из гибких лиан, гораздо прочнее, чем предполагал бритунец. Они не порвались даже под тяжестью медного истукана.

Мост прогибался все глубже. Скрип веревок был таким громким, что напоминал человеческий стон. И вдруг все закончилось. С оглушительным грохотом веревки порвались. Мост лопнул, и медное чудовище безмолвно полетело в пропасть.

Огромное сверкающее тело пронеслось по воздуху, и Конану на миг показалось, что это божество упало с небес по собственной воле. Вот сейчас, оттолкнувшись от земли, оно взмоет в воздух и полетит...

Но ничего подобного, разумеется, не произошло. Раздался ужасающий грохот. Вода в далекой реке вскипела мириадами пронизанных золотым светом искр. Монстр упал с высоты и остался лежать неподвижно. Река с громким журчанием бежала по его медному телу.

Все было кончено.

Конан долго еще смотрел на неподвижную медную громадину. Вдруг ему подумалось, что теперь им будет не хватать этого постоянного «тум, тум, тум» за спиной. Как будто медное существо подгоняло путников и помогало им не сбиться с пути. Во всяком случае, их решимость двигаться вперед и только вперед была отчасти спровоцирована именно этим преследователем.

Шесть рук божка были нелепо раскиданы в стороны. Одна серьезно пострадала: от нее отбилась указательный палец, и еще два были сильно погнуты. Барабанчик, который одна из рук вертела постоянно между пальцами, отлетел в сторону, и на него тотчас уселась любопытная тонконогая пичуга с длинным изогнутым клювом.

Вода немного успокоилась, взбаламученная падением огромного туловища, и теперь с легкостью преодолевала новую преграду. Она весело взбиралась вверх, на выпученный медный живот, и оттуда низвергалась небольшим водопадиком.

— Ну, вот и все, — промолвил Фридугис. — Монстр нам больше не опасен.

Сканда захлопотал, запрыгал, быстро жестикулируя. Казалось, он только теперь понял смысл происходящего. Он подбежал к самому краю обрыва и уставился на упавшего монстра. Затем обернулся к своим товарищам по путешествию и громко заверещал. Безумец терзал свои волосы и вопил что-то непонятное, после чего, так же внезапно, бросился бежать.

— За ним! — скомандовал Конан.

И они с Фридугисом припустили следом за Скандой. Почему-то на душе у Конана было весело. Это веселье он никак не связывал с тем обстоятельством, что им все же удалось перехитрить и вывести из строя медного божка. В конце концов, это существо, как оказалось, не отличалось большой сообразительностью. Обдурить такого — много ума не требуется. Нет, Конан чувствовал, что их путешествие приближается к концу. А конец подобного странствия — это всегда последнее испытание и финальный триумф!

Киммериец предвкушал, как они отыщут горы самоцветов из числа тех, что не особенно нужны богине Кали. Когда они возвратят этой капризной и грозной даме ее возлюбленный алмаз — третий глаз, — она (как сильно надеялся киммериец) закроет все три своих глаза на невинную кражу. И Конан уйдет из Вендии богатым.

Он выберется в какой-нибудь большой город. Купит там лошадь. И отправится верхом в Шадизар, где к его услугам будут лучшие кабаки, веселые красавицы и все те немыслимые развлечения, какие только доступны в Шадизаре человеку с деньгами...

Стоп. Лошадь.

Конан с подозрением уставился на Фридугиса. После всех треволнений, какие пережил киммериец, превращенный в монстра и затем исцеленный Фридугисом, после долгого рассказа об алмазе, о свойствах богини Кали, о злоключениях всех, кто когда-либо владел чудесным камнем, — после всего этого Конан напрочь забыл об одной детали.

А именно: ведь у Фридугиса прежде была собственная лошадь! Интересно, куда он ее подевал? Когда Конан очнулся в хижине бритунца — и когда происходила вся эта крайне неприятная история с хвостом, никакой лошади не было уже и в помине.

Конан вдруг расхохотался.

Фридугис уставился на него с подозрением.

— Что это ты так развеселился, киммериец? По-моему, твое веселье имеет весьма неприглядное происхождение.

— Ну, это как посмотреть... — Конан фыркнул. — Значит, те припасы, коими ты поражал мое воображение, когда мы встретились на окраине Рамбхи, ты украл, да, Фридугис?

— Разумеется, — с достоинством отозвался бритунец. — Я их стырил, как это принято говорить в воровских кругах. Утащил и спер у этих недостойных жителей Рамбхи, которые пренебрегают законами гостеприимства. Точнее, которые простирают эти законы лишь на себе подобных, в то время как достойные чужаки...

— Остановись, — предупредил его Конан. — Я тогда был слишком болен, чтобы догадаться, а ты, вероятно, намеревался произвести на меня впечатление. Так?

— Не возьму в толк, о чем ты говоришь, любезный варвар, — холодно произнес Фридугис. — Все обстояло именно так, как я имел честь тебе рассказывать. Недостойные граждане Рамбхи отказали мне в приюте, поэтому я был вынужден...

— Ты обменял свою лошадь на припасы, — сказал Конан обвиняюще. — Вот как ты поступил. Я должен был догадаться раньше. Но слишком уж много всего навалилось! И я проглотил твою ложь вместе с твоими лепешками... Глупо.

— Ну, возможно, — не позволил себя смутить Фридугис. — Возможно, я оставил свою добрую лошадку у этих людей. Кто-то же должен был о ней позаботиться! Я нарочно выяснял обычай этой страны. Здесь никому не придет в голову обидеть лошадь, не говоря уж о том, чтобы съесть ее. В то время как ты, дорогой Конан, вполне в состоянии сожрать даже лошадь, если будешь голоден. Тем более, если учесть некоторые особенности твоего... э... состояния... в тот момент, когда мы снова встретились, к моему великому удовольствию... Словом, я счел, что лошади будет безопаснее в Рамбхе. Подальше от тебя.

— Понятно, — хмуро сказал Конан.

— Ты как-то похвалялся своим умением добывать денежные средства и продукты, — продолжал бритунец, — вот я и решил, что честная сделка с жителями Рамбхи будет иметь в твоих глазах весьма некрасивый вид, в то время как якобы

совершенная мною кража вызовет твое живейшее сочувствие. Я хотел, чтобы ты уважал меня, Конан! Вот чего я добивался своей невинной ложью.

— Ладно, — Конан махнул рукой. — В конце концов, не так уж это важно... Ты правильно поступил, избавившись от лошади. Нам бы пришлось бросить ее в джунглях.

Фридугис вздохнул с явным облегчением.

— Рад, что ты счел меня достойным своей дружбы. И... — Было очевидно, что Фридугису трудно продолжать, однако он через силу все же договорил до конца: — Я признателен тебе, Конан, за то, что ты спас меня там, на мосту. Без тебя я бы до сих пор трясся, глядя вниз, в пропасть.

— А, — отмахнулся Конан с небрежным видом, — ничего особенного.

Фридугис покраснел:

— Моя жизнь — это, по-твоему, «ничего особенного»?

Конан удивленно посмотрел на него.

— Кто говорит о твоей жизни? Я имел в виду свое деяние. Мой друг, один глубокоуважаемый кхитайский философ, говорит: «Один-единственный, даже самый маленький камень способен сдвинуть горы. Нужно только понять, куда его положить или откуда его взять». По этому поводу он рассказывал одну притчу. Предположим, у нас имеется гора камней. Если взять один камешек сверху, то гора останется прежней. Но если вытащить камень снизу, то гора обрушится...

— Да избавят меня Митра от киммерийского горца, рассказывающего кхитайские притчи! — воскликнул Фридугис с дурашливым ужасом.

Конан оглушительно расхохотался, а Фридугис дружески хлопнул его по плечу.

И тут они увидели Сканду. Безумец бежал не с той стороны, куда он удалился, а с противоположной, как если бы он описал круг.

— За ним! — азартно предложил Фридугис. И приятели рванулись следом за Скандой. Тот скакал, высоко задирая ноги и размахивая тощими черными руками. Время он времени он задирает голову и оглашал окрестности пронзительным птичьим воплем, а затем вновь принимался бежать.

Он несея, держась края пропасти. Друзья следовали за ним шаг в шаг. И вскоре худшие подозрения Конана подтвердились. Плато, на которое они забрались, убегая от монстра, представляло собой большую скалу, торчащую посреди равнины, точно последний зуб в десне старика. Оно имело вид ступы. Все его стены отвесно обрывались вниз. Река огибала плато со всех сторон. Она обвивала каменное подножие этой скалы, а затем уходила дальше, и ее змеиный хвост терялся в джунглях.

Зеленое море расстиралось вокруг скалы, куда ни бросишь взгляд. Изредка между листьями поблескивала вода — там текла все та же река.

— Странное место, — проговорил Фридугис, оглядываясь вокруг. — Для чего же сюда вел мост? Здесь должно что-то находиться.

Сканда продолжал бегать кругами. Оба приятеля давно уже сидели, пытались осмыслить положение, в которое угодили, а Сканда все бежал и бежал. Наконец, совершенно лишившись сил, безумец повалился на землю и уставился на своих спутников умирающими глазами.

— Сплетем веревку из лианы, — предложил Конан. — Этого добра здесь растёт предостаточно. Время у нас есть. Сделаем лестницу и спустимся вниз.

— Я был уверен, что какой-нибудь выход обязательно найдется, — сообщил Фридугис. — Передохнем — и за работу.

На том они и порешили.

Глава восьмая

Гибель селения людоедов

Конана не переставал удивлять Фридугис. Таких деятельных людей киммериец встречал довольно редко. Обычно спутники Конана сдавались перед напором жизненных трудностей. Даже самые лихие воины начинали ворчать, все более активно проявляя недовольство. Таким способом они старались скрыть то нехитрое обстоятельство, что ситуация становилась для них невыносимой, и они готовы вот-вот сдаться.

Бритунец же, хоть и не был воином, а являлся избалованным аристократом, не ворчал и даже не помышлял о сдаче. Еще чего не хватало! Оставаясь бодрыми жизнерадостным, он всем своим видом показывал Конану, что готов переносить тяготы их путешествия наравне с могучим варваром.

Они вместе нарезали гибких лиан и взялись за дело. Конан показал бритунцу, и тот принялся за работу с таким видом, будто зарабатывал на жизнь подобным ремеслом.

Конана немного позабавило это обстоятельство. «Аристократ должен уметь позаботиться о себе сам, даже в отсутствие рабов» — так, кажется, выразился Фридугис несколько дней назад. Забавное утверждение. Интересно, что сказал бы по этому поводу какой-нибудь изнеженный, разжиревший султанапурский властитель? Ха-ха, забавно будет увидеть его физиономию!

Конан фыркнул, представив себе гримасу, которая появилась бы на пухлом лице подобного аристократа.

Фридугис весело принялся напевать солдатскую песню.

Конан не выдержал:

— Чему ты радуешься?

— А разве у меня есть повод огорчаться? — удивился Фридугис. — Станный ты человек, варвар. Мы спаслись от медного идола, хотя, казалось бы, наша гибель была неизбежна. Мы забрались на это плато, но скоро спустимся вниз и пойдем дальше. Мы избавимся, наконец от проклятого алмаза, зато отыщем гору других сокровищ, вполне безопасных. А потом вернемся домой, и проживем по-человечески! К тому же я предвкушаю работу над трактатом. О путешествиях зачастую интереснее вспоминать, нежели переживать их.

— А, — сказал Конан, стараясь говорить безразличным тоном.

— Ты разве не знал? — Фридугис хмыкнул. Большинство людей вообще предпочитает слушать о приключениях, не вставая с собственно ложа. Для того и прикармливают в замках всяких сказителей и бродячих менестрелей.

— Конечно, — отозвался Конан. — Что до меня, то я предпочитаю добрую схватку на мечах бредням о чужих похождениях. Во-первых, терпеть не могу слушать, как другие хвастают. Во-вторых, почти все в этих рассказах вранье, в-третьих, у сказителей всегда противные голодные глаза: так и шастают по

сторонам, прикидывая, что бы украсть. Не замечал? Это оттого, что все кругом жуют, пока они рассказывают свои байки. Ну и, разумеется, такой сказитель разливается о сражениях, красавицах, чудовищах и драгоценностях, а в голове у него одно: «Лишь бы до той оленьей ляжки не дотянулись, проклятые обжоры! Неужто мне ничего не оставят закусить? Не видят разве, человек голоден!»

Фридугис засмеялся.

— Так ведь сказителей сперва кормят, а уж после заставляют рассказывать!

— Ну и что? — Конан выглядел искреннее удивленным. — Это же ненасытные утробы! Им бы только жрать да жрать... Уж поверь мне, с таковыми имел дело. Нет, когда я стану королем, никаких сказителей при моем дворе не будет. Без вранья, без краж, без обжорства попусту... Словом, все строго — и одна только правда.

— В таком случае, ты войдешь в историю как самый жестокий тиран из возможных, — заявил Фридугис. — Ты отбираешь у людей возможность мечтать.

Конан поморщился так, словно проглотил нечто тухлое.

— Только не говори мне, что из мечтателей вырастают герои! Из мечтателей вырастают мечтатели, а героям мечтать некогда — они действуют.

— Ты неисправим, — махнул рукой Фридугис, который как раз хотел сказать киммерийцу о том, что мечта порождает героя.

Впрочем, непоколебимый прагматизм варвара менее всего располагал к унынию. Конан был из тех, кто переделывал мир под себя, если его вдруг что-то переставало устраивать.

И вскоре ему пришлось в очередной раз доказывать это на деле.

Лестница была готова уже на треть, когда начались неприятности.

Сперва их приближение ощутил Конан. На сей раз, к счастью, никакой магии поблизости не было: противник, который выслеживал незваных гостей на плато, не принадлежал к потустороннему миру. Это были люди.

Да — но на редкость неприятные люди. И самое в них неприятное заключалось в том, что их было очень много, не менее пятидесяти человек.

Казалось, джунгли внезапно разродились целым роем полуобнаженных темнокожих дикарей. Еще мгновение назад царила полная тишина, птицы мирно чирикали в вышине, и насекомые летали над цветами. И тотчас все изменилось. На поляну выскочила орда размалеванных воинов. Перья торчали в их прическах: их густые черные волосы были вымазаны глиной и уложены в высокий конус на макушке. Истыканный перьями, этот конус был, кроме того, щедро раскрашен красным, белым и синим цветами.

Лица напоминали о смерти: белые линии придавали им сходство с оскаленными черепами, Тело-«скелет» прикрывали расшитые бисером набедренные повязки, под коленями имелись браслеты со свисающими ремнями, перьями, кусочками меха. Ноги воинов были босы.

Эти люди вооружились копьями с острыми и длинными роговыми наконечниками. Обступив чужаков, они угрожающе трясли копьями и что-то выкрикивали.

Фридугис встал и развел в стороны руки, показывая, что он безоружен и что намерения у него самые мирные.

Этот обычный и всем понятный жест почему-то страшно разозлил дикарей. Они разразились воплями на все лады и еще сильнее затрясли оружием.

Внезапно в воздухе свистнуло копье. Конан едва успел толкнуть своего товарища в сторону, иначе копье, брошенное дикарем, пронзило бы грудь бритунца.

— Проклятье! — вскричал Фридугис. — Кажется, они намерены нас убить!

— Вот именно, — хмуро кивнул варвар, обнажая меч. — Доставай кинжал. Постараемся продать нашу жизнь подороже.

— Постой! — воскликнул Фридугис, тщетно пытаясь задержать варвара. — Не нападай на них! Если ты убьешь хотя бы одного, они нас не пощадят.

— Они не пощадят нас в любом случае, — возразил Конан, вырываясь. — Но если я уничтожу хотя бы парочку этих гадин, они будут, по крайней мере, нас уважать.

— Плевал я на их уважение! — заорал Фридугис. — Может быть, удастся их уговорить!

— Не мешай! — заревел Конан. Он стряхнул с себя руку Фридугиса и бросился в атаку.

Первым же ударом он перерубил ближайшего к нему дикаря пополам. Брызнула кровь. Конан оскалил зубы и, испустив яростный воинственный клич, накинулся на следующего врага.

Копье, нацеленное в живот киммерийца, переломилось, как хворостинка, под ударом мощного меча. Испуганный дикарь отскочил, но было поздно: сверкнув в воздухе, меч описал дугу и опустился на худую черную руку. Отчаянно закричав, дикарь повалился на землю. Фонтаны крови хлестали из его разрубленной конечности.

Конан ревел, как дикий зверь. Никто не смел больше приближаться к нему. Дикари, ошеломленные этим яростным натиском, отступили.

Должно быть, Конан показался им демоном, кровожадным чудищем, которое выбралось из самого сердца джунглей, дабы собрать свою ужасную жатву.

Киммериец откинул голову назад и громко расхохотался. Фридугис поежился. Смех этот звучал зловеще.

— Кром! — закричал Конан, обращаясь к дикарям. — Что, не смеее поднять на меня руку? Идите сюда! Идите! Я убью вас всех!

Они топтались теперь на почтительном расстоянии от него, однако не переставали размахивать копьями, подпрыгивать, сильно ударяя босыми плоскими ступнями о землю, и выкрикивать отрывистые угрозы. Конан сделал движение, как будто намеревался снова напасть на них. Они загорланили и отбежали подальше, но затем снова остановились.

Конан повернулся к ним спиной и гордо зашагал прочь. И в этот миг сверху, с деревьев, на него упала сеть. Конан закричал от гнева и попытался вырваться, но сеть оказалась достаточно прочной. Десятки дикарей разом набросились на киммерийца и скрутили его. Они сидели на его ногах, прижимали к земле его руки, голову. Трое были заняты тем, что стягивали веревками щиколотки и запястья.

Фридугис выхватил кинжал. Надежды у него не оставалось никакой. В глубине души он до последнего думал, что Конан одолеет всех, кто напал на путников, или

что Сканда неожиданно придет на помощь своим товарищам. Но Сканда прятался где-то в глубине джунглей, а Конана перехитрили.

Что ж, придется воспользоваться советом киммерийца и продать свою жизнь подороже. Если Кали вздумала бросить хранителя своего алмаза, пусть. Вряд ли эти дикари знают, что означает драгоценный камень, который они найдут в кошеле на поясе убитого ими бритунца.

И Фридугис набросился на врагов первым, не дожидаясь, пока они сомнут его и истыкают копьями.

Яростно крича, бритунец ударил ножом ближайшего, затем слепо нанес еще несколько ударов. Он ощутил, как бронза входит в чужую плоть. А затем все померкло: кинжал вывалился из руки Фридугиса, солнце потемнело перед его глазами, и спустя миг он перестал что-либо чувствовать.

Потеряв сознание от сильного удара по голове, Фридугис повалился на землю рядом со связанным Конаном.

* * *

Пленники очнулись, когда день перевалил за середину. Фридугис открыл глаза и увидел, что он находится в круглой хижине. Сквозь солому проникали солнечные лучи. За плетеными стенами хижины кипела какая-то непонятная жизнь. Раздавались человеческие голоса. Разговаривали между собой в основном женщины. Некоторые смеялись. Изредка доносились и окрики мужчин: судя по всему, женщины занимались какой-то важной работой, а несколько мужчин надзирали за ними и следили, чтобы все совершалось по правилам.

Фридугис попробовал пошевелиться и понял, что он крепко связан. Он повернул голову и увидел Конана. Киммериец, плотно обмотанный веревками, как бы помещенный внутри кокона, лежал на боку и следил за своим товарищем неподвижными, остекленевшими глазами. На миг Фридугису показалось, что Конан умер, таким странным был его взгляд. Но затем он догадался: дикари опоили его каким-то снадобьем, так, что Конан, с одной стороны, жив и невредим, а с другой — не может пошевелить ни единым мускулом.

Интересно, что это за снадобье? Фридугис окликнул своего товарища:

— Конан! Ты слышишь меня? Если да, то попробуй закрыть глаза.

Ресницы киммерийца шевельнулись. Было очевидно: он находится в сознании и понимает все, что происходит вокруг.

— Где мы, ты знаешь?

Конан остался неподвижен. Видимо, он так же далек от понимания ситуации, как и Фридугис.

Неожиданно Фридугис услышал, как трещит хворост. Поблизости разложили большой костер.

Под громкое ритуальное пение прокатили по земле тяжелый предмет. Фридугис собрался с силами, подобрался к щели в стене хижины и выглянул наружу.

То, что он увидел, потрясло его. Сотни обнаженных дикарей, раскрашенных, одетых в праздничную одежду из перьев, листьев, цветов и кусочков меха, бродили по поляне. Все хижины их поселения были убраны гирляндами, как будто здесь готовились к великому празднеству. В центре поляны пылал гигантский костер.

Десятки женщин хлопотали возле него: они приносили дрова, рубили их, подкладывали в огонь. Все они громко распевали.

Женщины этого племени показались Фридугису особенно безобразными. Они были толстыми, распухшими, с выпученными животами и длинными; висящими едва ли не до пояса грудями. Их черные волосы были вымазаны салом и скручены в косицы, а плоские лица раскрашены красными полосами. Красным же были обведены и их глаза, в то время как губы имели ярко-синий цвет.

— Глядя на них, и впрямь поверишь в существование демониц, — пробормотал Фридугис. — Для чего же им такой здоровенный костер? Неужто будут сжигать тела своих убитых? Сколько мы уничтожили их, Конан? Двоих? Трех?

Он помолчал, зная, что киммериец все равно не сможет ему ответить. Затем продолжил рассуждать:

— Не пойму, что за штуку они катят по земле... Скорей бы уж вывернули из-за стволов и выкатили ее на площадь!

И тут, наконец Фридугис увидел, что за странный предмет волокли дикари к своему костру.

Это был огромный котел, выплавленный из меди. Он был очень старым, позеленевшим от времени. Внешняя его сторона была закопченной, но ушки котла и внутренность его имела зеленый оттенок. Видимо, дикари отыскивали этот предмет где-то в заброшенном городе или старинном храме, какие можно случайно найти в вендийских джунглях.

Фридугис ни на мгновение не мог бы поверить в то, что это лютое полуголоое племя в состоянии было выплавить подобный котел само. Нет, они его утащили!

Котел под громкое ритуальное пение установили на кострище. По цепочке начали передавать воду в кожаных бурдюках. Попадая в котел, вода принималась шипеть. Стенки котла нагрелись быстро.

— Они хотят вскипятить полный котел воды, — сообщил Фридугис Конану.

Конан шевельнул губами. Яд прекращал свое действие. Видимо, дикари плохо рассчитали дозу, поскольку прежде никогда не имели дело столь могучими воинами, как киммериец.

Фридугис вслушался в шепот Конана, а расслышав, похолодел:

— Это людоеды... Вода — для нас... Вопрос только в том, убьют они нас прежде, чем съесть, или сварят живыми...

— Так вот почему они не убили нас там, в джунглях! — воскликнул Фридугис. — Они намеревались дотащить нас сюда. Погода жаркая — мы бы успели протухнуть до того, как они начнут свою жуткую трапезу.

Конан криво дернул углом рта. Фридугис понял, что это — улыбка. Бритунцу окончательно стало не по себе. Мгновение он не сомневался в том, что Конан утратил рассудок.

— Что с тобой, киммериец? Чему ты веселишься?

— Фантазия... — сказал Конан. — Неплохо, да?

Фридугис закачался, сидя на земляном полу хижины.

— Ты убиваешь меня, Конан! Разве сейчас время шутить?

— Это не шутки...

Фридугис в отчаянии закричал:

— Кали! Злая мать! Черная богиня! Почему ты оставила меня погибать здесь? Смотри, у меня твой алмаз! Неужели ты думаешь, черная мать, что эти людоеды сумеют возвратить тебе твое достояние? Помоги мне!

— Нам... — вставил Конан.

Фридугис густо покраснел. В своем ужасе он совершенно забыл о том, что в мольбу, обращенную к злой богине, необходимо вставить второе имя.

И бритунец быстро добавил:

— Помоги мне и Конану, черная богиня, потому что без Конана я не справлюсь с моей задачей! Освободи нас обоих от власти людоедов-дикарей, и мы вернем тебе алмаз, Кали!

— Остается только ждать, — шепнул Конан. — Хотел бы я посмотреть, как она на поможет.

— Разве твой бог Кром не помогает тебе? — удивился Фридугис. — Лично я не раз видел, как божество снисходит к людям и помогает им.

— Ну да, — сказал Конан, болезненно кривясь. — Но только не Кром. Я уже говорил тебе, Кром дал мне все, что мне потребно, а уж как я справлюсь — дело мое.

— Кстати, раз уж ты заговорил, — произнес Фридугис, — что это был за яд, которым тебя опоили?

— В одной из хижин они держат огромного паука, — сказал Конан. — Он размером с теленка, не меньше. Такие на воле, в лесу, не встречаются. Сперва я решил было, что это магия, но — нет. Это чудовище — естественного происхождения. Просто-напросто они взяли паука из леса и выкормили его особыми травами и мясом. Мне охотно рассказал об этом их жрец.

— Ты понимаешь их язык? — поразился Фридугис.

— Совсем немного... Достаточно, чтобы разобрать кое-какие слова. Остальное они дополнили жестами.

— Странно, — промолвил Фридугис. — Странно, что они снизошли до бесед с пленником.

— Напротив, они были очень довольны, что имеют такую возможность, — возразил Конан. — Я доказал им, что являюсь могучим воином. Они завладели мной. Это стало предметом их гордости. Они готовы были рассказывать мне решительно все, на что я ни показывал пальцем. Из этого паука они добывают яд, чтобы опоить жертву. Нас, полагаю, сварят живьем. И яда не дадут, чтобы мы в полной мере ощутили пытку. Иначе это будет лишено смысла. Мы ведь оба — великие воины, так что нам оказывают особую честь. А меня опоили, чтобы я не сбежал раньше времени. Они очень, очень уважают меня.

Закончив эту тираду, Конан усмехнулся. Улыбка его вышла менее кривой, чем прежде. Яд действительно заканчивал свое действие.

— Попробуем освободиться хотя бы от веревок, — предложил Фридугис.

— Согласен.

Конан начал извиваться, чтобы ослабить путы. Фридугис последовал его примеру, дергая руками и ногами. Затем он почувствовал прикосновение и вздрогнул от неожиданности.

— Сиди тихо, — велел Конан.

Он подобрался к бритунцу и начал крепкими зубами перетирать веревки, стягивающие запястья пленника. Скоро Фридугис почувствовал, как хватка петли слабеет. Он еще несколько раз дернул руками, веревка поддалась и лопнула.

— Отлично, — прошептал он.

В этот миг в хижину вошла женщина.

Она была еще совсем молода. Ее грудь не обвисла, а горделиво торчала, темные соски глядели прямо на пленников. Живот ее, правда, был выпучен — его раздуло от трав, которыми она питалась постоянно. Плоское лицо этой женщины было размалявано, так же, как и у ее товарок, и выглядело достаточно отталкивающим. Тем не менее, по ее манере держаться Конан видел, что эта молодая женщина считается среди своего племени весьма привлекательной.

Что ж, возможно, им удастся воспользоваться этим.

Женщина поставила перед ними кувшин с молоком.

— Вы должны пить, — показала она жестами.

— Ну да, чтобы быть вкуснее, — проворчал Конан. — Я знаю гурманов, которые пускают рыбу плавать в молоке прежде чем зажарить. Очень нежное мясо получается.

Женщина шутливо погрозила Конану пальцем. Затем она повернулась к обоим пленникам спиной и, задрав свою набедренную повязку, продемонстрировала черный блестящий зад. После чего горделиво удалилась.

— Ну? — сказал бритунец. — Какова? Что она хотела этим выразить?

— Полагаю, она заигрывала с нами, — сказал Конан. — Мы ведь не просто пища. Мы — ритуальная пища. Нам будут сейчас показывать женщин, чтобы мы возбудились и чувствовали себя крепкими мужчинами. Нас начнут поить молоком или укрепляющими травами. Иначе наша плоть будет бесполезна для племени.

— Пожирая пленников, они рассчитывают завладеть их силой? — уточнил Фридугис.

Конан насмешливо сощурился.

— Естественно. Ты читал об этом в манускрипте?

— Естественно...

Фридугис вздохнул, очевидно, сожалея о том мире, где существует спокойное чтение, а затем принялся стягивать путы со своих ног.

С веревками, оплетающими могучее тело киммерийца, пришлось повозиться изрядно. Дикари навязали множество узлов, видимо, вкладывая в каждый из этих узлов особенное заклинание, дабы мощный пленник оставался неподвижным до того времени, когда настанет пора совершать ритуал.

Но никакие заклинания не устояли: веревки пали, и киммериец наконец смог расправить руки и ноги. Он яростно растирал их, чтобы восстановить кровообращение, и наконец почувствовал, что силы вернулись к нему вполне.

— Ну вот, теперь пусть только попробуют подойти ко мне! — воскликнул он и захохотал, предвкушая славную битву.

Фридугис понял, что его спутник совершенно не страшится возможной близкой смерти. Что ж, подумал бритунец несколько уныло, вероятно, это единственный способ сразиться с врагом, который превосходит тебя по численности в десять раз.

Забыть не только о том, что ты можешь умереть, — забыть даже о том, что ты можешь потерпеть поражение, и просто биться до последнего.

Потому что сдаваться без боя не хотелось ни одному, ни другому.

Когда за пленниками явились, они уже были готовы к битве. Двое воинов, вошедших в хижину в самом начале сумерек, остановились, недоуменно озираясь по сторонам. Они не увидели Конана на том месте, где он должен был находиться. И пока воины оборачивались, дабы выяснить, куда подевался наиболее ценный пленник, Конан бесшумно поднялся с пола (он сидел на корточках возле входа, набросив на себя циновку, которая в сумерках почти совершенно сливалась с плетеной стеной хижины). Не успели воины-дикари понять, что происходит, как Конан уже схватил их за шеи и столкнул лбами.

Раздался ужасный звук — как будто раскололись две тыквы. С разбитыми головами и свернутыми на сторону шеями воины рухнули на земляной пол. Конан отобрал у них копья и безмолвно потряс оружием в воздухе.

Он двигался ловко и грациозно, несмотря на свои огромные размеры. Фридугис невольно залюбовался им.

— Пора! — сказал Конан. И скользнул за дверь.

Фридугис последовал за ним.

Их встретили сумерки. Костер, разложенный посреди поляны, пылал ярко, и ослепительный оранжевый свет пламени контрастировал с синими джунглями, подступившими к деревне людоедов.

Люди с жутко разрисованными лицами толпились возле костра. Все в них выдавало острейшее нетерпение: их позы, отрывистые реплики, которыми обменивались они, громкий нервный смех. Некоторые женщины, не выдерживая напряжения, вдруг принимались визжать и терзать свои груди, одна яростно царапала себе лицо и верещала оглушительно, как разгневанная мартышка. Никто не препятствовал этим проявлениям эмоций: очевидно, подобное считалось среди людоедов в порядке вещей.

Появление пленников вызвало общий рев восторга. Дикари не сразу заметили, что пленники показались из хижины без сопровождения воинов и что они, более того, не связаны, а у Конана в руках копья.

Испустив яростный боевой клич, Конан метнул одно из своих копий в толпу, и человек в короне из перьев беззвучно повалился на спину. Копье пробило его грудь, бросок варвара оказался таким сильным, что труп пригвоздило к земле.

Общий вздох прокатился по толпе дикарей, а затем смятение сменилось гневом, и людоеды хлынули вперед, норовя смять свою жертву.

Слышно было, как в одной из хижин беспокойно ворочается гигантский паук.

Фридугис не мог бы объяснить, как это вышло, но он действительно отчетливо слышал это — сквозь вопли сотен глоток и топот сотен босых ног. Паук бесился. Он чувствовал близость добычи. Вероятно, его приучили поедать живое мясо — мошками это гигантское существо явно больше не довольствовалось.

Конан отвлек общее внимание на себя. О Фридугисе, как это ни странно, все забыли. Он стоял как бы в полном одиночестве среди разъяренной, кишасей толпы, и наблюдал за происходящим со стороны.

Эта отстраненность самому Фридугису казалась какой-то неестественной. В самом деле! Ведь решается его судьба, не только судьба варвара-киммерийца, а он

созерцает побоище с таким видом, словно рассматривает в замке старинный гобелен с вытканной на нем древней, давно забытой битвой. Кажется, здесь дракон? Очень любопытно. А это кто там, внизу, с пикой? Предок того, кто построил ваш замок? Чрезвычайно интересно... А как его звали? Не помните? Жаль-жаль...

М-да. Что только не лезет в мысли!

Внезапно Фридугис задрал голову к темнеющему небу и закричал:

— Ка-а-ли! Черная мать! Приди!

И, вытащив из кошелька алмаз, поднял его вверх, зажав между пальцами.

Красные лучи света вырвались из камня. Они пронзили сумрак, разлились над головами сражающихся. Дикари заверещали от боли. У некоторых начали тлеть, а затем и вспыхнули волосы на голове. Глина, которой дикари обмазывали свою прическу, сыграла с ними дурную шутку: головы людоедов оказались как бы заключенными внутри горшка. Пламя лизало их снаружи и нагревало, так что у некоторых мозги начинали кипеть, и глаза лопались в орбитах, а кожа на лице облезала клочьями.

Зрелище было ужасным. Женщины, не помня себя, набрасывались на упавших и лизали их, торопясь вкусить кровь, которая проступала на телах умирающих. Конан, рыча, как дикий зверь, без устали наносил удары копьем, и каждый новый удар означал смерть новой жертве.

Высоко в небе прокричала птица. Ее пронзительный голос разнесся над плато, как глас надвигающейся смерти: он был одиноким, отчаянным, в нем звучала неотвратимость.

Тум. Тум. Тум.

Приближались знакомые шаги. Они звучали приглушенно, издалека, но с каждой минутой гул делался все более отчетливым. Сомнений не оставалось: медный монстр каким-то образом ожил, сумел подняться и взобрался на плато.

Скоро он будет здесь.

— Кали! — снова закричал Фридугис.

Новый сноп лучей вырвался из камня. На сей раз это были синие лучи. Они разлетелись во все стороны, и повсюду, где они проходили, оставались белые следы. Инеем покрылись листья и ветви, ледяная корка запеклась на лицах людей. Они задыхались и кашляли, хватаясь за горло. Их глаза превращались в ледышки, их рты оказывались забиты снегом и льдом. Дикари падали на землю, катались, били вокруг себя руками и ногами и затихали навеки, а лед медленно таял, и из глаз-ледышек вытекали огромные мертвые слезы.

Тем временем между стволами деревьев мелькнуло темно-красное сияние. Медное тело идола отражало яркое пламя костра. Казалось, воплощенный огонь шагает по джунглям. Грозно светясь, чудище появилось на поляне.

В этот самый миг хижина, где бесновался паук, рухнула. Гигантский монстр выскочил оттуда и, приседая на мягких лапах, помчался прямо к месту скопления людей. Из рыхлого брюха, украшенного черным пятном, высовывалось жало. Оно подрагивало на бегу и изгибалось, готовясь нанести первые удары. Жвала паука шевелились, многочисленные крохотные глазки двигались на маленькой округлой голове. Глазки эти показались Фридугису особенно жуткими. Они глядели по сторонам осмысленно, совершенно по-человечески, и неустанно высматривали себе добычу.

Один из дикарей вдруг закричал отчаянно и громко и подпрыгнул. Жало впилось ему в шею сбоку и приподняло тело несчастного в воздух.

Подвешенный на этом гибком «шесте», он несколько раз качнулся, а затем упал и больше не двигался. Паук, не останавливаясь, пронзил жалом следующую жертву.

Дикари собрались в круг, оцетинившись копьями. Теперь у них было два врага: киммериец и огромный паук. И хоть эти противники и не собирались заключать союз, оба представляли практически одинаковую опасность.

Лучше всего было бы натравить паука на Конана, но эта идея требовала бы ясности ума, бесстрашия и, главное, организованности действий, а дикари, сбившиеся в кучу, не обладали ни первым, ни вторым, ни третьим. Они были попросту перепуганы до полусмерти.

Тум. Тум. Тум.

Новая опасность надвинулась на дикарей из джунглей. Теперь уже хорошо видны были медные руки, раздвигающие в стороны ветви деревьев. Без барабанчика, с погнутыми или отломанными пальцами, эти руки, тем не менее сохранили и силу свою, и хватку. Идол неуклонно двигался к своей цели.

Несколько женщин бросились навстречу шагающему монстру и метнулись к нему под ноги. Не заметив их, идол попросту наступил на их простертые на земле тела и раздавил. Фридугис услышал жуткий хруст костей, и бритунца передернуло. Многое он готов был вынести, но не это.

Он отступил назад и схватился за горло, чувствуя, что его вот-вот стошнит. И тут острая боль пронзила его ногу. Фридугис сразу очнулся от дурноты. Он увидел рядом с собой ужасную образину одного из людоедов: блестящие глаза смотрели прямо на бритунца, а острое копье было направлено ему в грудь. Приплясывая на месте и напевая сквозь зубы монотонную мелодию, воин вгонял себя в ритуальную ярость. Он явно готовился пронзить свою жертву насквозь.

Преодолевая боль от раны в ноге, Фридугис схватился за кинжал и бросился на врага. Людоед явно не ожидал от своей жертвы подобной прыти. Он отскочил, но недостаточно быстро: Фридугис успел полоснуть его по руке.

Как и многие, этот воин был храбр и грозен только перед безоружным противником; получив царапину, он мгновенно утратил все свое мужество и взвыл от боли и обиды. Фридугису почудилось в его вопле что-то детское: так рыдает ребенок, который получил шлепок от своего наставника.

Однако, как бы тот ни плакал, а жалеть людоеда Фридугис расположен не был. Следующий удар кинжала был нацелен дикарю прямо в горло. Ударив, Фридугис отскочил, чтобы его не запачкало кровью.

И тут, подняв голову, он увидел прямо над собой занесенное вверх жало гигантского паука. Монстр избрал бритунца своей следующей жертвой.

Фридугис упал на землю и покатился прочь. Он не успел бы убежать. Тем более, что раненая нога болела нестерпимо. Паук ударил, и жало его вонзилось в землю.

Паук задрал в воздух две передние лапы и сильно ударил ими — так взбрыкнул бы раздраженный или испуганный конь.

Затем чудовище с неестественной быстротой передвинулось и снова занесло жало над Фридугисом. В последний миг бритунец поднял алмаз Кали и воззвал к

грозной богине. Желтый луч вышел из камня и разрезал брюхо паука ровно пополам. Прямо на Фридугиса вывалились внутренности чудища, хлынула зеленоватая зловонная жижа, которая, очевидно, заменяла монстру кровь. Захлебываясь, кашляя и тщетно сражаясь с тошнотой, бритунец попытался выбраться из месива, в котором он внезапно очутился.

Липкая масса облепляла его со всех сторон. «Нет ничего глупее, чем захлебнуться во внутренностях этой твари, — подумал Фридугис. — Тьфу! Даже в страшном сне мне не могла присниться подобная смерть. Что за ерунда? Неужели бритунский аристократ допустит, чтобы его постигла подобная кончина? Впрочем, — добавил он, желая быть справедливым, — спасение мое зависит сейчас только от меня... А если я и погибну, то никто не узнает, каким образом это произошло. Что ж, хоть малое, но все же утешение».

И с этим он принялся выбираться из жижи. Тем временем идол добрался уже до толпы людоедов. Невозмутимо, без злобы, но и без всякого снисхождения, он принялся хватать дикарей поперек живота и бросать их в огонь и в кипящий котел. Ночь наполнилась воплями ужаса и боли. Однако это не могло остановить медное существо. По-видимому, оно не ведало ни сомнений, ни сострадания. Оно знало, что делает; ведь оно — теперь в этом не оставалось никаких сомнений, — служило черной матери, Кали.

Идол действовал сразу шестью руками. Каждая успевала схватить одного или двух человек и метнуть их в костер. Конан успевал уворачиваться, однако в давке ему никак не удавалось выскочить из толпы перепуганных людоедов.

Теперь уж противникам Конана было не до того, чтобы пытаться сокрушить варвара. Каждый стремился спасти собственную жизнь. Но бегство, казалось, было невозможно.

Конан бросился на землю и покатился — как недавно это сделал Фридугис. Медная рука проплыла по воздуху прямо над головой киммерийца, однако схватить его не смогла и подцепила другую жертву. Конан между тем стремительно бежал в темноту.

Фридугис, который хорошо видел киммерийца, озаренного пламенем огромного костра, присоединился к своему товарищу.

Конан отшатнулся.

— Кто здесь? — грозно крикнул он.

Фридугис заметил в руке Конана меч. Должно быть, в пылу схватки киммериец обнаружил свое оружие у кого-то из людоедов и отобрал.

— Это я, — подал голос бритунец. — Я, Фридугис. Не убей меня, Конан, по ошибке.

— Чем ты воняешь?

Слышно было, как фыркает Конан.

— Это паук... Кали действительно помогает нам! Ее алмаз разрезал чудище на части!

— Хвалу доброй Кали воспоем попозже, — сказал Конан. Оставалось только поражаться скорости, с которой варвар обрел прежнюю невозмутимость. — Нам пора уносить отсюда ноги. Медный монстр пришел в себя и крушит тут все.

— Это очень кстати, — заметил Фридугис. — Без его поддержки мы бы не справились.

— Не уверен, — пробормотал киммериец. — Людоеды довольно легко поддаются панике. Заметил?

Фридугис кивнул.

— Такое случается не только с людоедами, — добавил бритунец. — На свете полным-полно людей, которые храбры только перед слабыми, а при виде сильного противника ударяются в бегство.

— Это тебе сказители напели? — осведомился киммериец.

— Нет, дошел своим умом, — огрызнулся бритунец. — А, кроме того, имел возможность наблюдать.

Они бежали прямо в джунгли. Конан выглядел как человек, который точно знает, что делает, Фридугис не уставал удивляться ему. Ведь медный монстр никуда не делся — он будет идти за беглецами по пятам, пока не уничтожит их! И сбежать с этого плато у них не получится. Они в ловушке. Разгром селения людоедов только оттянул неизбежную развязку.

Как будто прочитав мысли своего спутника Конан повернулся к Фридугису и, широко ухмыляясь, проговорил:

— Каждый час, что мы проживем назло врагу, идет нам на пользу. Не торопись умирать. Всегда может оказаться, что есть какой-то выход. Обидно, если тебе не хватило нескольких мгновений, чтобы его найти.

Глава девятая

В поисках исчезнувшего камня

Они шли через густые заросли, не разбирая дороги, всю ночь. Время от времени им начинало казаться, что идол больше не гонится за ними. Глухие тяжелые шаги стихли где-то вдалеке. Вопли людоедов, вонь костра — все это осталось далеко позади.

Конан, равно как и его спутник, отдавал себе отчет в том, что на плато им поневоле придется ходить кругами. Вряд ли преследователь оставит им время на то, чтобы спокойно сесть и сплести веревку.

Наконец они нашли подходящее место для отдыха, забились между корнями приземистой акации с множеством стволов, и заснули ненадолго. Фридугис хоть и старался не показывать виду, однако валился с ног от усталости. Пережитое совершенно выбило его из колеи. Бритунец даже попробовал пошутить над собой:

— Проклятье! — сказал он. — Гигантский паук как способ убедить пленника лежать тихо... Котел для варки людей живьем... До таких ужасов даже моя кормилица бы не додумалась, а уж вот кто была мастерица рассказывать страшные истории!

Конан фыркнул, но никак не прокомментировал сказанное приятелем. Он и сам устал. К тому же Фридугис получил рану в ногу. Не слишком глубокую и уж явно не опасную (если не случится заражения), но все же чувствительную. Так что у бритунца были все основания для того, чтобы упасть без сил и заснуть мертвым сном, едва его голова коснулась земли.

Как только солнце встало, Конан пробудился. В джунглях было очень тихо — если не считать обычного птичьего хора, да отдаленных криков каких-то животных. Ни барабанов, ни людских выкриков, ни грохотанья медного чудовища. Ничего, что, по мнению киммерийца, угрожало бы их жизни.

Как ни странно, это обстоятельство мало обрадовало Конана. Он привык не доверять хорошему. Особенно в тех случаях, когда неприятности не были устранены привычным для киммерийца способом: то есть не плавали в собственной крови. Вот если бы удалось превратить идола в гору расплавленного металла, а всем людоедам, до последнего младенца, выпустить кишки, — тогда другое дело...

Поэтому Конан решил не терять бдительности.

Но сначала следовало понять, в каком состоянии находится его спутник. Фридугис продолжал спать, и сон бритунца был беспокойным. Он метался по мягкому ложу — рыхлой земле между корнями акации, во сне продолжая отбиваться от людоедов и убегать от медного идола. Рана на его ноге, по счастью, не воспалилась. Более того, Конан с удивлением заметил, что она начала затягиваться.

От Фридугиса по-прежнему воняло мертвым пауком. Конан с его привычкой привыкать к обстоятельствам, изменить которые он пока не в силах, притерпелся и к этому запаху. Но стоило киммерийцу отойти в сторонку и глотнуть по-настоящему свежего ароматного запаха утренних джунглей, как паучья вонь стала казаться ему непереносимой.

Но... рана ведь затягивалась. Конан хлопнул себя по лбу. Яд паука не только парализовывал. Он еще и исцелял.

Он прошел десяток шагов, стараясь не выпускать спящего Фридугиса из виду, и обнаружил ручей, где с удовольствием умылся и утолил жажду. Затем вернулся к месту отдыха и беспощадно растолкал своего спутника.

— Избавься от вони и заодно выпей водички, — приказал Конан сонно моргающему Фридугису.

Тот наконец пришел в себя, охнул и захромал к ручью. Хромал он весьма бодро, так что Конан укрепился в своем изначальном впечатлении: рана благополучно заживала и через несколько дней вообще перестанет доставлять неприятности.

— Интересно, — сказал, возвращаясь, умытый Фридугис, — а где же Сканда? Мы расстались с ним, кажется, еще до того, как очутились среди людоедов.

Конан пожал плечами.

— Парень совсем дурачок, — ответил киммериец, — и не всегда отдает себе отчет в собственных поступках. Кто знает, где он прятался все это время? Я не берусь предсказывать его поступки.

— Мне почему-то кажется, — понизив голос, произнес Фридугис, — что он не просто дурачок.

— Да? — Конан равнодушно хмыкнул. — В любом случае, мы не имеем влияния на него. Да и заботиться о нем не обязаны. Он не считает нас своими спутниками в полной мере. Все равно как бездомный пес — прошел с нами час пути, а затем убежал по собственным делам.

— Я так не думаю, — многозначительно поведал Фридугис.

И тут, словно подслушав их разговор, Сканда появился. Точнее, до приятелей донесся его пронзительный птичий голос, кричавший:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Легко на помине, — сморщился Конан. Но его недовольство сменилось острой тревогой, когда до его слуха донесся знакомый грохот: тум, тум, тум. Идол приближался. Вместе с идолом приближался и непрерывно кричащий Сканда:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Подождем его, — сказал Фридугис.

Бритунец побледнел, однако старался держать себя в руках и выглядел он совершенно спокойным. Если не считать цвета лица, конечно. — Сдается мне, тут не все так, как представлялось вначале.

— Прекрасно, — вздохнул Конан. — Подождем. В крайнем случае, залезем на дерево.

— Отличный план, — улыбнулся Фридугис, по-прежнему сохраняя фальшивую бодрость. — Или закопаемся в землю.

— Этот план еще лучше, — сказал Конан. Идол между тем появился на прогалине, где росла акация. Сперва приятели увидели гигантскую медную ногу с большой вмятиной, полученной при падении со скалы. Затем появились руки, все шесть, одна за другой. И наконец, огромное туловище и голова с блестящими глазами и конусовидной прической, чуть погнутой и торчащей немного на сторону, предстали перед приятелями.

А на плечах у идола восседал, болтая ногами, Сканда и вопил во всю глотку:

— Конан! Фридугис!

— Что это значит? — гаркнул Конан, задрал голову к Сканде.

Чумазый пастушок весело ответил:

— Это наш друг — Гафа!

— Кто? — вырвалось у Фридугиса. — Как ты его назвал?

— Его имя, — пояснил Сканда. — Я знаю его имя. Он сам мне сказал. А что? Хорошее имя. Здешнее. Здесь так иногда зовут простолюдинов. Вроде меня. Бедный Сканда! Бедный Гафа! Ха-ха!

Он засмеялся и ловко спрыгнул с плеч идола. Идол подставлял ему руки, одну за другой, чтобы Сканда сходил по его ладоням, как по ступеням, а затем наклонился и спустил его на землю.

Сканда подошел к приятелям и покрасовался перед ними.

— Мы насили вас нашли, — сообщил он. — Вы прятались. Сильно прятались! Ловко. Как люди джунглей. Странно...

Конан решил выяснить дело до конца. Он взял Сканду за плечи и развернул к себе.

— Ты говоришь, этот медный идол зовется Гафа?

Сканда торжественно кивнул.

— Он еще как-то зовется, — добавил пастушок, — но для вас он Гафа.

— Не может быть, — выговорил Фридугис немеющими от ужаса губами. — Но это значит, что... Что Гафа, которого сто лет назад оставили в джунглях на милость здешнего божества не просто умер, но вселился в медное тело! И все: это столетие он существовал в джунглях в виде шестирукого вендийского бога!

— Гафа — не бог, — важно возразил Сканда и почему-то указал пальцем на себя, ткнув в середину груди. — Гафа только идол. Живой идол. Глупый идол. С ним надо было говорить. Его надо было бояться.

Конан нахмурился. Ему не понравилось, что какой-то вендийский замухрышка обвиняет его в трусости. Однако возражать было нечего. С ожившим медным великаном Конан вел себя так, что у постороннего наблюдателя имелись все основания заподозрить киммерийца в... осторожности. Да, «осторожность» — очень хорошее слово. Оно многое объясняет.

Идол стоял молча и тарасился на людей немигающими глазами. При ближайшем рассмотрении, решил Фридугис, он выглядит вполне прилично. И даже добродушно. А то, что они испугались — что ж, это вполне естественно. Всякий бы испугался на их месте. Эдакая махина, да еще ожившая, да еще неустанно топающая за ними сквозь джунгли!

— Ну что ж, — заявил Конан, — в таком случае я знаю способ выбраться с этого плато.

Фридугис пораился тому, как быстро киммериец изменил свое отношение к событиям. Теперь Конан снова выглядел уверенным в себе и своих решениях. И охотно взял командование на себя.

— Рассказывай, — кивнул Фридугис. Он решил не спорить с киммерийцем и не бороться за первенство. В конце концов, дальнейшие события покажут, кто кому должен подчиняться. Да и не мериться силой они с Конаном отправились в эти джунгли.

— Нас перевезет через пропасть любезный Гафа, — сказал Конан. — Он достаточно высок для этого. Если он будет идти осторожно, то он попросту спустится с плато вниз и перешагнет через реку. А мы проделем этот путь на плечах.

— Ловко придумано! — восхитился Фридугис. — Но согласится ли он?

— Мы его попросим, — сказал Конан. Фридугис прошептал на ухо киммерийцу:

— Ты думаешь, он не понял, что мы нарочно заманили его на подвесной мост, чтобы погубить?

— Не знаю, — так же шепотом отозвался Конан. — Но даже если он это и понял, то явно не держит на нас зла. Посмотри, как он глядит! У него, сдается мне, тоже имеется дело к черной матери Кали.

— Будем считать, что ты прав, — вздохнул Фридугис. — Тем более, что и выхода другого у нас нет.

И он заговорил со Скандой, дабы тот передал их просьбу Гафе.

Сканда слушал долго, вникал в сказанное по несколько раз, кивал, затем мотал головой, в волнении бегал туда-сюда по поляне. Наконец нехитрая идея Фридугиса обрела надлежащий вид и успокоилась в беспокойной голове Сканды, явно набитой обрывками самых разных и весьма диких представлений о происходящем.

Сканда обратился к идолу:

— Возьми на плечи меня, этого Конана и этого Фридугиса. Хорошо?

Гафа медленно повернул голову и воззрился на Сканду. Тот еще несколько раз повторил эту фразу. Наконец раздался глухой, тягучий голос:

— Хорошо.

Фридугис подскочил на месте, когда его услышал.

— Он еще и говорит?

— Конечно, — прошептал Конан. — Как же иначе Сканда узнал его имя?

— Возможно, Сканда умеет читать мысли...

— Имя плохо передается даже при чтении мыслей, — сказал Конан. — При чтении мыслей хорошо передаются побуждения.

— Это тебя кхитайцы обучили или ты сам додумался?

Конан молча показал Фридугису кулак.

Между тем идол наклонился и протянул приятелям ладони нижней пары рук. Конан забрался на левую ладонь, а Фридугис — на правую. Сканда побежал по телу идола так же легко и свободно, как белка бегает по стволу дерева. Было очевидно, что пастушок уже привык к такому способу путешествий.

Интересно, подумалось Конану, как давно Сканда знает этого Гафу? Если предположить, что пастушку тоже сто лет... Но нет, эту мысль следует отмести сразу. Иначе можно сойти с ума.

Сперва решим одно дело, потом займемся следующим. Нечего забивать голову сразу несколькими вещами.

Сканда что-то верещал, прижав губы к уху идола. Тот слушал, двигая глазами, затем кивнул и зашагал сквозь джунгли.

Он раскачивался на ходу плавно, как слон. Сидя на плече огромной медной фигуры, Конан смотрел, как далеко внизу переставляются толстые ножищи, как перед мощной грудью Гафы расступаются густые заросли.

Затем Гафа приблизился к краю пропасти и начал спуск. Он шел медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу. Сидящим на плечах идола людям пришлось крепко держаться за свою опору, чтобы не свалиться. Фридугис вцепился в руку Гафы изо всех сил, стиснул зубы, закрыл глаза. Бритунец был очень бледен, по его лицу градом катился пот.

— Эй! — окликнул его Конан. — Ведь тебя охраняет алмаз Кали! Или ты больше не надеешься на это?

— Сказать по правде, — прошептал Фридугис, — больше не надеюсь.

— Почему?

— Потому что вы теперь и без меня найдете подземный храм...

— Но алмаз-то у тебя! Неужто Кали не сбережет его?

— Его... а не меня!

— Ладно, — засмеялся Конан, — надейся на меня. Я надежней любой богини.

Тут он понял, что изрек двусмысленность, насупился и замолчал. Фридугис, впрочем, был так испуган и подавлен происходящим, что даже не заметил этого.

* * *

И снова они шли через джунгли, на сей раз не своим ходом, а на плечах медного идола. Конана укачало, и он несколько раз засыпал. Фридугис, напротив, не мог спать: он боялся упасть, разбиться или быть растоптанным, и этот страх не позволял ему расслабиться ни на мгновение.

Мимо проплывали зеленые моря. С визгом разбегались обезьянки; сверкая оперением, разлетались перед идолом попугаи и другие птицы. Затем густая

растительность закончилась, потянулась полоса выгоревшего леса. Пожар случился здесь не так давно. Жирная земля была покрыта копотью, а стволы деревьев были голыми и обгорели. Почва растрескалась. Лишь несколько травинок успело прорасти наружу, их зелень служила ярким контрастом мертвому запустению.

Идол остановился и опустил руки на землю, помогая людям сойти.

— Неужто это здесь? — с недоумением осведомился Фридугис, озираясь по сторонам.

— Надо спросить, — ответил Конан, зевая. И сам заговорил, обращаясь к медному Гафе: — Мы пришли? Храм Кали — под этой землей?

Он повторял свой вопрос на все лады десятки раз. Первым понял суть дела Сканда. Он подпрыгнул и начал выкрикивать:

— Здесь? Здесь? Мы пришли?

Наконец над выгоревшей пустошью разнес глубокий глухой голос:

— Это здесь...

Конан уныло огляделся по сторонам. Никаких признаков храма не наблюдалось. Если что-то и сохранялось здесь прежде, сто зим назад, то теперь все окончательно ушло под землю. Одним богам известно, сколько времени уйдет на то, чтобы перевернуть все эти пласты земли и извлечь на свет статую Кали. Что до самоцветов, погребенных вместе с нею, то отыскать их в подобных условиях будет самым настоящим чудом.

Между тем идол наклонился и зачерпнул ладонью землю. Отвалил ее в сторону. Зачерпнул снова.

Сканда бегал вокруг него, махал руками и выкрикивал что-то ободряющее. Идол работал все быстрее. Шесть его рук так и мелькали, гора откинутой земли росла. Конану и Фридугису оставалось только наблюдать за происходящим. Чем они и занялись.

— Очень хочется есть, — сказал Фридугис. — А ты не испытываешь голода, мой варварский друг?

— Испытываю, мой ученый друг, — в тон ему ответил Конан.

Фридугис приподнял одну бровь. Прodelывал эту гримасу он просто мастерски.

— В таком случае, почему бы тебе не поохотиться, мой друг?

— Ты полагаешь, в этой пустоши водится какая-нибудь дичь?

— Э-э... — протянул Фридугис. — Может быть, подстрелим птицу?

— Вряд ли Сканда сочтет подобное деяние уместным, — сказал Конан. — В прошлый раз он очень огорчился, когда мы жарили на костре какую-то птицу. Посмотри на его повадки! Он либо считает себя птицей, либо действительно таковой является.

— Что значит — «таковой является»? — удивился Фридугис. — По-моему, обычный полоумный пастушок. Мы уже обсуждали эту тему. В Вендии любят сумасшедших.

— Нет, — Конан медленно покачал головой, — я еще раз все обдумал. Мне кажется, Сканда — не сумасшедший. Напротив, у него вполне ясный рассудок. Просто он — не человек. Не человек в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие.

— Точнее, пожалуйста, — попросил Фридугис. — Я не успеваю за ходом твоей мысли.

— Ничего особенного. Либо он — человек-птица, либо демон, но не злобный, либо... в общем, что-то в таком роде.

— Может быть, его превратили из птицы в человека? — предположил Фридугис.

— Вот и я говорю: человек-птица, — вздохнул Конан.

Оба уставились на взволнованного Сканду с таким видом, словно тот был призван прояснить для них ситуацию. Впрочем, Сканда совершенно не замечал озадаченности своих спутников. Он тревожно кричал, подскакивал и бегал вокруг работающего идола. Своими повадками он и впрямь напоминал суматошную птицу.

Тем временем идол испустил громкий утробный крик и наклонился над вырытой им ямой. Он пошарил там руками, ухватил что-то и с усилием потащил наверх.

Вероятно, добыча была слишком велика и тяжела даже для такого колосса, как Гафа. Он широко расставил свои толстые медные ноги с отчетливо изображенными складками жира, уперся ими покрепче в землю и потянул изо всех сил. Лицо идола оставалось неизменным, все таким же невозмутимым, с блестящими глазами и сжатыми губами. Тяжесть усилия выражала лишь поза.

Несколько раз он претерпевал неудачу. Нечто не желало выходить на поверхность. Но Гафа не сдавался. Наконец он громко, отчаянно застонал. Его глухой медный голос разошелся по всей пустоши и отозвался долгим, протяжным эхом. Гафа выпрямился, держа в четырех руках статую богини. Он медленно поднял ее над головой, чтобы подставить солнечным лучам, и статуя засияла ослепительным солнечным блеском.

В отличие от Гафы, статуя вовсе не была живой. Это было именно изображение богини, но не сама богиня. Во всяком случае, пока. И Конан в глубине души надеялся, что так оно и останется. Два оживших вендийских идола на одного киммерийца — это было бы чересчур.

Победно закричав, Гафа со статуей в руках зашагал по пустоши. Он отошел чуть в сторону от ямы и утвердил свою добычу на горе земли, которую набросал, когда откапывал засыпанное подземное святилище. Затем сложил руки в разных молитвенных положениях: прижав ладони одна к другой, особым образом расположив пальцы, переплетя указательные пальцы и отставив мизинцы. И так, в умоляющей позе, чуть наклонив голову и изогнув могучее тело, застыл перед статуей.

Сканда же начал плясать. Из горла пастушка вырывались произвольные вскрики, когда он подпрыгивал или выделял какое-нибудь особенно сложное па. Затем крики эти превратились в пение — пронзительное, немелодичное, терзающее слух пение, в котором, однако, слышалось торжество. Сканда славил грозную богиню с младенческими черепами на поясе.

Солнце ослепительно сверкало на теле статуи, так что смотреть на нее было больно. Тем не менее, Фридугис оценил качество работы неизвестного древнего мастера, который создал это изваяние в незапамятные времена. Изящество и четкость линий поражали, точность позы сводила с ума. Казалось немыслимым, чтобы статуя могла замереть в подобном положении и сохранять притом равновесие. И, тем не менее, это было!

— Давай спустимся под землю, — предложил Конан. — Поищем самоцветы. Вдруг нам повезет?

Его практическое замечание вырвало Фридугиса из мира восторженных грез. Он оторвал взор от статуи и уставился на загорелое лицо киммерийца.

— Разве не стоит сперва покончить с нашим делом? Я думал, мы для начала вернем статуе алмаз, а уж потом...

— Нет, — сказал Конан. — Подумай сам. Пока алмаз у тебя, все будет сохраняться в относительном равновесии. Гафа, наш гигантский медный друг, останется в молитвенной позе перед статуей Кали, Сканда, еще один наш странный друг, будет плясать и петь, а Кали, наша добрая черная мать, в виде золотой статуи будет безмолвно сверкать на солнце. Очень хорошая, мирная картина. Ты можешь предсказать, каким образом она изменится, когда ты вернешь ей алмаз? Не можешь. И я не могу. Я только знаю, что в стране, где оживают статуи, у нас чрезвычайно мало времени на поиск сокровища для себя.

— Убедил! — воскликнул Фридугис. И оба спустились под землю. Гафа действительно откопал подземное святилище. То самое, куда сто лет назад пришли четверо бритунцев, влекомые отчасти алчностью, а отчасти — обычным человеческим любопытством.

Здесь сохранились обломки древних барельефов. Они все еще были раскрашены. Конан споткнулся о человеческий скелет. Несомненно, то были останки Агобарда или Турониса, одного из двоих спутников Хейрика, что погибли в подземном храме. Фридугис тоже заметил белые кости и вздохнул.

— Как бы и нам с тобой здесь не остаться...

— Вот уж о чем я помышляю меньше всего! — огрызнулся варвар. — Смотри хорошенько под ноги. Мы должны отыскать хотя бы горсточку самоцветов.

Конан наклонился. Так и есть! Среди костей лежал туго набитый кожаный кошель. Он был покрыт плесенью, но все же сохранился в целости. Киммериец поднял его, и вещица развалилась прямо у него на ладони. Внутри все еще находились самоцветы. Те самые, которые успел собрать Туронис перед тем, как погибнуть.

— Спасибо, дружище, — обратился к нему Конан. — Надеюсь, твой путь к богам был легким, а то, что ожидало тебя в конце этого пути, — приятным...

Скелет чуть пошевелился... или Конану это только почудилось? В любом случае, череп слегка переменял положение. Конан решил считать подобное хорошим знаком. Он дружески кивнул скелету и пошел дальше. Найденные самоцветы он крепко сжимал в ладони.

Они с Фридугисом спустились чуть ниже. Здесь сохранилась каменная кладка. И перекрытия еще оставались в целости, хотя задерживаться в этом помещении долго ни у одного из приятелей намерения не было.

— Смотри! — сказал Конан, который хорошо видел в темноте.

Фридугис прищурился, напрягая зрение. Киммериец показывал ему на большую корзину, сплетенную из ивовых прутьев. Там находилось несколько гибких белых тонких веток. И только присмотревшись, Фридугис понял, что это — скелеты издохших здесь змей. Сокровища Кали охраняли кобры!

К счастью, ни одна из них не уцелела после того, как храм обрушился. Зато камни сохранились в неприкосновенности. Сотни изумрудов, рубинов, топазов. Их грани тихо светились даже в подземной тьме.

— Возьмем сколько сможем, — предложил Конан. — Не будем жадничать. Да и времени у нас мало.

Фридугис молча взял корзину и посмотрел на Конана.

— Я готов возвращаться, — объявил он.

Конан засмеялся.

— Если она не прогнила и не рассыплется, то считай, что нам повезло.

Они двинулись обратно. Конан спешил. Нехорошие предчувствия охватили его. Как будто приближалось нечто дурное, отвратительное, с чем придется сражаться. Фридугис, напротив, был весел и бодр.

Добравшись до выхода из подземелья, бритунец первым делом поставил на край ямы свою корзину с драгоценностями. Камней там было достаточно, чтобы обогатить несколько человек и обеспечить им безбедное существование до конца их дней; однако все же не так много, чтобы корзина сделалась неподъемно тяжелой, так что один человек без труда с нею управлялся.

Затем Фридугис выбрался наружу сам. Когда Конан ухватился за край ямы, чтобы выскочить из нее, Фридугис повернулся и с силой ударил своего спутника ногой в лицо.

Конан от неожиданности разжал пальцы и повалился на дно ямы.

— Сиди! — со смехом крикнул ему Фридугис. — Нечего тебе делать среди цивилизованных людей, варвар! Неужто ты рассчитывал выбраться отсюда, да еще с моим богатством? Нет! Я владею им единолично.

Конан молча полез обратно, но Фридугис вынул из кошель алмаз Кали и показал его медному идолу.

— Гафа! — повелительным тоном произнес Фридугис. — Я желаю, чтобы этот назойливый человек оставался в яме. Можешь убить его, если он окажется чересчур несговорчивым.

Конан заскрежетал зубами.

Медный Гафа приблизился к яме и попросту уселся на нее.

Стало темно. Никакой надежды сдвинуть медную тушу у киммерийца не было. Он решил поискать другой выход из подземелья, хотя надежда найти таковой была крайне мала.

Драгоценности, которые Конан забрал у Турониса, по-прежнему оставались у него. Киммериец сунул их в свой кошель и тщательно затянул завязки. Хотя бы малое утешение, подумал он. Впрочем, Туронису они ничуть не помогли. Не хотелось бы разделить участь молодого бритунца, погибшего здесь сто зим назад.

Конан осторожно двинулся по подземному ходу. Он миновал сокровищницу, где больше не оставалось ни кобр, ни корзин с драгоценностями. Тоннель действительно тянулся дальше под землю. И, поскольку выхода другого не оставалось, Конан направился туда.

Дорога постоянно шла под уклон. Киммериец все глубже опускался под землю. Толща почвы давила на него почти физически: он ощущал, как над ним растут деревья, как глина и песок над этими камнями, укрепляющими своды,

пропитываются влагой и порождают мириады травинок. И сам Конан превращался в некое одушевленное растение, ведущее под землей свое странное уединенное существование...

Он видел сплетенные над головой корни деревьев. Они проросли даже сквозь каменную кладку и свисали, точно лианы. Да, именно так: лианы подземного царства. Лианы, которые никогда не цветут и не знают солнечного света.

Казалось, этому пути не будет конца. Конан вел пальцами по стене и ощущал резьбу: даже здесь неведомые древние мастера украсили камень. Странно — ведь никто бы этой резьбы все равно не увидел!

Впрочем, отчего же так? В незапамятные времена, когда этот храм находился посреди города и был объектом почитания многих верующих, поклонников богини Кали, наверняка имелись и здесь свои источники света. Факелы — быть может. А может быть, и световые колодцы в потолке.

Нужно только отыскать хотя бы один из них.

Недолго думая, Конан вытащил из ножен меч и начал тыкать в потолок. Ему пришлось заниматься этим странным делом довольно долго, но наконец, его усилия увенчались успехом. После однообразного звона, который издавал металл, соприкасаясь с камнем, послышался глухой звук: острие меча вошло в мягкую почву. Здесь имелось отверстие. Нужно только убрать наносы земли и песка.

И киммериец принялся за дело. Сперва ему требовалось соорудить подставку, чтобы дотянуться до колодца. Чтобы не потерять нужное место, он вонзил в землю над головой меч и оставил его висеть. После чего начал выворачивать из стен камни. Он знал, что это обрушит часть коридора, но не боялся этого. Главное — над головой у него есть выход.

Камень поддался усилиям могучего варвара. Конан слышал, как трещат корешки растений, успевших оплести камень за сотни лет. Но в конце концов мощь человека одолела даже мощь природы. Конан докатил камень до нужного места, поднялся на него и принялся разрывать потолок.

Земля сыпалась ему на голову, заставляя кашлять и зажмуривать глаза, но это обстоятельство ни в коей мере не замедлило работы. Варвар копал, как одержимый. Он рвался вверх, к свету и свободе. Фридугис еще заплатит ему за свое вероломство!

Глава десятая

Возвращение Кали

Тем временем Фридугис напрочь забыл о киммерийце, которого он только что обрек на голодную смерть в подземелье. Фридугис вообще, не мог припомнить, с кем он пришел сюда. Он знал одно: он доставил алмаз богине Кали и за это получил в награду все ее сокровища. Все, что еще уцелело за века забвения. Это было прекрасно.

Теперь, как понимал Фридугис, он обязан приблизиться к статуе и вставить алмаз в отверстие во лбу богини. В ее прекрасном нахмуренном лбу. Ибо без третьего глаза Кали плохо видит. Ей просто необходим этот алмаз!

Медный идол по имени Гафа и странный человек-птица по имени Сканда наблюдали за тем, как Фридугис медленно приближается к статуе. Ожидание застыло на подвижной мордочке Сканды. Он был похож сейчас на ребенка, которому обещали замечательный подарок. Долго рассказывали, каким чудесным будет этот

подарок, долго намекали — чем именно он окажется. И вот желанный, долгожданный миг настал!

Гафа же оставался по-прежнему неподвижным. У него не было мимики. Разве что в глубине его глаз вдруг вспыхнула искорка человечности, но она погасла прежде, чем Фридугис успел ее заметить.

Впрочем, бритунец сейчас не замечал решительно ничего, кроме манящей золотой статуи.

Богиня перестала казаться ему страшной или грозной. Она призывала его ласковой материнской улыбкой.

Да разве она не была его истинной матерью? Разве она не хранила его во всех испытаниях? Разве не подарила ему полную корзину самоцветов? Так неужто он не сделает для нее такой малости, не отдаст ей алмаз?

Фридугис даже засмеялся при этой мысли. Ему было радостно и легко. Он подбежал к богине и простерся у ее ног. Она взирала на него благосклонно. Она даже чуть наклонила голову, чтобы ему удобнее было вставлять алмаз.

Восхищенный Фридугис вынул алмаз и показал богине. Блики засияли по всему золотому образу Кали, как бы наполняя ее радугой. Она светилась. Медленно Фридугис поднес алмаз ко лбу статуи и вложил его на место.

И статуя поглотила свет. Теперь она вся сверкала нестерпимым белым сиянием, точно была охвачена неземным огнем. У Фридугиса страшно заболели глаза, как будто прямо ему в зрачки ткнули острыми иглами. Он зажмурился и закричал от боли.

Кали не слышала его. По джунглям разнесся ее смех. Это был глубокий, гортанный женский голос, в котором звенели серебряные нотки. Удивительный, нечеловеческий голос, пробирающий до самых костей!

Кали выпрямилась, стоя на носках. Затем подняла ногу и согнула ее в колене. Сменила положение рук. Начался поразительный по красоте танец. Бедра богини извивались, и пояс в виде младенческих черепов колыхался, обвивая ее талию. Она пела самой себе, не разжимая губ, и этот звук заполнял все пространство вокруг богини. Фридугис едва мог дышать, но Кали не замечала его.

Она поднимала над головой руки и тщательно перемещала пальцы, создавая различные их комбинации. Мир вокруг нее изменялся. Выгоревшая пустошь медленно заполнялась растительностью. Из земли ползли извивающиеся, как змеи, гибкие стволы деревьев. Они застывали и делались толстыми, они покрывались корой, из их веток стремительно выходили листья. Затем началась «эпоха цветов». Бесчисленное множество цветов всех оттенков розового, беловато-желтого, голубоватого, фиолетового. Лепестки были повсюду: на листьях, на земле, на голове богини, на ее гладких плечах. Привлеченные ароматом, налетели насекомые, и сразу же вслед за ними — бесчисленные яркие птицы.

В глазах рябило. Впрочем, Фридугис почти ничего не видел — боль по-прежнему не отпускала его.

Он услышал громкий крик павлина. Раскрыв хвост и горделиво подняв увенчанную короной голову, огромный павлин важно шагнул навстречу Кали. Богиня простерла к нему руки — это движение выглядело как часть ее танца — и павлин взвошел на золотую ладонь.

— Сын мой! — громко возгласила богиня. — Сканда! Приди ко мне!

Павлин потоптался на месте, несколько раз открыл и раскрыл великолепный веер хвоста, а затем подпрыгнул и приземлился на ладонь золотой матери в виде стройного мальчика, подростка в золотых доспехах. На нем был шлем с высоким гребнем, сверкающий панцирь с шипами на плечах, на бедре его висел меч, за спиной торчал боевой лук.

Лицо мальчика в точности повторяло черты Кали, оно было таким же воинственным и свирепым.

— О, Сканда! — сказала ему Кали.

Сканда засмеялся, спрыгнул на землю и поклонился своей матери, а затем пустился бежать, выпуская на бегу ликующие вопли.

— Кали! Кали вернулась! Кали! Кали вернулась к нам! — слышалось из глубины джунглей.

С медным идиолом произошла другая перемена. Когда Кали обратила на него свой третий глаз, из алмаза вышел длинный ярко-синий луч.

Этот луч был направлен прямо в середину лба медной фигуры.

На миг голубое сияние охватило идола. Он весь был объят пламенем, а когда все погасло, Фридугис сумел разглядеть у толстых медных ног темное человеческое тело. Идол сидел неподвижно в странной позе, сложив искалеченные руки в молитвенном положении. Жизнь больше не присутствовала внутри его мощной медной фигуры.

Зато человек, извлеченный синим лучом третьего глаза Кали, был жив. Он застонал и отполз подальше от идола. Кали, впрочем, не обратила на него внимания. Она продолжила танец, и теперь — Фридугис догадывался об этом каким-то странным чутьем, — этот танец имел самое прямое отношение к бывшему хранителю алмаза.

Фридугис упал на колени и закрыл лицо руками. Вся его поза выражала полную покорность судьбе, что бы ему ни уготовило будущее.

* * *

Конан стремительно бежал через джунгли. Он мчался туда, откуда доносились странные звуки: громкое пение, крики, воинственный звон доспехов.

Именно там сейчас происходило все самое главное — то, ради чего Фридугис проделал столь долгое путешествие. Да и Конан, если признаться, — тоже.

Варваром двигало отнюдь не любопытство. Он желал, во что бы то ни стало разобраться с коварным бритунцем. До последнего Конан считал Фридугиса вполне приличным человеком. То есть таким, который, ограбив чужую сокровищницу, непременно поделится с компаньоном.

Конан мысленно проклинал себя за доверчивость. Следовало уже привыкнуть к тому, что самые благородные с виду люди преображаются, стоит им увидеть золотые монеты или россыпь драгоценных камней.

Фридугиса же соблазнила не только жадность, но и власть: он вообразил, будто может теперь повелевать самой богиней Кали, коль скоро алмаз у него в руках. Что ж. Пора рассеять хотя бы одно из заблуждений этого несчастного. Даже если Кали и повинуется ему, то сказать то же самое о Конане-киммерийце Фридугис никак не сможет.

Конан фыркнул. Забавное же будет лицо у бритунца, когда тот увидит перед собой мстителя-варвара! Что ж, все имеет свою цену, и коварство не является в данном случае исключением. Фридугис заплатит за все сполна.

Когда Конан выбежал на поляну, он не узнал местность.

Кругом буйно цвела пышная тропическая растительность. Воздух был полон волшебных ароматов, густых и сладких. Кругом гудели деловитые насекомые, заливались райские птички, чьи перья сверкали ярче самоцветов.

А посреди поляны медленно танцевала золотая статуя богини. Алмаз сверкал в ее лбу, и вся фигура гигантской женщины была залита переливающимся светом. Маленький юноша-воин стоял на плече у своей матери; на шлеме его красовался гребень, напоминающий по форме корону, что украшает голову павлина. Доспех его был усыпан круглыми павлиньими «глазками», вроде тех, что сияют на хвосте этой роскошной птицы.

Медный идол валялся в безжизненной позе, и при взгляде на него Конан сразу понял, что это существо — чем бы оно на самом деле ни являлось, — больше никогда не пошевелится: то, что одушевляло массивную фигуру неведомого божества, навсегда покинуло ее.

Фридугис стоял на коленях перед Кали, опустив голову. Богиня приближалась к нему с каждым новым движением своего замедленного танца. Бритунец как будто не понимал, что сейчас она наступит на него тяжелой ступней и раздавит...

Или, того хуже, схватит своими мощными руками и разорвет на части.

Прекрасное гневное лицо богини оставалось неподвижным, но Конан, наблюдавший за ней со стороны, каким-то образом понимал ее намерения. Она предвкушала скорое пролитие крови. Она стосковалась без живой крови, которой, должно быть, в прежние времена щедро кормили ее жрецы.

И Фридугис, который принес зловещей богине ее чудесный алмаз и позволил ей ожить, окажет своей повелительнице эту последнюю услугу.

— Кром! Она полностью подчинила его себе! — прошептал Конан. Он покачал головой: — В любом случае, если даже он предатель, я не позволю какой-то богине расправиться с ним. Это — мое право, и только мое. Я не намерен уступать месть другому!

Фридугис начал раскачиваться, как кобра, зачарованная флейтой факира. Он тянул руки к танцующей Кали.

Сканда, стоя на плече своей матери, весело смеялся. Он вел себя как ребенок или безумец, и в этом радостном смехе Конан вдруг угадал прежнего пастушка, который то бегал по джунглям, то вдруг начинал говорить загадками, а то погружался в безмолвие и держался как умалишенный.

Корзина с драгоценностями так и стояла возле выхода из разрушенного подземного храма. Рядом с безжизненным идолом.

Конан осторожно переместился поближе к ней, стараясь держаться в тени.

К счастью, Кали была полностью поглощена своим танцем и не замечала происходящего вокруг. Вероятно, богиня полагала, что врагов у нее быть не может. Не здесь, не возле ее древнего святилища.

Что ж, золотую госпожу с алмазом во лбу ожидает крупное разочарование.

Свет и тени переливались так причудливо, что движущаяся бесшумно фигура варвара, хоть и массивная, была почти совершенно незаметна.

Только очутившись возле корзины, Конан обнаружил рядом с медным идолом человека. Живого человека. Судя по внешности — вендийца. Очень уставшего и какого-то серенького. По прежнему опыту Конан знал, что подобный цвет лица бывает у старых узников, либо у смуглых людей, переживших сильный страх.

— Эй, — шепотом окликнул его Конан. Вендиец подпрыгнул от неожиданности и посерел совершенно.

— Не бойся, — сказал ему Конан. — Меня зовут Конан. Давно она тут выплясывает?

Кивком головы он указал на Кали. Вендиец дернул углом рта.

— Я Гафа, — сказал он, невнятно выговаривая звуки. Было ясно, что он отвык разговаривать.

— Гафа? Погоди-ка... — Конан нахмурился. — Ты был с этими... с бритунцами? Сто зим назад? Хейрик, Туронис?.. Как там звали прочих, не помню... Да? Мне об этом рассказывали.

— Да, — сказал Гафа. — Сто зим? Не верится!

— Где же ты провел все это время?

— Я принадлежал идолу.

Конан посмотрел на медный жирный бок. Поморщился.

— Так они оставили тебя на милость этого красавца, а он понял все буквально и забрал тебя к себе? — Киммериец покачал головой. Воображаю, каково тебе было!

— Не хуже, чем всегда, — выдавил Гафа.

Богиня между тем приблизилась к Фридугису почти вплотную. Конан посмотрел на то, что творилось на поляне. Сейчас или никогда! У него еще оставался шанс дожидаться смерти Фридугиса, забрать корзину, навьючить ее на безропотного Гафу и покинуть это место богатым и счастливым.

Но... счастливым ли? Заслужил ли Фридугис того, что с ним сейчас произойдет? Даже если бритунец на мгновение поддался алчности, не отменяет того обстоятельства, что он спас Конана от ядовитой крови убитого монстра. Да и позже вел себя вполне достойно.

Конан взял из корзины крупный рубин, подбросил его на ладони, а затем метко бросил в Кали. Камень, отскочив от золотого тела статуи, громко зазвенел и упал на землю. Второй камень, поменьше, угодил во Фридугиса. Бритунец вздрогнул всем телом. Боль привела его в чувство. И не только: она вызвала в нем воспоминание. Точно так же Конан кидался в него камнями на подвесном мосту, когда Фридугисом овладела паника...

Воспоминание пришло очень вовремя. Фридугис поднял голову и увидел над собой занесенную для последнего удара ногу статуи. Свет изливался с нее потоками, он стекал, точно вода. Это было красиво — и страшно.

Бритунец вскочил и отбежал в сторону, громко крича:

— Нет! Нет!

Конан вылетел из своего укрытия, как разъяренный демон. В его руке сверкал меч.

— Фридугис! — заорал киммериец. — Сюда!

Бритунец шарахнулся от нового явления: ему почудилось, будто он видит перед собой грозного мстительного духа. Фридугис не помнил, что именно случилось с Конаном, — в подземелье бритунец действовал, не вполне отдавая себе отчета в своих поступках.

Однако остатки воспоминаний настойчиво твердили ему о том, что в последний миг Фридугис, повинаясь приказаниям Кали, предал своего спутника.

Рассуждать, впрочем, было некогда. Равно как и гадать. Кем бы ни был этот гигант, выскочивший из джунглей и ревуший яростным голосом, ему следовало повиноваться. И Фридугис бросился в укрытие. Он спрятался за тушу медного идола. Конан между тем вышел вперед и встал перед танцующей богиней.

— Сразимся? — предложил он и поднял меч. Кали медленно перевела взгляд на дерзкого человека. Голос ее загудел на весь лес:

— Мне? Сражаться с тобой, ничтожный? Отдай мне то, что мое, и уходи!

— А что твое? — спросил Конан.

— Человеческая кровь! — ответила богиня. — Я голодна.

— Я намерен остановить тебя, — сказал Конан.

Сканда прыгнул с плеча своей матери и встал перед варваром.

— Бейся, — сказал божок. И Конан сделал первый выпад. Сканда без труда отразил его. Запрокинув голову, он засмеялся серебристым смехом. Джунгли отозвались птичьим пением. Казалось, все вокруг ликует, глядя на поединок божества, закованного в латы, и полуодетого человека.

Что ж, Конану не впервой было одолевать противника, который не только превосходил его силой или умением, но и обладал магической защитой.

Раз за разом Конан бросался в атаку, и всегда Сканде удавалось отвести меч киммерийца. Божок был невероятно ловок. Он уворачивался, отскакивал, а если уйти от удара не удавалось, то смело подставлял свой короткий кривой меч. Щит он отбросил в сторону: массивный и очень красивый, в настоящем сражении этот щит только мешал, затрудняя движения.

Конан начал задыхаться, между тем как Сканда продолжал хохотать и вертеться перед глазами, точно уж. Станным показалось Конану то обстоятельство, что сам Сканда не атаковал! Очевидно, божок намерен прикончить своего дерзкого соперника одним-единственным последним ударом, дождавшись, пока Конан выдохнется.

А может быть... Конан похолодел. Ну разумеется! Сканда вовсе не собирается его убивать. Он хочет нанести человеку такое увечье, чтобы богиня Кали получила, наконец возможность выпить из него, живого, кровь и утолить свою вековую жажду. Вот и причина для столь странного поведения Сканды.

И Конан удвоил усилия. Он метил своему сопернику в глаза. Других уязвимых мест на теле Сканды попросту не было.

А Сканда применил новую хитрость. Теперь он постоянно менял рост. Становился то выше, то ниже; иногда он был не больше карлика, а то вдруг вырастал почти в великана. И все время смеялся. Этот смех утратил прежнюю детскую жизнерадостность, теперь он звучал назойливо и казался совершенно неестественным. Конан вдруг понял, что хохот божка выводит его из себя.

Рыча от ярости, киммериец взмахнул мечом... и голова Сканды покатилась по земле. Конан целил, как и намеревался, в глаза, однако Сканда опять изменил свой рост, и острие варварского меча перерубило шею.

Тело существа в чешуйчатом доспехе застыло на месте. Оно стояло неподвижно в той позе, в какой застигла его смерть: одна рука изогнута в изящном жесте, другая, с мечом, чуть отведена назад для очередного удара. Голова Сканды в шлеме лежала на краю поляны.

Пение Кали сделалось яростным. Богиня шагнула навстречу убийце своего сына.

Конан понимал, разумеется, что совершенно убить Сканду ему не удалось. Боги никогда не погибают истинной смертью. Но на время киммериец изгнал дух божества из красивого вместилища, где тот обретался. И этого времени, как надеялся Конан, будет достаточно, чтобы киммериец и его спутники успели унести из Вендии ноги.

Кали между тем надвигалась на Конана, гневно двигая руками. Ее пальцы сжимались и разжимались, как бы предвкушая, что тело дерзкого человека вот-вот хрустнет в ее кулаке.

Киммериец, тяжело дыша, поднял меч. Он готовился дорого продать свою жизнь.

И тут целый град камней обрушился на богиню. Фридугис и Гафа хватали из корзины гигантские изумруды и рубины и бросали их в статую Кали. Разумеется, причинить ей серьёзный вред они не могли, но этот град отвлекал ее от главного противника, подобно тому, как жалящие мошки раздражают коня и мешают ему выполнять приказания всадника.

Испустив воинственный клич, Конан кинулся на богиню. Он знал, что ему делать. Теперь знал.

Схватив рукоять меча обеими руками, Конан высоко занес его над головой и, подпрыгнув, ударил прямо по алмазу, пылавшему во лбу Кали.

Если бы Кали не отвлекалась на осыпавший ее град драгоценных камней, она никогда не пропустила бы этого удара. Но Фридугис с Гафой сделали свое дело: они дали Конану шанс, и киммериец не упустил его.

Раздался ужасающий звук.

В нем смешалось все: пение стали и звон разбивающегося камня, вопль отчаяния и яростный боевой клич, в котором звучало обещание мести...

Алмаз изменил цвет. Он покраснел, налился темной кровью. Сияние, исходившее из камня, сделалось багровым, по золотому телу богини потекли кровавые потоки.

Шатаясь, она сделала еще несколько шагов, нагнулась в последней попытке схватить киммерийца — и застыла.

Золото начало стремительно тускнеть, покрываться пыльным налетом. Багровый цвет сменился коричневым, алмаз во лбу статуи погас, как гаснет око хищной птицы после того, как в нее вонзится стрела. Голос, выходивший из чрева статуи, сделался глухим, а затем и вовсе замолчал.

Еще несколько мгновений — и золотая статуя исчезла. Вместо нее перед Конаном лежала гора сырой бесформенной глины.

Где бы ни находилась сейчас сущность богини Кали, на этой поляне, в сердце вендийских джунглей, подле старого заброшенного храма, ее явно больше не было.

Гафа и Фридугис, помедлив, выбрались из своего укрытия и приблизились к киммерийцу. Конан повернулся навстречу им.

— Вот и все, — с нарочитой небрежностью молвил варвар. — А говорят, будто на богов управы нет. Добрая сталь победит все что угодно. Я всегда это утверждал, клянусь Кромом!

Фридугис не знал, смеяться ему или плакать.

— Мы спасены! — проговорил наконец бритунец. — Конан! — Он с неожиданной опаской посмотрел на киммерийца. — Я не помню... мне кажется сейчас, что я совершил по отношению к тебе предательство... Если это так, то...

Конан пожал плечами.

— Полагаю, ты сам не понимал, что делаешь. Эти боги бывают на удивление назойливы. Заберутся в твои мысли и начинают помыкать свободным человеком, точно рабом. Забудь.

— Да я еще и не вспомнил — как мне забыть? — засмеялся, наконец Фридугис. Усталость навалилась на него, и бритунец уселся прямо на землю. — Я бы поспал, — сказал он. — Да, кажется, нам лучше поскорее уйти отсюда. Только соберем сокровища.

Конан и Фридугис принялись оглядываться по сторонам. И в самом деле! Ведь здесь должны сверкать изумруды, рубины, топазы, сапфиры, другие чудесные самоцветы, и ограненные, и гладкие, лишь слегка отполированные... Где же они?

— Глянь в корзину, — посоветовал Конан. — У меня почему-то дурное предчувствие.

Гафа, повинаясь жесту бритунца, принес корзину, где прежде хранилась сокровищница Кали.

Точнее — часть ее сокровищницы, ибо основные богатства, вероятно, скрывались в местах, недоступных человеку.

Фридугис схватил корзину и перевернул ее. На траву высыпалась все та же глина...

Конан развел руками.

— Что ж, боги на то и боги, чтобы насмехаться над людьми! — философски заметил киммериец. — Я не встречал еще богов, которые играли бы честно с нами, простыми смертными. Будь я богом, я бы, наверное, поступал бы точно так же. Устанавливал бы правила — и изменял бы их по собственному усмотрению.

— В конце концов, — усилием воли справившись с болезненным разочарованием, проговорил Фридугис (голос его звучал на удивление ровно и спокойно!), — богиня Кали ничего мне не обещала. Она лишь требовала назад свое имущество, только и всего.

Конан покосился на Фридугиса, крайне недовольный тем обстоятельством, что бритунец слишком быстро обрел былую невозмутимость и даже не обратил внимания на скрытую похвалу варвара: он-де, Конан, не раз общался с богами и изучил их повадки как никто другой!

Зато Гафа отреагировал иначе. Робко коснувшись плеча варвара, он проговорил:

— Ты видел и других богов, господин?

— Видел — и ничего хорошего они собой не представляли, — буркнул Конан. — Кстати, я тебе не господин. Твой хозяин — вот он, Фридугис. А лично я не намерен обременять себя прислужой. Другое дело — бритунец. Ему, кажется, просто необходим человек, способный починить ему штаны или почистить сапоги.

Фридугис мельком оглядел свою одежду, выразил согласие с предложением Конана.

— А кроме того, я унаследовал тебя вместе с алмазом после бедняги Хейрика, — добавил Фридугис, хлопая бедного Гафу по плечу. Он видел, что вендиец совершенно растерялся, но что такое огорчения человека, сто зим просидевшего в теле медного идола, по сравнению с расстройством богатого чудака, только что утратившего несметные сокровища Кали!

* * *

Путники расставались спустя месяц возле моря Вилайет. Фридугис с Гафой направлялись дальше на запад, в Бритунию. Фридугису не терпелось засесть за работу: план будущего трактата уже полностью сложился у него в голове. По правде говоря, Фридугис успел утомить Конана своими восторженными рассказами о том, как будет в грядущем сочинении подана тема оживающих идолов, и под каким неожиданным углом Фридугис намерен смотреть на проблему неприязни к чужестранцам в маленьких городках Вендии.

Гафа не отходил от Фридугиса ни на шаг: словно боялся, что его бросят по дороге за ненадобностью. Конан замечал потуги бедного вендийца быть полезным и сообразительным; Фридугис же не обращал на страхи своего нового слуги никакого внимания.

В конце концов, при расставании Конан сказал Гафе — уже наедине:

— Перестань бояться. Даже если Фридугис выгонит тебя, ты не пропадешь. Кругом живут люди. Всегда найдется работа, а не сумеешь работать — сумей украсть. Дело нехитрое.

Гафа вздохнул:

— Очень уж кругом все широко и просторно. Да и размер у меня теперь маленький. А я привык быть огромным... Да и вообще... — Он понизил голос, как будто вознамерился выдать какой-то очень важный секрет. — Мир кругом поменялся. Я примечаю. Одежда другая и говорят немного иначе... И обычаи — тоже.

— Да ладно тебе! — Конан махнул рукой. — Люди всегда и везде — просто люди. А деньги, Гафа, всегда и везде — просто деньги. Я тебе одну штуку подарю, только ты ее никому не показывай. Храни при себе на черный день. Конечно, я не думаю, что Фридугис тебя когда-нибудь прогонит, но тебе, я знаю, с этой штукой будет спокойнее.

И Конан сунул ему в руку крупный рубин.

— Это твое. Не продашь — так сбереги на память.

Гафа сунул камень за пазуху и вдруг расцвел широченной улыбкой.